

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Малочисленность и вдовство епархий предъ учрежденіемъ Св. Синода. Тяжелое положеніе мѣстоблюстителя м. Стефана и неудовлетворительность епархіальнаго управленія въ бывшей Патріаршей области, временно порученной вѣдѣнію крутицкаго митрополита. Мысль объ учрежденіи Духовной Коллегіи для исправленія великихъ церковныхъ дѣлъ. Работы Петра по введенію коллегіальнаго управленія въ Государствѣ и по второму передѣлу Россіи на губерніи (1719), предшествовающія учрежденію Духовной Коллегіи.

Составленіе Регламента для духовной Коллегіи и мѣры къ упорядоченію епархіальнаго управленія (епископскія дѣла), выработанныя составителемъ Регламента. Непригодность этихъ мѣръ для достиженія цѣли безъ увеличенія числа самостоятельныхъ епархий или, въ крайнемъ случаѣ, викаріатствъ. Сомнительный проектъ увеличенія числа русскихъ епархий, приписываемый Петру историкомъ В. Н. Тагицевымъ.

Открытіе Св. Синода (14 февр. 1721 г.). Вопросъ о состояніи епархий на первомъ засѣданіи Св. Синода. Возвращеніе управленія церковными вотчинами духовнымъ властямъ, осложнившее епархіальное управленіе. Духовное инквизиторство, введенное Св. Синодомъ въ цѣляхъ упорядоченія епархіальной жизни. Раздѣленіе епархий по двумъ протоинквизиторскимъ округамъ. Вредъ отъ инквизиторства, ослабившаго права епархіальныхъ архіереевъ. Не осуществившійся проектъ учрежденія викаріатствъ у синодальныхъ членовъ для заведыванія земскими дѣлами.

Бывшая Патріаршая, теперь Синодальная, область въ вѣдѣніи Св. Синода, но безъ самостоятельнаго архіерея. Неудобства управленія ею „чужестранныхъ архіереевъ“ и порученіе ея Леониду (крутицкому). Сложность обязанностей послѣдняго по управленію двумя епархіями.

Увеличеніе состава Синодальной области по смерти м. Стефана Яворскаго (27 ноября 1722 г.) присоединеніемъ къ ней отъ Рязан-

ской епархій Тамбовской (1723 г.) и г. Борисоглѣбска отъ Воронежской, а также 19 ржевскихъ приходовъ изъ Новгородской (1725 г.); образованіе въ 1738 г. новой Ивановской десятины. Составъ Синодальной области въ 1724 году.

Отношеніе донскихъ казаковъ къ Воронежской епархій въ началѣ существованія Св. Синода. Составъ Воронежской епархій въ 1724 г. и расширеніе южныхъ предѣловъ ея вслѣдствіе колонизаціи придонскихъ областей. Смежность границъ Воронежской и Астраханской епархій въ нижнемъ придонскомъ бассейнѣ. Расширеніе южныхъ границъ Астраханской епархій, особенно вслѣдствіе персидскихъ походовъ, по побережью Каспійскаго моря. Малочисленность церквей Астраханской епархій. Спорное дѣло о вновь поселенныхъ казачьихъ слободахъ, принадлежавшихъ Астраханской епархій. Колонизація въ предѣлахъ Казанской епархій (Оренбургскій край). Составъ Казанской епархій. Присоединеніе городовъ Синодальной области (Арзамасъ, Гороховецъ, Яропольчъ, Вязниковская слобода) къ Нижегородской епархій. Колонизація въ Приуральѣ и Вятская епархія.

При обзорѣ территории и состава великорусскихъ епархій начала XVIII в. мы видѣли, что къ концу второго десятилѣтія XVIII в. число ихъ не только не увеличилось, напротивъ уменьшилось, сравнительно съ концемъ XVII в., и что епархій, по прежнему, оставались весьма обширными. Тамбовская епархія, прикрытая въ 1700 г., не замѣнена другой. Правда, у новгородскаго владыки открыто Ладожское викаріатство, но и оно скоро прикрылось. Корельское викаріатство, возстановленное въ 1714 году, не доразвилось до самостоятельной епархій, къ тому же его нельзя назвать постояннымъ, въ виду какой то неопредѣленности положенія самой каѳедры и отношеній ея епископа къ новгородскимъ владыкамъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что въ продолженіе двухъ десятковъ лѣтъ на три епархій официально оставался одинъ архіерей. Таковъ былъ Стефанъ Яворскій. Ему, какъ мѣстоблюстителю, подчинена была огромнѣйшая бывшая Патріаршая область, какъ епархіальному архіерею, принадлежала одна изъ многочислѣннѣйшихъ Рязанская епархія и, наконецъ, въ чисто матеріальныхъ интересахъ блюстителя присоединена къ Рязанской митрополіи Тамбовская епархія. Управлять тремя епархіями, составляв-

шими чуть ни половину всей тогдашней великорусской церковной территории Московскаго патриархата, одному архіерею—дѣло совершенно невозможное. Къ этому необходимо прибавить, что м. Стефанъ постоянно долженъ былъ выѣзжать въ С.-Петербургъ и жить тамъ подолгу¹⁾. Не упуская изъ вниманія епархіальнаго управленія вновь образовавшейся Петербургской области съ присоединенной къ ней частью Лифляндіи, мѣстоблюстителю, въ силу необходимости, совершенно забросилъ Рязанскую епархію, не учредивши въ ней даже школы. Это обстоятельство ставили въ большую вину мѣстоблюстителю. Не только въ Рязани, но и въ Москвѣ, вмѣсто м. Стефана командовалъ его братъ Ѳеодоръ Яворскій, человѣкъ весьма мало ученый и не безкорыстный²⁾. Новгородская епархія, по смерти м. Іова, также долго вдовствовала; на Ростовской кафедрѣ послѣ св. Димитрія (28 окт. 1709 г.), заставшаго епархію въ ужасномъ состояніи, до поступленія несчастнаго Досіея (17 іюня 1711 г.) около двухъ лѣтъ не было своего архіерея. Другія епископскія кафедры не вдовствовали подолгу въ царствованіе Петра, но было время, когда нѣсколько кафедръ одновременно оказывались безъ архіереевъ.

При необыкновенной малочисленности русскихъ іерарховъ епархіальные архіереи поочередно, или даже всѣ вмѣстѣ, продолжали ѣздить сначала въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ на цѣлыя годы.

Москва не сразу уступила свое мѣсто Петербургу. Въ самомъ началѣ XVIII в. въ ней собирались почти всѣ русскіе архіереи. По дѣлу Талицкаго къ 20 мая 1701 г. въ Москву прибыло девять архіереевъ, а за тремя—казанскимъ, смоленскимъ и бѣлгородскимъ—посланы были особыя грамоты и ихъ ожидали вскорѣ; шесть архіереевъ въ 1708 г. предавали анаѹемъ въ Москвѣ Мазепу; въ со-

¹⁾ С. Г. Рункевичъ. Исторія Русской церкви, подъ управленіемъ Св. Синода. т. I, Спб. 1900 г. стр. 84—88.

²⁾ И. А. Чистовичъ. Ѳеоданъ Прокоповичъ и его время... стр. 394—395; Ю. Самаринъ. Полн. Собр. сочиненій, т. V, стр. 261.

ставленіи правилъ объ упорядоченіи церковно-приходской жизни, изданныхъ въ 1711 г. „Освященнымъ Соборомъ“ вмѣстѣ съ Сенатомъ, участвовали шесть архіереевъ. Тверитиновское дѣло не разъ обсуждалось на соборѣ епископовъ, собиравшихся въ Москвѣ¹⁾ и т. д.

До возвышенія Петербурга русскіе архіереи, ѣздившіе на соборы и для поставленія епископовъ въ Москву, представлявшую собой центръ Россіи, около котораго сосредоточивалось большинство архіерейскихъ кафедръ, оказывались сравнительно близко къ своимъ епархіямъ. Отъѣзжая въ новую столицу, они жили гораздо дальше отъ нихъ²⁾.

О томъ, какъ петербургскія отлучки отражались на епархіальномъ управленіи, говорить излишне. Мѣстоблюститель прежде всѣхъ испыталь и лучше другихъ понималъ это. Даже почетное представительство его въ Петербургѣ, какъ іерарха и сановника, не въ состояніи было отогнать у него мысли о томъ, что его епархія постоянно бѣдствуетъ безъ архіерея и что онъ недостойный пастырь. М. Стефанъ излилъ свое горе въ письмѣ къ Тихону м. Казанскому. 12 авг. 1721 г. мѣстоблюститель писалъ ему: „настало уже время платить долгъ первороднаго, грѣха....

¹⁾ С. Г. Рункевичъ. Исторія рус. церкви подъ управленіемъ Св. Синода, т. I. стр. 90—91.

²⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, т. XVI стр. 273. Въ 1718 г. 16-го іюля Петръ указалъ Стефану, м. рязанскому, жить въ С. Петербургѣ; при немъ въ первой очереди быть Игнатію, епископу суздальскому, а прочихъ архіереевъ изъ С. Петербурга отпустить въ свои епархіи; по прошествіи первой чреды въ С.-Петербургѣ архіереямъ велѣно пріѣзжать поочередно противъ того, какъ въ Москву пріѣзжали. Въ первой половинѣ 1718 года, когда обсуждалось предложеніе сорбоннскихъ профессоровъ, рѣшалось дѣло царевича Алексѣя въ Петербургѣ и ставились архіереи на вакантныя кафедры, мы видимъ слѣдующихъ архіереевъ: м. Стефана (Яворскаго), Ѳеодана псковскаго, Алексія сарскаго — крутицкаго, Игнатія суздальскаго, Варлаама тверскаго, Аарона корельскаго, двухъ греческихъ митрополитовъ—ставропольскаго Іоанникія и вивайдскаго—Арсенія (С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. IV, т. XVI, стр. 484. Ср. С. Г. Рункевичъ. Ист. Русской Церкви подъ управленіемъ Св. Синода т. I, стр. 107).

молю тя... не забуди мою грѣшную душу въ святыхъ твоихъ молитвахъ, иду предъ неумолимаго страшнаго Судію и не вѣмъ, кой отвѣтъ воздамъ, наипаче же о моемъ архіерействѣ. Ужасъ и трепетъ обдержитъ мя, о тяжестный омофоре!... Счастливы архіереи, которые, яко пастыріе, при овцахъ своихъ пребывающіе, всякимъ образомъ наблюдаютъ стадо Христово. Азъ же, окаянный, двадцать два года пастыремъ недостойнымъ и преокаяннымъ ставши, въ толицемъ разстояніи отъ овецъ своихъ словесныхъ, пребывающій, кой отвѣтъ воздамъ о своей паствѣ?... Стефанъ архигрѣшникъ, не пастырь Рязанскій, но наемникъ, о овцахъ не радящій¹⁾.

То, о чемъ такъ сокрушался Стефанъ Яворскій, кажется, сравнительно мало беспокоило Петра. Онъ мало обращалъ вниманія на неудобства управленія обширнѣйшими епархіями, часто остававшимися безъ архіереевъ.

Если Петру случилось, по необходимости, обратить вниманіе на это обстоятельство, то тутъ ему помогала привычка не задумываться долго, а рѣшать все сразу своимъ могучимъ словомъ и приказомъ, не допускавшимъ никакихъ возраженій.

Въ извѣстномъ ноябрьскомъ докладѣ 1718 года, послѣ просьбы объ отпускѣ въ Москву и о дворѣ въ Петербургѣ, м. Стефанъ писалъ Петру: „Буде здѣсь въ Петербургѣ жить вовсе (т. е. совсѣмъ, всегда), у коихъ дѣлъ быть, какъ епархію Рязанскую въ толикомъ разстояніи управлять? Кому епархію Патріаршую (Московскую) и церковь соборную и духовныя дѣла вѣдать, кому ставленниковъ обѣихъ епархій ставить, кому школьные порядки вѣдать“?

На вопросы м. Стефана царь положилъ резолюцію: „Дѣло прежнее (т. е. слишкомъ обыкновенное)—для рязанскихъ дѣлъ надлежитъ епископа устроить, какъ въ Новгородѣ Ладожскій, а Московскія только дѣла Крутицкому вручить, а чего не могутъ, о томъ писать сюда для рѣшенія; школы опредѣлены, а о важныхъ должно сюда писать“. Далѣе м. Стефанъ спрашивалъ: „архіереямъ здѣсь

¹⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1859 г. II, стр. 86—88.

въ чредѣ бывать ли, и по одному или по два и коликое время быть—погодно или по полгода, и съ котораго числа чреду начинать, отъ перваго ли числа генваря, яко мнится быть прилично, и пріѣхавши, гдѣ имъ жить, и о томъ о всемъ Монаршескаго опредѣленія просимъ“? А кому за нихъ править епархіями, м. Стефанъ уже не спрашивалъ.

Петръ опредѣлилъ: „архіереямъ поочередно здѣсь быть надлежитъ, а сколькимъ, то дается вамъ на волю по качеству дѣлъ здѣшнихъ; а начинать свое бытіе съ генваря, а гдѣ жить, мѣста готовы, а подворья могутъ по малу сами построи“.

Наконецъ, мѣстоблюститель спрашивалъ: „во многихъ епархіяхъ архіереевъ нѣтъ: въ Кіевской, Новгородской, Тобольской, Смоленской, Коломенской, а престарѣлые на Устюгѣ, на Вяткѣ; и отъ вдовствующихъ епархій присылаютъ ко мнѣ всякія дѣла съ великою трудностью, дальнаго ради разстоянія, и стужаютъ мнѣ, прося о рѣшеніи дѣлъ, и я на тѣхъ дѣлахъ помѣчаю: „ждать своего архіерея“; и нынѣ у нихъ премногое множество накопилось дѣлъ и ставленниковъ и нестроений церковныхъ много и безъ архіереевъ пробыть у нихъ невозможно, и о томъ, что Великій Государь укажетъ“?

Великій Государь и на эти трудные вопросы отвѣтилъ спокойно: „выбрать на примѣръ (т. е. кандидатовъ) и подать роспись; также и впредь для такихъ избраній надлежитъ заранѣе добрыхъ монаховъ сюда въ монастырь Невскій привезть, дабы здѣсь жили, которыхъ бы могли знать, чтобы такихъ не наставить, какъ Тамбовскій и Ростовскій были, а для лучшаго впредь управленія, мнится быть удобно Духовной Коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно“¹⁾.

Нѣтъ надобности много прибавлять къ подлинному докладу м. Стефана и царскимъ резолюціямъ, чтобы понять, до какого разстройства дошло епархіальное управленіе въ русской церкви наканунѣ учрежденія „Духов-

¹⁾ Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. V, № 3239.

ной Коллегіи". Картина представляется безотрадной по одному тому, что одновременно чуть ни половина епархій оставалась безъ архіереевъ. Вопли естественны, что нерѣшенныхъ дѣлъ въ нихъ накопилось „премногое множество“; церковныхъ нестроений было тоже много. Самъ царь соглашался, что безъ архіереевъ епархіямъ нельзя оставаться, и потребовалъ доставить ему списокъ кандидатовъ на свободныя каѳедры, при этомъ сдѣлалъ весьма важную оговорку, чтобы на будущее время для избранія въ архіереи вызвать изъ епархій въ Невскій монастырь добрыхъ монаховъ, чтобы съ ними познакомиться лично и не наставить такихъ, какъ были Игнатій Тамбовскій, замѣшанный въ дѣлѣ Талицкаго и обвиненный въ государственномъ преступленіи по дѣлу царевича Алексѣя Петровича и царицы Евдокіи (Тонухиной), подвергнутъ пыткамъ и колесованъ съ именемъ разстриги Демиды (въ мартѣ 1718 г.)¹⁾.

Память о Досифеѣ Ростовскомъ была слишкомъ свѣжа, когда Петръ писалъ свои резолюціи на докладъ м. Стефана Яворскаго. Естественно, что и про Исаію, м. Нижегородскаго, рѣзко протестовавшаго противъ Монастырскаго приказа, слишкомъ замѣтно урѣзавшаго средства архіерейскихъ домовъ, сосланнаго въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь (1708 г.)²⁾, Петръ тоже не забылъ. Между тѣмъ замѣщеніе свободныхъ каѳедръ кандидатами по вкусу самого Петра было дѣломъ нелегкимъ и исполнено далеко не сразу послѣ доклада м. Стефана. Но и тѣ іерархи, которые были назначены на свободныя каѳедры, или переведены для пользы службы съ одной каѳедры на другую, съ согласія самого Петра, далеко не всѣ оправдали надежды, возлагаемыя на нихъ Великимъ Государемъ³⁾. Даже самъ мѣстооблюститель значительно

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. III, т. XV, стр. 1371—1372; кн. IV, т. XVII, стр. 472, 478.

²⁾ Тамъ же, кн. IV, т. XVI, стр. 17—18. П. Строевъ. Списки іерарховъ, стр. 604.

³⁾ Сильвестръ (Холмскій), переведенный 3-го мая 1719 года съ Нижегородской каѳедры на Смоленскую, заботившійся всюду о про-

разошелся съ царемъ и Петръ не питалъ къ нему чувствъ прежняго расположенія, особенно послѣ слова въ день именинъ Царевича Алексѣя, 17 марта 1712 г., въ которомъ м. Стефанъ рѣзко порицалъ фискальство, особенно покровительствуемое царемъ. Только Теофанъ Прокоповичъ, 2 іюня 1718 г. посвященный во епископа Псковскаго, навсегда остался вѣренъ Петру. Мало того, къ сожалѣнію, этотъ царскій другъ усиливалъ недовѣріе Петра къ тогдашнимъ русскимъ іерархамъ. Какъ извѣстно, въ это время въ царской семьѣ разыгрывалась тяжелая драма. Теофанъ пользовался раздраженіемъ Петра противъ архіереевъ, въ которыхъ царь замѣчалъ сочувствіе къ Царевичу, происходившее отъ ревности по вѣрѣ и боязни за гибель всего русскаго. Теофанъ Прѣкоповичъ, еще до назначенія на Псковскую епархію, громя въ своихъ проповѣдяхъ царскихъ враговъ, не двусмысленно говорилъ: „многіе мыслятъ, что не всѣ обязаны повиновеніемъ властямъ, что нѣкоторые исключаются, именно священство и монашество....; священство есть особое словіе въ государствѣ, а не особое государство въ государствѣ“.... Подправляя свои слова невозможно рѣзкими выраженіями по адресу священства и монашества, раз-

свѣщеніи, однако не былъ усерднымъ проводникомъ и выразителемъ преобразовательскихъ идей и начинаній Петра; онъ даже не признавалъ особаго авторитета за Синодомъ и кончилъ въ ссылкѣ, будучи лишень сана. Игнатій (Смола), переведенный съ Суздальской каѳедры на Крутицкую митрополию 25-го января 1719 г., за разныя вины въ началѣ 1721 г. подпалъ суду новоучрежденнаго Св. Синода. Знаменитый Оеодосій Яновскій, получившій Новгородскую каѳедру, оказался далеко не такимъ, за какого его считалъ Петръ, поручившій сравнительно молодому іерарху важнѣйшую каѳедру и епархію, какъ человѣку преданному своему Государю (С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 273, 912, 1155, 1193, V, 42). Кромѣ ропота и противленія царскому указу о духовныхъ штатахъ вице-президентъ Оеодосій былъ обвиненъ чуть ни въ десяткѣ тягчайшихъ преступленій и только по милости Государыни не былъ казненъ, а сосланъ (11 мая 1725 г.) въ Корельскій монастырь съ именемъ чернеца Оеодоса (Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода, т. V, №№ 125, 199; Приложенія 25—6, стр. XI—XII).

дражненный Θεοфанъ переходилъ границы приличія въ отношеніи къ нѣкоторымъ архіереямъ, начиная съ самого мѣстоблюстителя ¹⁾).

Само собою понятно, что при общемъ недовѣріи къ высшему духовенству со стороны Петра и его правой руки въ церковныхъ преобразованіяхъ—Θеофана Прокоповича, и при совершенно противоположныхъ взглядахъ царя и іерархіи на сокращеніе средствъ архіерейскихъ домовъ, выборъ архіереевъ даже на свободныя старыя каѳедры являлся дѣломъ не легкимъ. По одному этому пока не могло быть рѣчи объ открытіи новыхъ епархій для упорядоченія епархіальнаго управленія и церковныхъ дѣлъ. Даже самому м. Стефану не дано такъ необходимаго ему викарія, какъ обѣщалъ Петръ въ своемъ отвѣтѣ. И Патріаршая область не сразу была поручена тогдашнему „Крутицкому“, котораго понадобилось замѣнить другимъ.

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, IV, т. XVI, стр. 182. 275. Тонъ, съ которымъ Петръ письменно объяснялся съ м. Стефаномъ въ 1718 году, говоритъ о многомъ. Извѣстный докладъ Яворскаго 20 ноября начинался униженной просьбой. М. Стефанъ писалъ: „Выѣхалъ я изъ Москвы на почтовыхъ подводахъ, не взявъ съ собой ни ризницы, ни пѣвчихъ, ни запасовъ никакихъ, ни платья, ни келейной рухляди и для скорого выѣзда порядка никакого не учинилъ, ни въ соборной церкви, ни въ приказахъ, ни въ школахъ, ни въ дому своемъ, чая скорого возвращенія; нынѣ, скитаясь въ Петербургѣ, живу въ наемномъ дворѣ, далече отъ церкви и отъ воды, и въ такомъ дворѣ, въ которомъ зимою мнѣ немощному отнюдь жить невозможно и ожидаю милостиваго отпуска, чтобы зимой совсѣмъ собратъся и здѣсь жить вовсе. И о томъ, что Великій Государь укажетъ? Петръ отвѣчалъ не особенно почтительно: „о житіи здѣшнемъ уже за три года сказано, и самъ ваша милость на просухѣ хотѣлъ быть, какъ я съ вами прощался на Москвѣ, а затѣмъ въ три года не собрался и не распорядился, не знаю, ибо и болѣе того далеко ѣздилъ, на Украину для освященія церкви“. А когда м. Стефанъ заговорилъ о подворьѣ въ Петербургѣ, то Петръ отвѣтилъ еще короче: „мѣсто готово, а построить самому можно, понеже всѣмъ архіереямъ опредѣленное дается, а вамъ все, какъ было прежде, еще же и Тамбовское епископство поддано“ (Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. V, № 3239).

Тогдашній Крутицкій м. Алексій (Титовъ), занимавшій важнѣйшую каѳедру, поступилъ въ монашество съ нерасположеніемъ къ „новшествахъ“ Петра. При розыскѣ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича онъ, въ санѣ митрополита Крутицкаго, обвиненъ въ сочувствіи царевичу. Оставлятъ такого подозрительнаго архіерея въ Москвѣ и довѣрять ему управленіе Патріаршей областью для Петра представлялось невозможнымъ. Помимо подозрѣнія въ сочувствіи царевичу Алексѣю и даже въ перепискѣ съ нимъ, Алексій (Титовъ) былъ неподходящимъ для Москвы еще потому, что для управленія обширнѣйшей областью нуженъ былъ человѣкъ живой, дѣятельный и распорядительный, а не такой медлительный и не всегда охотно исполнительный, какъ Алексій. Болѣе пригоднымъ для Крутицкой каѳедры показался Петру, будто бы по рекомендаціи Θεодосія (Яновскаго), дѣятельный и зоркій Суздальскій епископъ Игнатій Смола, которому и велѣно (25 янв., 1719 г.) быть митрополитомъ Крутицкимъ, а Алексій (Титовъ) простымъ епископомъ переведенъ на Вятку ¹⁾, съ „умаленіемъ титула и степеней“ ²⁾.

Черезъ два дня послѣ перевода на Крутицы, особымъ указомъ, отъ 27 янв. 1719 г., м. Игнатію велѣно „въ Москвѣ соборную церковь и патріаршую епархію, также

¹⁾ А. Буевскій. Алексій (Титовъ), Архіепископъ Вятскій. Вятка. 1901 г., стр. 1—45.

²⁾ Платонъ (Любарскій). Сборникъ Древностей Казанской епархіи. Казань. 1868 г., стр. 169—170. Платонъ (Любарскій) пишетъ объ Алексіѣ: „природою изъ дворянъ... изъ Крутицъ позванъ на Вятку, какъ сказываютъ, за нѣкоторое преступленіе съ умаленіемъ чина и степени... свободнымъ наукамъ не ученъ, былъ нравомъ кротокъ, благочестивъ, щедръ, трезвенъ, къ украшеніямъ церковей охотникъ“. Помимо „нѣкотораго преступленія“ по своему образованію и характеру Алексій былъ не совсѣмъ подходящимъ, чтобы при Петрѣ встать во главѣ Московской іерархіи. Послѣ обстоятельной брошюры А. Буевскаго объ Алексіѣ (Титовѣ) и статьи Вятскихъ Епарх. Вѣдом. за 1882 г. стр. 323—348 ясно, что „нѣкоторое преступленіе“ Алексія было только подозрѣніе его въ сношеніяхъ съ царевичемъ Алексіемъ, которому несомнѣнно сочувствовалъ этотъ кроткій и благочестивый іерархъ.

и духовныя всякія дѣла вѣдать и отправлять, какъ вѣдалъ и отправлялъ преосвященный Стефанъ, м. Рязанскій и Муромскій¹⁾. Нельзя сказать, чтобы порученіе м. Игнатію—управлять двумя епархіями—было легкимъ даже для живого и дѣятельнаго іерарха и могло упорядочить церковную жизнь въ нихъ. Сосѣдняя Рязанская епархія, съ приписанной къ ней Тамбовской, въ отсутствіе м. Стефана, тоже оставалась безъ архіерея. Коломенскую кафедру въ 1718 г. занялъ греческій митрополитъ Іоанникій. Въ Воронежѣ съ 1714 г. былъ митр. Пахомій, изъ сербовъ „не знавшій російскаго приказнаго поведенія“, т. е. епархіальнаго строя²⁾. Русскихъ кандидатовъ, видимо, не находилось!

Такимъ образомъ вся густо населенная середина территории Русской церкви, на которой стояло болѣе 7000 церквей, имѣла въ дѣйствительности только одного русскаго архіерея. Проживавшимъ въ Москвѣ архіереямъ-иностранцамъ, преимущественно грекамъ, не неудобно было ввѣрять сложнаго епархіальнаго управленія въ Патріаршей области, о чемъ не умалчивало даже само духовное правительство. При всемъ сказанномъ положеніе и служеніе „Крутицкаго“, въ качествѣ управителя Патріаршей областью, были не изъ завидныхъ. Въ 1721 г. самъ Игнатій писалъ по начальству, что „трудъ его по премногу не сносенъ“ и просилъ царскаго указа, чтобы „умножительныхъ ставленниковъ“ бывшей Патріаршей области изъ Москвы отсылать для посвященія къ архіереямъ и въ другія епархіи. Просьба м. Игнатія уважена³⁾. Но вѣдь и сосѣднихъ архіереевъ часто нельзя

¹⁾ Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода, I, № 118; Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Правосл. Испов., т. I, № 27.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Син. I, № 348.

³⁾ Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Прав. Исп., I, № 59. Какъ видно изъ донесенія м. Игнатія, обязанности его, какъ архіерея и управляющаго Патріаршей областью, были весьма разнообразны; помимо административныхъ распоряженій, онъ долженъ былъ слушать ставленниковъ, совершать соборныя службы, ходить со святыми иконами (крестные ходы въ Москвѣ многочисленны), праздно-

было заставить на мѣстѣ. Слѣдовательно сами ставленники нерѣдко должны были испытывать затрудненія. Говоря о непосильныхъ трудахъ „Крутицкаго“ нельзя не вспомнить другой ранней его просьбы. Въ іюнь 1719 г. м. Игнатій просилъ сравнить его (точнѣе Крутицкій архіерейскій домъ) по содержанію съ другими епископами, жившими въ провинціяхъ и получавшими по 1500 руб.; между тѣмъ, онъ безвыѣдно живетъ въ Москвѣ и, не имѣя никакихъ лѣсныхъ угодій и рыбныхъ ловель, получаетъ только 1350 руб.¹⁾ Просьба была напрасной. Крутицкій архіерейскій домъ надолго остался при опредѣленіи въ 1350 руб.²⁾ Въмѣсто прибавки жалованья за свой „несносный“ трудъ Игнатій угодилъ подъ судъ и долженъ былъ совсѣмъ оставить архіерейскую кафедру или ѣхать въ Иркутскъ на окладъ въ 697 р..

Не о прибавкѣ окладовъ архіерейскимъ домамъ и установленіи новыхъ штатовъ для новыхъ кафедръ думать Петръ. Онъ думалъ, что для лучшаго церковнаго управленія слѣдуетъ учредить Духовную Коллегію, „дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно“. Самъ Царь назвать великимъ дѣломъ упорядоченіе въ конецъ разстроенаго церковнаго и епархіальнаго управленія. Оно дѣйствительно было таковымъ. Только напрасно было всю надежду возлагать на Духовную Кол-

вать царскіе ангелы и памяти отправлять. Если подъ „отправленіемъ памятей“ разумѣть служеніе въ престольные праздники по приходскимъ храмамъ московскихъ сорока сороковъ, то въ Москвѣ необходимо было постоянно жить и служить не двоимъ, а пятерымъ архіереямъ. Тогда только отправленіе архіерейскихъ трудовъ въ Москвѣ могло быть „безъ всякаго пристрастія“, т. е. безъ выбора, когда и гдѣ служить, и „безъ всякаго останова“. О праздничныхъ архіерейскихъ служеніяхъ подробнѣе см. въ замѣчательномъ и прекраснѣйшемъ изслѣдованіи проф. А. Н. Голубцова „Соборные чиновники и особенности службы по нимъ“. Москва, 1907.

¹⁾ Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода, т. I, № 44, ср. т. XII, № 64 и Арх. Св. Синода, Дѣло 1733 г. № 128. О средствахъ и штатахъ великорусскихъ архіерейскихъ домовъ со времени Петра I до учрежденія духовныхъ штатовъ въ 1764 г. см. наше изслѣдованіе. Казань, 1907 г.

легію въ этомъ великомъ дѣлѣ, оставивъ безъ разрѣшенія вопросъ о сокращеніи предѣловъ русскихъ епархій чрезъ учрежденіе новыхъ самостоятельныхъ архіерейскихъ кафедръ.

Съ того времени, какъ Петръ впервые официально высказалъ мысль о Духовной Коллегіи на докладѣ мѣстоблюстителя отъ 20 ноября 1718 г., до начала дѣятельности ея прошло болѣе двухъ лѣтъ. Это было время усиленныхъ работъ по дѣламъ государственныхъ коллегій; лично Царю пока было не до Духовной Коллегіи и упорядоченія епархіальнаго управленія; его занимало составленіе регламентовъ государственныхъ коллегій¹⁾. Въ концѣ декабря 1718 г. уже вышелъ именной указъ, которымъ опредѣлялся какъ составъ Сната — изъ президентовъ всѣхъ коллегій, — такъ и обязанности его²⁾. Три послѣднихъ года второго десятилѣтія XVIII в. прошли въ кипучей административной дѣятельности Петра прежде всего по примѣненію коллегіальныхъ формъ государственнаго управленія на Руси, господствовавшихъ на Западѣ, гдѣ съ ними познакомился Петръ. Онъ считалъ это лучшимъ способомъ искорененія всякихъ золъ и недостатковъ и у насъ на Руси.

Въ 1720 году наконецъ законченъ вопросъ о коллегіяхъ. Одновременно съ коллежскими регламентами царь былъ занятъ выработкой новыхъ инструкцій губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ, а также проектомъ новаго предѣла Россіи на губерніи. Упорядоченіе губернскаго управленія не задерживалось примѣненіемъ коллегіальныхъ формъ въ высшемъ государственномъ управленіи. Петръ твердо вѣрилъ, что при коллегіяхъ губернскаго управленія будетъ служить къ улучшенію порядка въ административномъ и финансовомъ управленіи разнородными частями государства. Всѣ эти важнѣйшія государственныя преобразованія несомнѣнно отвлекали вниманіе Петра отъ „великихъ“ церковныхъ дѣлъ и до поры

¹⁾ Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. V, №№ 3197, 3201, 3202, 3207.

²⁾ Тамъ же, № 3264.

до времени отодвинули ихъ на второй планъ¹⁾. Вчастности проекты предѣла Россіи на губерніи, занимавшіе Петра въ продолженіе двухъ десятилѣтій, конечно не наводили царя на мысль о необходимости проектовъ о предѣлѣ епархій, которыхъ всегда было больше, чѣмъ губерній. Въ то время, какъ число русскихъ епархій, со включеніемъ малороссійскихъ и сибирскихъ, постепенно дошло до 23-хъ, губерній даже послѣ двукратнаго предѣла ихъ при Петрѣ оказалось только 11²⁾.

При второмъ раздѣленіи Россіи на губерніи при Петрѣ наблюдалось очень интересное явленіе, вѣроятно отчасти вліявшее на вопросъ объ открытіи новыхъ епархій въ царствованіе Петра и послѣ, въ первые годы дѣятельности св. Синода. Дѣло въ томъ, что въ 1708 году, при первомъ гражданскомъ дѣленіи на губерніи, въ Россіи считалось всѣхъ городовъ и пригородовъ 339, а въ 1719 году городовъ значится 255, пригородовъ 18 и 4 крѣпости, всего 277³⁾. Многіе города, значившіеся въ та-

¹⁾ Занимаясь дѣлами съ четырехъ часовъ утра до поздняго вечера, Петръ все же жаловался, что множество всевозможныхъ заботъ не позволяетъ ему входить во все, и говорилъ, что „Господь возложилъ на царей въ двадцать разъ болѣе дѣлъ, чѣмъ на всякое другое лице, и въ то же время не далъ имъ въ двадцать разъ болѣе силъ и способностей для выполненія этихъ дѣлъ“ (С. Г. Рункевичъ. Исторія Рус. церкви подъ управленіемъ Св. Синода, т. I, стр. 94—95). Въ извѣстные дни недѣли всѣ министры должны были являться для совмѣстной работы съ царемъ *въ четыре часа пополудни* (Жур. Мин. Нар. Пр. 1908 г. Янв., стр. 119).

²⁾ Указомъ отъ 29 мая 1719 г. Россія была раздѣлена на слѣдующія одиннадцать губерній, вмѣсто прежнихъ восьми: 1,—С.-Петербургскую (39 городовъ), 2,—Московскую (54 гор.), 3,—Кіевскую—(41 гор.), 4,—Воронежскую-Азовскую (54 гор.), 5,—Ревельскую — Ревель съ Эстляндіей, остр. Даго и нѣсколько мелкихъ острововъ (65), 6,—Рижскую (9 гор.), 7,—Архангелогородскую (19 гор.), 8,—Сибирскую (24 гор.), 9,—Казанскую (15 гор.), 10,—Нижегородскую (7 гор.) и 11,—Астраханскую (12 гор.). Губерніи были раздѣлены на провинціи, а провинціи на уѣзды съ городами, пригородами и селами. Губерніи Астраханская и Ревельская не были раздѣлены на провинціи, въ остальныхъ 9 губерніяхъ насчитывалось 42 провинціи (Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. V, № 3380).

³⁾ Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. IV, № 2218, ср. т. V, № 3380.

бели 1708 года, оказались такъ незначительными, что не стоили воеводскаго управления и издержекъ на поддержаніе ихъ, потому и закрыты¹⁾. Бѣдность и малолюдность городовъ и селъ съ одной стороны, съ другой все болѣе и болѣе увеличивающееся число церквей съ массою голоднаго и холоднаго духовенства, иногда даже тамъ, гдѣ новыя церкви были пенужны, побудили правительство предпринимать мѣры къ уменьшенію количества церквей и сокращенію причта²⁾. Впослѣдствіи даже въ архіерейскую присягу включено было обѣщаніе—не позволять строить лишнихъ церквей и не посвящать недостойныхъ ставленниковъ³⁾. Конечно эти мѣры парализовали остроту вопроса объ открытіи новыхъ епархій и давали поводъ самимъ архіереямъ, заинтересованнымъ въ доходности своихъ епархій, уклоняться отъ рѣзкой постановки вопроса о необходимости увеличенія епархій. Такимъ образомъ съ какой бы стороны мы ни подошли къ вопросу о прибавкѣ епархій, онъ встрѣчаетъ много препятствій и заслоняется другими вопросами, болѣе интересными для Петра. Дѣло не измѣнилось и съ открытіемъ Духовной Коллегіи.

Въ то время, какъ Петръ усиленно работалъ надъ устройствомъ государственныхъ коллегій и упорядоченіемъ губерній, которыя еще далеки были отъ желательнаго совершенства, надъ выполненіемъ мысли царя о Духовной Коллегіи не менѣе усердно работалъ Теофанъ

¹⁾ К. Арсеньевъ. Статистическіе очерки Россіи. Спб. 1848 г. стр. 77. Произведенная въ 1719 г. ревизія показала, что на пространствѣ около 282454 кв. миль жило лишь 5794928 душъ мужск. пола податнаго сословія. Это пространство было очень неравномѣрно раздѣлено на 11 губерній и на вдвое большее число епархій (Тамъ же, стр. 47; 72). На разореніе и сокращеніе числа городовъ много вліяли частые пожары при скученности деревянныхъ построекъ и постоянныя правительственныя выселенія горожанъ изъ центра на окраины.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Росс. Им. т. VI, № 4122; Пол. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Исп. II, № 268.

³⁾ Духовный Регламентъ. Дѣла епископовъ. §§ 8. 10.

Прокоповичъ, составляя Регламентъ для нея. Извѣстенъ анекдотъ, какъ Петръ спрашивалъ у Теофана Прокоповича: „скоро ли нашъ патріархъ посѣтитъ?“ и услышалъ въ отвѣтъ: „я дошиваю ему рясу“,—„а у меня ужъ и шапка для него готова“, заключилъ Петръ. Десятаго мая 1720 г. Прокоповичъ писалъ своему другу Маркевичу: „наконецъ я написалъ для главной Церковной Коллегіи или Консисторіи постановленіе или Регламентъ, содержащій восемь главъ¹⁾. Но прошло еще около года, когда открылась Духовная Коллегія и начала дѣйствовать²⁾.

Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи не опустилъ изъ вниманія епархіальнаго управленія, но ни словомъ не обмолвился о сокращеніи территорій русскихъ епархій открытіемъ новыхъ кафедръ для исправленія церковной жизни. Упорядоченіе епархіальнаго управленія въ Уставѣ сводилось прежде всего къ регламентаціи обязанностей и дѣятельности епископовъ въ ихъ епархіяхъ. Поэтому Регламентъ удѣляетъ особенное вниманіе дѣламъ епископскимъ. Приведемъ нѣсколько главнѣйшихъ правилъ или требованій отъ епископовъ. Прежде всего епископы обязывались знать правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ (§ 1), степени родства (§ 2); въ случаѣ затрудненій въ рѣшеніи вопросовъ изъ архіерейской практики предлагается епископамъ обращаться за совѣтомъ къ ближайшимъ епископамъ или „ко иному кому искусному“ и, въ случаѣ неудовлетворительности совѣтовъ сосѣдей, пи-

¹⁾ И. А. Чистовичъ. Теофанъ Прокоповичъ и его время... стр. 46—47.

²⁾ О томъ, какъ разсматривался царемъ и читался въ присутствіи архіереевъ и сенаторовъ Регламентъ, составленный Теофаномъ Прокоповичемъ и нѣсколько исправленный царемъ, какъ подписывался онъ присутствующими въ Петербургѣ и отсутствующими архіереями и духовными властями, архимандритами и игуменами степенныхъ монастырей и пр. довольно подробно изложено, главнымъ образомъ на основаніи подлинныхъ документовъ Моск. Арх. Мин. Юст. у С. Г. Рункевича въ его „Исторіи Русской Церкви... т. I. Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правит. Синода (1721—1725 г.). Спб. 1900 г.

сать въ Духовный Коллегіумъ (§ 4). Составители этого параграфа, видимо, упустили изъ виду, что понятіе „ближайшій“, при громадныхъ территоріяхъ великорусскихъ епархій, было мало приложимо къ тогдашнимъ епископамъ (особенно въ Астрахани, Вяткѣ, Холмогорахъ, и всего болѣе въ Сибири). Совѣтоваться архіереямъ съ „иными искусными“ было можно. Но много ли было этихъ искусныхъ совѣтниковъ? Писать въ Петербургъ—это значило откладывать дѣло на годъ, а изъ Сибири—на два, на три. Случалось, что сосѣдняго архіерея не было въ епархіи—онъ отлучался.—Отлучки архіереевъ изъ епархій прежде всего вредно отзывались на ихъ епархіяхъ. Поэтому Регламентъ, на основаніи каноновъ, запрещаетъ епископамъ „долгое время мѣшкать“ внѣ своей епархіи. Въ случаѣ необходимости надолго отлучиться изъ епархіи (напр. на чреду служенія въ Петербургъ), или вслѣдствіе болѣзни временно оставить непосредственное управленіе епархіей, предлагалось епископамъ, кромѣ обычныхъ домовыхъ своихъ управителей, опредѣлять къ дѣламъ „нѣкоего умнаго и житіемъ честнаго мужа“—архимандрита или игумена, придавъ ему въ помощь нѣсколько другихъ „умныхъ же человѣкъ“ изъ чернаго или бѣлаго духовенства. Эти „умные“ люди должны были управлять епархіей и въ важныхъ случаяхъ писать отсутствующему архіерею, а больному епископу, если только онъ не лишился окончательно слуха, доносить на словахъ, въ крайности даже писать въ Духовный Коллегіумъ (§ 5). Но гдѣ было взять „умныхъ“ людей, о томъ Регламентъ выразился слишкомъ обще. Къ тому же, какъ бы умны ни были архимандриты и протопопы, они не могли посвящать ставленниковъ, освящать антиминсовъ и т. п.—Въ своихъ епархіяхъ епископы обязывались, согласно клятвѣ, данной при поставленіи, не допускать бродяжничества монаховъ, не строить лишнихъ безлюдныхъ церквей безъ нужды, наблюдать, чтобы не вымышлялись ложныя чудеса, не появились кликуши и т. п. Но архіерей конечно не могъ непосредственно наблюдать за разными кликушами, мертвыми тѣлами и распространителями ложныхъ чудесъ по селамъ и

деревнямъ, отстоящимъ отъ кафедральнаго города на сотни и даже тысячи верстъ. Для этой цѣли архіерей долженъ былъ назначить по всѣмъ городамъ протопоповъ или нарочныхъ благочинныхъ, „аки бы духовныхъ фискалей“, чтобы они „тое все надсматривали“ и все доносили епископу подъ отвѣтственностью изверженія за утайку (§ 8). Фискальство, красной нитью проходящее въ гражданскомъ управленіи и законодательствѣ Петровскаго времени, такимъ образомъ вносится въ церковное управленіе.—При самомъ Духовномъ Коллегіумѣ со стороны государственной власти оно скоро воплотилось въ лицѣ обер-прокурора. Епископы обязывались заводить при своихъ домахъ духовныя школы, которыя, находясь на полномъ попеченіи епархіальнаго начальства и прежде всего самого архіерея, должны были служить разсадникомъ достойныхъ священниковъ и монаховъ. Епископъ обязывался предпочитать ученыхъ кандидатовъ священства неученымъ, и если „безъ правильной вѣны“ онъ предпочтетъ послѣдняго первому, то подлежалъ наказанію, по опредѣленію Духовнаго Коллегіума (§§ 9—10). Изысканіе средствъ на содержаніе школъ возложено также на епископовъ (§§ 11—12). Чтобы епископы не возроптали на убыточность содержать учителей, то § 13-мъ указывалось, чтобы они лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали (кромѣ прибыльныхъ строеній, напр. мельницъ, которыя, кстати замѣтимъ, Петръ вносилъ въ государственныя оброчныя статьи), не шили себѣ излишняго священнаго одѣянія и платья. Для лучшаго контроля надъ доходами и расходами архіерейскихъ домовъ требовалось домовыя прихода-расходныя книги доставлять въ Духовный Коллегіумъ. Этотъ послѣдній пунктъ былъ особенно важенъ и пропустить его въ Регламентъ для Петра было совершенно невозможно.

Въ личной жизни епископы обязывались быть скромны и вѣдать „мѣру чести своея“. Дѣло, возложенное на нихъ, великое, но чести особенной никакой для нихъ въ писаніи не опредѣлено; папство—дѣло не малое „яко посьство Божіе“ и честь пастырямъ должна быть особен-

ная, безъ виѣшней царской пышности. Епископы должны быть терпѣливы, разсудительны. Имъ вмѣнялось въ обязанность съ большою осторожностью пользоваться своимъ правомъ связывать духовно (§§ 14—15), и особымъ трактатомъ подробно показанъ быть порядокъ наложенія анаѣмы.

Вводя фискальство въ епархіальное управленіе, такъ унижавшее достоинство епархіальныхъ архіереевъ, составители Регламента вполнѣ сознавали, что епископамъ всецѣло полагаться на духовныхъ фискалъ нельзя, „ибо и фискалы оныя, дружа своимъ благодѣтелямъ, или мзду емля, многое утаиваютъ“. По этому самому епископу „подобаетъ въ годъ или въ два года разъ обозрѣть свою епархію“, при чемъ архіереямъ указывалось на примѣръ апостола Павла (§ 17).

Непосредственное знакомство епископовъ съ своей паствою при посѣщеніи епархій нужно признать самымъ дѣйствительнымъ средствомъ узнать нужды епархій, а затѣмъ тѣми или иными мѣрами удовлетворить ихъ. Непосредственный объѣздъ епархій съ пастырской цѣлью давно почти прекратился. Регламентъ возстановливаетъ эту обязанность русскихъ архіереевъ. Но читая „регулы“ или правила о томъ, „како лучше можетъ быть сіе посѣщеніе“, приходится недоумѣвать — въ серьезъ ли написаны нѣкоторыя изъ нихъ.

Начнемъ съ общаго положенія о посѣщеніяхъ епархій. Въдѣ почти половина тогдашнихъ архіереевъ не въ годъ или въ два, а въ три и болѣе не могли обозрѣть своей епархій во всемъ ся объемѣ, да еще со службами, проповѣдями и личною расправою по доносамъ. Это возможно было при единственномъ условіи — въ продолженіе года ни разу не заѣзжать въ свой кафедральный городъ для административныхъ распоряженій и служеній въ кафедральныхъ соборахъ. А этого дѣлать было нельзя. Мѣстоблюститель или управитель бывшей патріаршей областью и при такомъ условіи не въ состояніи были объѣхать порученной имъ епархій съ необъятной территоріей и четырьмя съ половиною тысячами церквей. Объѣхать Нов-

городскую, Рязанскую, Казанскую и Сибирскую епархій тоже было дѣломъ мудренымъ безъ потери здоровья, какъ это случилось съ м. Сибирскимъ Игнатіемъ, употреблявшимъ всѣ свои силы для знакомства съ ввѣренной ему паствою ¹⁾. Побывать въ 10—15 селахъ въ годъ, едва ли имѣетъ смыслъ. Далѣе, — первое правило рекомендуетъ епископамъ посѣщать свои епархій лѣтомъ, когда сѣна не надо, лошадямъ хватить и подножнаго корма; дровъ потребуется мало, хлѣбъ и рыба дешевле.... Это вѣрно. Но и останавливаться архіерею со свитою, во главѣ которой были почетныя кафедральныя персоны, цыганскимъ таборомъ, въ полѣ и палаткахъ подъ городомъ, чтобы „не трудить священства или гражданъ квартирою“, для святителя, какъ бы Петръ ни умалялъ его честь, совсѣмъ не прилично. А гдѣ останавливаться въ селахъ? Или о посѣщеніи селъ не могло быть и рѣчи? Нельзя назвать приличной для епископа пастыря мѣру, рекомендуемую, хотя и съ оговоркой, въ 4 правилѣ посѣщеній, — тайкомъ отъ меньшихъ церковниковъ и, „аще кто иной угодный покажется“, спрашивать, какъ живутъ пресвитеры и діаконы“. 10 правило: узнавать о монахахъ въ городахъ и селахъ отъ священниковъ и мірянъ, а не пытаться разузнавать объ нихъ въ самыхъ монастыряхъ, также мѣра для архіерейской ревизіи, не подобающая даже при тогдашнихъ правахъ. Само собою понятно, что требованіе 15-го правила о присылкѣ въ Духовный Коллегіумъ ежегодныхъ отчетовъ о „состояніи и поведеніи епархій“, по необходимости, должно было сойти на степень формальности и заканчиваться въ большинствѣ случаевъ выраженіемъ самого Регламента: „слава Богу, все добрѣ“ ²⁾.

¹⁾ Сибирскій Лѣтописецъ. Тобольскъ. 1892 г. (7203 г. 23 ноября). Русскія епархій... т. I, стр. 533—534.

²⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Исповѣданія, т. I. Тутъ изданъ Духовный Регламентъ по подлиннику съ внесеніемъ разночтеній, допущенныхъ въ первомъ печатномъ изданіи, издан. 16 сент. 1721 года. Прибавленіе къ нему о бѣломъ духовенствѣ и монашествѣ издано тамъ, т. II, № 596.

Правила Регламента о дѣлахъ епископскихъ очевидно могли быть короче и проще для исполненія, если ихъ предварить общимъ положеніемъ о необходимости прибавки новыхъ епархій, или, въ крайнемъ случаѣ, о назначеніи викаріевъ, въ качествѣ ближайшихъ помощниковъ епархіальнымъ архіереямъ. Но составитель Устава Духовной Коллегіи совершенно забылъ про настойчивыя предложенія патріарха Досіея. Впрочемъ въ Уставѣ, хотя часто встрѣчаются ссылки на вселенскіе соборы и правила св. Отцевъ, но сами греки очень не „жалуются“. Теофанъ Прокоповичъ вмѣстѣ съ Петромъ постарались совершенно упразднить даже имя восточныхъ патріарховъ на Руси, чтобы не воспоминался и русскій. По царскому повелѣнію онъ написалъ особый трактатъ въ оправданіе этой отмѣны¹⁾.

Правда, послѣ учрежденія Синода, Петръ, будто бы, задумывался надъ вопросомъ объ увеличеніи числа епархій, когда поручалъ Теофану составленіе штата синодальнаго правленія и вообще духовнаго вѣдомства. „Его Величество, пишетъ В. Н. Татищевъ (1686—1750 г.), видя, что хотя званіе архіереевъ на три степени раздѣлили, яко митрополиты, архіепископы и епископы, но разность ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ предсѣданіи и одеждахъ состояла, въ правленіи же и власти каждый въ своей епархіи равную силу имѣлъ, а нѣкоторые архимандриты никому, кромѣ Синода, подчинены не были, называемые ставропигіи,—того ради тотчасъ чинъ митрополитовъ, яко излишній, оставилъ. Его Величество ни о чемъ болѣе, какъ къ просвѣщенію народа науками и къ искорененію суевѣрствъ прилежалъ, чрезъ которыя многіе невинно въ заблужденіи гибнуть, и хотя о училищахъ въ духовномъ Уставѣ положено, но (какъ) Синоду за далеко отстоящими архіереи надзирать невозможно, намѣрился учи-

¹⁾ Трактатъ этотъ носитъ названіе: „О возношеніи имене патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ церквахъ Россійскихъ оставлено“. Спб. 1721 г. ср. Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Испов. I, №№ 106, 118.

нить пять архіепископовъ, яко великороссійскій, бѣлороссійскій, малороссійскій, болгарскій и сибирскій,—подъ ихъ смотрѣніемъ 38 епископовъ,—при нихъ, для помощи въ правленіи, а собственно къ содержанію училищъ и богадѣленъ 48 архимандритовъ и на всѣхъ достаточное денежное жалованье изъ ихъ собственныхъ и монастырскихъ доходовъ положить. Сю я росписъ видѣлъ у архіепископа Прокоповича, подъ которою Его Величества рукою было подписано: „достальныя употребляютъ проповѣдникамъ и иновѣрцамъ, на прибавочныя школы и богадѣльни. И того же 1724 г. въ декабрѣ изволилъ о учрежденіи училищъ въ монастыряхъ указомъ Синоду подтвердить, по кончиною его Величества все оное въ забвеніи осталось“¹⁾.

Сдѣлавъ вышеприведенную выписку изъ исторіи Татищева, покойный проф. И. А. Чистовичъ въ своемъ капитальнѣйшемъ трудѣ о Теофанѣ Прокоповичѣ замѣчаетъ: „намъ не довелось нигдѣ встрѣтить ни этой росписи, ни указанія на нее“²⁾. И нынѣ, чрезъ 30 лѣтъ послѣ выхода изслѣдованія проф. Чистовича, сообщеніе Татищева остается весьма сомнительнымъ и ничѣмъ не подтвержденнымъ, если исключить не осуществившійся и тоже весьма неопредѣленный проектъ дать викаріевъ присутствующимъ синодальнымъ членамъ. Дѣйствительно, послѣднее предположеніе относится къ 1724 году, съ которымъ совпадаетъ указаніе Татищева. Мысль о викаріатствахъ въ 1724 г., по видимому вызывалась не столько отсутствіемъ синодальныхъ членовъ изъ епархій, сколько осложнившимся епархіально-владѣльческимъ управленіемъ³⁾. Петръ настойчиво проводилъ мысль о духовныхъ штатахъ, но не въ смыслъ увеличенія архіерейскихъ кафедръ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, но лишь въ смыслъ опредѣленія средствъ цер-

¹⁾ Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.. Москва. 1768 г. ч. I, стр. 574—575.

²⁾ И. А. Чистовичъ. Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 138.

³⁾ Полн. Собр. Постан. и Расп. по Вѣдом. Правосл. Испов. IV, №№ 1187, 1202.

ковныхъ учреждений и назначеніи изъ этихъ средствъ постоянныхъ окладовъ архіерейскимъ домамъ и монастырямъ¹⁾. Петровскій проектъ о духовныхъ питателяхъ не пошелъ далѣе „опредѣленія“ большей половины архіерейскихъ домовъ и раздѣленія ихъ по указу 11-го января 1725 г. на три класса, соотвѣтственно числу данныхъ церквей только существующихъ епархій. О новыхъ архіерейскихъ кафедрахъ въ это время не заходила рѣчь въ правительственныхъ кругахъ. Быть можетъ кому нибудь изъ ревнителей о церкви, въ родѣ извѣстнаго проектера Михаила Петровича Аврамова, (бывшаго директора Типографіи и предлагавшаго проектъ даже о возстановленіи патріаршества вмѣсто Синода, а позже и о прибавкѣ епархій)²⁾, приходила въ голову мысль объ увеличеніи архіерейскихъ кафедръ и въ видѣ доклада поступала Оеопану Прокоповичу, но не была принята. Возможно, что Татищевъ видѣлъ подобный докладъ у Оеопана Прокоповича и принялъ его за официальную роспись, которой на самомъ дѣлѣ никогда не было и которую никто, кромѣ довольно сомнительнаго историка Татищева, не видать.

14 февраля 1721 года послѣдовало торжественное открытіе Духовной Коллегіи, тогда же получившей названіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода. На первомъ торжественномъ засѣданіи Св. Синода было отмѣнено возношеніе имени патріарха въ церковныхъ служеніяхъ и вмѣсто него рѣшено возносить имя „Правительствующаго Духовнаго Собранія“, или точнѣе молиться „о Святѣйшемъ Правительствующемъ Собраніи“, Петръ I-й собственноручно измѣнилъ и эту формулу въ выраженіе „о Святѣй-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ нашемъ изслѣдованіи „Казанскій Архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г.“ стр. 351—362 и въ дополнительномъ очеркѣ къ нему „Средства и штаты великорусскихъ архіерейскихъ домовъ со времени Петра до учрежденія дух. штатовъ въ 1764 г. Казань, 1907 г.“

²⁾ О любопытной личности Аврамова и его проектахъ см. А. И. Чистовичъ „Оеопанъ Прокоповичъ и его время“, стр. 98, 261—270, 689 и др. Указатель 728.

шемъ Синодѣ или о Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ“¹⁾. Такъ получилось нынѣшнее видоизмѣненіе наименованія Духовной Коллегіи или Духовнаго Соборнаго Правительства. Духовнымъ и мірянамъ повелѣвалось признавать его за важное и сильное правительство, просить у него крайнихъ, т. е. окончательныхъ „духов-

¹⁾ Подл. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Писмов. т. I, №№ 2—3. Новѣйшимъ изслѣдованіемъ о Св. Синодѣ является работа С. Г. Рункевича История Русской Церкви... т. I, „Учрежденіе и первоначальное устройство Свят. Правител. Синода (1721—1725 гг.)“. Спб. 1900 г. Въ этомъ новѣйшемъ трудѣ обращено должное вниманіе на вышнюю организацію Св. Синода, его составъ, штаты, область вѣдѣнія и дѣлопроизводство. Дополненіемъ къ труду г. Рункевича служатъ обстоятельныя рецензіи на него, какъ докторскую диссертацию, помѣщенные въ протоколахъ С.-Петербургской Д. Академіи за 1901—1902 гг. Особенно хороша рецензія преосвященнѣйшаго ректора Академіи, нынѣ архіепископа Финляндскаго Сергія. Въ ней кратко, но глубокомысленно опредѣляется дѣйствительная сущность Св. Синода, какъ учрежденія, поставленнаго во главѣ русскаго церковнаго управленія. Въ серьезной рецензіи Н. К. Никольскаго указана литература предмета, предшествующая труду г. Рункевича. Болѣе или менѣе серьезными работами по вопросу о Св. Синодѣ являются критическая статья Вл. А. А. „О Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго“ (Моск. Унив. Извѣст. 1871 г. № 9); Л. П. Востокова: „Св. Синодъ и отношеніе его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при имп. Петрѣ“ (Жур. Мин. Народ. Просвѣщ. 1875 г. №№ 7, 8—12); Вл. П. „О Святѣйшемъ Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I (1721—1725 г.)“. Историко-юридическое изслѣдованіе Спб. 1881 г.; О. Жорданскій. „Св. Синодъ при Петрѣ В. въ его отношеніи къ Сенату“. Тифлисъ. 1882 г.; Н. Кедровъ. Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра В. Москва. 1886 г. Н. Ольшевскій. Свят. Правит. Синодъ при Петрѣ Вел., его организація и дѣятельность. Кіевъ. 1894 г. Проф. Т. В. Барсовъ. Св. Синодъ въ его прошлое. Спб. 1896 г. Его же. Синодальныя учрежденія прежняго времени. Спб. 1897 г. П. Грозовъ. Преобразовательная дѣятельность Петра Вел. по церковному управленію въ Россіи. (Вѣра и Разумъ 1890—1891 гг.) и др. сочиненія и статьи, особенно касающіяся такихъ выдающихся дѣятелей и іерарховъ — членовъ Синода, какъ Стефанъ Яворскій и Оеопанъ Прокоповичъ. Нынѣ нашаму слишкомъ много серьезныхъ и совершенно несерьезныхъ критическихъ журнальныхъ статей, касательно Св. Синода. Примѣромъ довольно рѣзкой критики можетъ служить статья П. Тихомирова, помѣщенная въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1904 г. Январь.

ныхъ дѣлъ¹⁾ управы, рѣшенія и вершенія. Однако право „крайняго судьи“ самой Духовной Коллегіи Петръ оставилъ за собой¹⁾. Въ этомъ до нѣкоторой степени выразилось примѣненіе къ русской церкви западной „территориальной системы“ съ принципомъ „*cujus regio, ejus religio*“. Права крайняго судьи замѣтно сказались въ резолюціяхъ на первыхъ докладахъ Св. Синода.

Послѣ перваго засѣданія Св. Синода, между прочимъ, докладывалъ Петру и спрашивалъ его: „въ празныя епархіи въ Духовномъ Собраніи избирать ли въ архіереи, и по доношенію царскому Пресвѣтлomu Величеству, оныхъ къ поставленію и къ мѣстамъ опредѣлять ли?“ Царь отвѣтилъ: „выбирать по двѣ персоны, и которую *опредѣлимъ*, посвящать и опредѣлять“. Далѣе Св. Синодъ спрашивалъ относительно іеромонаха Иннокентія (Кульчицкаго), назначеннаго въ Хинское Государство (въ Китай) епископомъ: „ставить ли его съ титуломъ Иркутскаго и Нерчинскаго, по близости титульныхъ городовъ къ Китаю, и отдѣлять ли его епархію и его самого отъ Сибирской, т. е. сдѣлать ли епископа Иннокентія самостоятельнымъ „для удобнѣйшаго обхожденія“. Петръ соглашался на посвященіе іеромонаха Иннокентія, но лучше безъ титула городовъ, „понеже, объяснялъ Царь, сін города порубежныя къ Хинѣ, чтобы не перетолковали инако и бѣдства не нанесли“. Ясно, что церковь съ ея канонами и тутъ должна уступить политикѣ. Наконецъ, Св. Синодъ спрашивалъ: „опредѣлять ли въ свою епархію черниговскаго архіепископа (Антонія Стаховскаго), если онъ получитъ прощеніе“. Петръ указывалъ дорогу Антонію не на югъ, въ благодатную Малороссію, а на сѣверъ—въ Тобольскъ; однако царь считалъ за лучшее, предварительно, вызвать его въ Синодъ и тамъ словами наказать, чтобы впредь „за возмутителей защищеніе не дерзали чинить“²⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. т. I. № 1, стр. 2—3.

²⁾ Тамъ же, № 3. Ср. Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода, т. I, №№ 101 и 125.

Вотъ и все, что Св. Синодъ, въ качествѣ сильнаго духовнаго правительства, сдѣлалъ для разрѣшенія важнѣйшаго церковно-административнаго вопроса. Въ изысканіи мѣръ для лучшаго церковнаго управленія въ дѣлахъ объ управленіи епархіями, онъ, какъ оказалось, былъ очень слабъ и ограниченъ; объ этомъ достаточно свидѣлствуютъ вышеприведенныя царскія резолюціи. Онъ даютъ понять, что епархіальное устройство, назначеніе епископовъ на архіерейскія каѳедры, тѣмъ болѣе открытіе новыхъ епархій, всецѣло находилось во власти Царя, а Св. Синодъ проявилъ себя совершенно несамостоятельно. Онъ сохранилъ за собой только право выбора кандидатовъ на каѳедры. Впрочемъ и это право въ отношеніи малороссійскихъ епархій Св. Синодъ долженъ былъ дѣлать съ гетманами и консисторіей¹⁾. Такимъ образомъ важному и сильному духовному правительству въ самыхъ существенныхъ дѣлахъ по церковному управленію оставалось только слушаться и исполнять волю Петра, получившаго титулъ Императора.

На первомъ засѣданіи Св. Синоду, въ силу Регламента, удалось изъять изъ вѣдѣнія Монастырскаго приказа и подчинить себя патріаршіи, архіерейскія и монастырскія вотчины сѣрами и правленіемъ, но подъ условіемъ наблюденія интереса Царскаго Величества²⁾. Пере-

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Исп. I, № 14 ср. Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода, т. I, № 125. При избраніи кандидатовъ на Кіевскую и Черниговскую каѳедры по указу Св. Синода вмѣстѣ съ гетманомъ Скоропадскимъ принимала дѣятельное участіе Кіевская Консисторія.

²⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. I, № 3, стр. 34. Въ пятомъ пунктѣ доклада перваго засѣданія Св. Синода писалъ: „патріаршіи, архіерейскія вотчины, сѣрами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли, того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязана, какъ въ вѣрности, такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ Коллегій не меньше, а въ Регламентѣ положено, что такое правленіе надлежать будетъ до Духовной Коллегіи?“ Петръ на этомъ докладѣ написалъ „быть по сему“. Вотчинныя церковныя крестьяне были подчинены духовной власти управленіемъ, судомъ и расправою, кромѣ дѣлъ о разбоѣ и убійствѣ, оставшихся

дача церковныхъ вотчинъ въ вѣдѣніе, хотя не въ распоряженіе, духовной власти была важнымъ дѣломъ для церковныхъ учреждений, съ грустью смотрѣвшихъ на расхищеніе ихъ владѣній и богатствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта передача снова осложнила епархіальное управленіе и затруднила епархіальныхъ архіереевъ.

Въ самомъ началѣ 1722 г. епископъ Нижегородскій Питиримъ проситъ Синодъ опредѣлить ему въ помощь особаго управителя для завѣдыванія денежными, хлѣбными, рекрутскими и другими сборами. Побужденіемъ просить особаго управителя по части сборовъ служило для Питирима „великое множество“ лежавшихъ на немъ дѣлъ по обращенію раскольниковъ. Св. Синодъ удовлетворилъ просьбу Питирима, предписавъ назначенному управителю „править“ это дѣло „съ вѣдома своего епископа“. Такимъ образомъ Питиримъ и послѣ назначенія управителя не избавился отъ дѣлъ, мѣшавшихъ ему всецѣло отдаться миссіонерству среди раскольниковъ¹⁾.

Послѣ того, какъ церковныя вотчины были возвращены въ вѣдѣніе духовной власти, характеръ епархіальнаго управленія возстановился въ томъ видѣ, какимъ былъ до учрежденія губерній. Во главѣ церковнаго владѣльческаго управленія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи казенныхъ вотчинъ, въ епархіяхъ встали мѣстные архіереи, съ тѣмъ только различіемъ, что дѣятельность ихъ была регламентирована и подтверждена особому, гласному и негласному, контролю въ лицѣ духовныхъ фискальных инквизиторовъ. Духовные инквизиторы являлись для архіереевъ не помощниками, въ которыхъ оказывалась настоятельная нужда въ необыкновенно сложномъ и отвѣтственномъ управленіи, а доносчиками.

Духовное инквизиторство,—явленіе очень характерное для Петровскаго времени,—не можетъ быть обойдено полнымъ молчаніемъ при обзорѣ епархіальнаго устройства въ вѣдѣніи свѣтской власти (Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. I, № 64).

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синод., т. II, ч. I, № 120, ср. ч. II, № 768.

ства и управленія въ первые годы существованія Св. Синода.

1-го марта 1721 г., т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ своего перваго засѣданія, Св. Синодъ, въ исполненіе предписанія Духовнаго Регламента о духовныхъ фискалахъ, приговорилъ: въ Петербургѣ при Духовномъ Синодѣ, въ Москвѣ при Церковномъ и Духовномъ Правленіи назначить по одному протонинквизитору и по два инквизитора изъ духовныхъ персонъ, да по одному инквизитору во всѣхъ великороссійскихъ епархіяхъ и дать имъ инструкціи. Московскимъ инквизиторомъ назначенъ іеродиаконъ Александро-Невскаго монастыря Пафнуцій, имѣвшій свой особый штатъ подьячихъ и служителей; содержаніе его шло изъ штатныхъ денегъ, а мѣстомъ жительства для самого протонинквизитора назначался бывший патриаршій домъ; въ помощь ему въ Москвѣ назначалось еще три челоѣка изъ мірскаго, т. е. бѣлаго священства. Въ знатныхъ степенныхъ монастыряхъ также назначалось по инквизитору изъ братіи, а по городамъ въ каждомъ заказѣ по инквизитору изъ бѣлаго священства съ особой инструкціей, выданной отъ протонинквизитора. Монастырскимъ инквизиторамъ по бывшей патриаршей области поручался надзоръ за ближайшими городами „того ради, что она патриаршая область во многихъ городахъ“, и одному протонинквизитору съ подчиненными ему московскими инквизиторами „должности своей усмотрѣть невозможно“. Монастырскіе инквизиторы обязывались „о прилучившихся дѣлахъ“ доносить протонинквизитору. Мѣстомъ жительства „собственныхъ“ епархіальныхъ инквизиторовъ назначались архіерейскіе дома; въ степенныхъ епархіальныхъ монастыряхъ назначались также особые инквизиторы, которые обязывались репортовать „собственнымъ“ епархіальнымъ инквизиторамъ, а эти послѣдніе протонинквизитору. Епархіальнымъ инквизиторамъ полагалось бѣсть за троихъ братьевъ, а монастырскимъ за двоихъ. Протонинквизитору предоставлено право „для усмотрѣнія даннаго ему дѣла“ разѣзжать по всѣмъ епархіямъ, входившимъ въ его округъ, при чемъ содержаніе

и подводы какъ ему, такъ и другимъ инквизиторамъ, полагались насчетъ архіерейскихъ домовъ и монастырей. О такой строгой инквизиторской организаціи 19 іюля 1724 г. посланы были указы Великаго Государя въ Москву къ Миллинікійскому митрополиту съ архимандритами, въ Монастырскій Приказъ къ судьямъ Ершову и во все епархіи¹⁾.

При учрежденіи двухъ протонинквизиторствъ вся великорусская церковная территория раздѣлена была на два протонинквизиторскихъ округа—Петербургскій и Московскій. Къ Московскому округу отнесены бывшая Патріаршая область и епархіи: Крутицкая, Тверская, Ростовская, Суздальская, Коломенская, Рязанская, Нижегородская, Казанская, Астраханская, Воронежская, Бѣлгородская и Смоленская²⁾. Остальныя епархіи составили Петербургскій округъ, бывший въ вѣдѣніи іеромонаха Макарія (Хворостинина). Св. Синодъ скоро нашелъ петербургскаго протонинквизитора „въ званіи его недѣйствительна“, т. е. неисправнымъ, напротивъ, въ московскомъ іеродіаконѣ Пафнутіи усмотрѣлъ „ревностное усердіе и дѣйствительную званія его отправку“ и приговорилъ оставить его одного протонинквизиторомъ во всѣхъ великорусскихъ епархіяхъ, тѣмъ болѣе, что у государственныхъ свѣтскихъ дѣлъ велѣно быть одному оберъ-фискалу. Пафнутію предписано въ своемъ званіи поступать по данной ему инструкціи „прилежно, тщательно, съ вѣщимъ усердіемъ“,

¹⁾ Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Правосл. Испов. I, №№ 22, 56, 151, 348. Инструкціи протонинквизитору и провинціальнымъ инквизиторамъ напечатаны подъ № 348. Провинціаль-инквизиторы вступали въ свою должность съ вѣдома епархіальнаго архіерея, но не были подчинены ему и не подлежали его суду: они подлежали суду Св. Синода, по донесенію архіерея, а избирались протонинквизиторомъ и вступали въ должность подъ присягой. Первые пункты инквизиторской инструкціи, особенно первые восемь, со всей очевидностью показываютъ, что инквизиторство или духовное фискальство учреждено прежде всего для усиленнаго надзора за дѣятельностью самихъ епархіальныхъ архіереевъ.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода, т. II, ч. II. Приложение II.

о чемъ 9 апрѣля 1722 года посланъ ему указъ изъ Св. Синода³⁾.

Имѣя въ виду область вѣдѣнія протонинквизитора и данную ему инструкцію, касавшуюся положительно всѣхъ сторонъ епархіальнаго управленія, можно сказать, что въ лицѣ іеродіакона Пафнутія предъ нами выступаетъ своего рода патріархъ, дающій отчетъ только Св. Синоду. Состоя во главѣ стройной инквизиторской организаціи, оцуптавшей мелкой сѣтью всю церковную территорию, „первѣйшій инквизиторъ“, при строгой субординаціи, одновременно являлся грозой для епархіальныхъ архіереевъ и блюстителемъ порядка въ епархіальномъ управленіи. Самъ Петръ, а за нимъ Св. Синодъ, вѣрили, что отъ усердной дѣятельности протонинквизитора, провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ можетъ „возрасти польза Святѣй церкви и государственная и народная“⁴⁾. Въ Москвѣ въ 1724 году учреждено было даже особое по инквизиторскимъ дѣламъ Присутствіе, во главѣ котораго стоялъ Синодальный Совѣтникъ новоспасскій архимандритъ Іерофей съ спеціальной инструкціей⁵⁾. Однако напрасна была надежда на духовное фискальство. Инквизиторство, внесенное странную двойственность въ епархіальное управленіе, послужило не къ пользѣ, а ко вреду церкви, подрывавъ авторитетъ церковной іерархіи⁶⁾.

Передавъ вотчины въ вѣдѣніе духовной власти, Петръ внимательно слѣдилъ за остаточными денежными суммами и хлѣбомъ въ церковныхъ учрежденіяхъ. Инквизиторства было недостаточно для финансоваго контроля. Чувствовалась необходимость въ центральномъ финансовомъ учрежденіи при Синодѣ. Таковымъ учрежденіемъ въ началѣ 1724 года явилась Коллегія для заведыванія всѣми сборами по синодальному вѣдомству чрезъ казначея и цалмейстеровъ и оберъ-провіантмейстера по раздѣлѣ про-

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. II, № 526.

²⁾ Тамъ же, т. I, № 348; пун. 47 инструкціи.

³⁾ Тамъ же, т. IV, №№ 1282 и 1314.

⁴⁾ Тамъ же, т. V, № 1937.

віанта. Для разыскныхъ дѣлъ на духовныхъ лицъ, и ихъ между собой, тогда же учреждена при Синодѣ особая Коллегія. Одновременно и въ связи съ учрежденіемъ при Синодѣ двухъ важныхъ — финансовой и судебной коллегій или конторъ, возникла было серьезная мысль о викаріяхъ, хотя только у „синодскихъ архіереевъ“, т. е. у членовъ Синода. Но этимъ викаріямъ, въ качествѣ помощниковъ, отводилось не совсѣмъ подходящее и довольно узкое поле дѣятельности: „вѣдать земскія дѣла и во всемъ отвѣтъ давать“, довольствуясь „опредѣленнымъ“ содержаніемъ¹⁾.

Вопросъ о викаріяхъ у архіереевъ, очень занятыхъ въ Св. Синодѣ, не новъ, но практически и частично онъ осуществлялся въ довольно странной формѣ: викаріатства у членовъ Св. Синода для Петра явились мѣстомъ ссылки „провинившихся“ самостоятельныхъ архіереевъ. 14 февраля 1723 года Императоръ „самоустрою въ домѣ господъ Строгановыхъ“ сказалъ указъ синодальному вице-президенту, архіепископу Θεодосію о назначеніи Варлаама (Теницкаго), епископа Суздальскаго, въ наказаніе, викаріемъ въ Исковскую епархію. 5 іюля того же года Св. Синодъ исполнилъ царскій указъ, назначивъ Варлаама, прослужившаго уже около четырехъ лѣтъ самостоятельнымъ архіереемъ, въ викаріи Θεοφану Прокоповичу. Варлаамъ, получивъ указъ о назначеніи во Исковъ, не поѣхалъ туда, но послать изъ Москвы слезницу — съ просьбой оставить его пожить нѣсколько времени въ Москвѣ. Задержавшись въ Москвѣ, 19 апрѣля 1724 г. онъ назначенъ былъ самостоятельнымъ архіереемъ въ Коломенскую епархію. — Варлааму, назначенному викаріемъ „въ наказаніе“, быть можетъ по злобѣ князя Меньшикова, удалось временно избавиться отъ униженія²⁾, но Астраханскому епископу Іоакиму сразу, пе-

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Испов. IV, № 1187.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода. III, № 155; IV, № 198; Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. IV, № 1248. Варлаамъ получилъ прощеніе по случаю наступающей коронаціи Императрицы Екатерины I. Отпуска въ Варлаама на Коломенскую епархію, Св. Синодъ сдѣлалъ ему наставленіе, чтобы онъ „будучи на Ко-

реведенному съ самостоятельной кафедрой викаріемъ при митрополитѣ Новгородскомъ Θεодосіи 23 іюня 1723 года, „за нѣкоторыя Его Величеству извѣстныя причины“, пришлось испытать это униженіе. Въ качествѣ новгородскаго викарія онъ лишенъ былъ права служить въ саккосѣ и въ „случающемся народномъ выѣздѣ“ ему не приказано носить предъ собой архіерейскаго посоха; употреблять посохъ только во время служенія и крестохожденія въ своемъ опредѣленномъ (Антоніевомъ) монастырѣ¹⁾.

Права Іоакима были ограничены и по управленію Новгородской епархіей: въ качествѣ помощника Θεодосію, его устранили даже отъ слушанія ставленниковъ и поднеси благословенныхъ грамотъ посвящаемымъ дьячкамъ и пономарямъ²⁾. Только въ междуархіерейство, постѣ лишенія сана

коломненской епархіи, таковыхъ подозрительныхъ и продержанныхъ поступковъ, за которыя отъ Суздальской епархіи былъ отрѣшенъ, отнюдь не чинилъ подъ опасеніемъ изгнанія — тамъ же, № 1259. Вина Варлаама, о которой Св. Синодъ умалчивалъ, несомнѣнно заключалась въ томъ, что онъ, какъ преемникъ м. Игнатія (Смоля) на Суздальской кафедрѣ, вступилъ былъ въ дѣло своего предшественника и Евдокія Лопухиной. (Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода. I, № 115). Съ Коломенской кафедрой Варлаамъ, по злобѣ кн. Меньшикова, былъ перемѣненъ въ Астрахань (1727 г. 7 сент.), а въ 1730 г. 7 іюня назначенъ епископомъ Переяславскимъ, коадьюторомъ или викаріемъ Кіевской митрополіи (тамъ же, X, № 241).

¹⁾ Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія, вып. I. Астрахань, 1905 г. стр. 39. „Нѣкоторыя причины“, по какимъ Іоакимъ переведенъ въ викаріи, заключались въ томъ, что онъ ратовалъ противъ католичества и протестантства, которыя, подъ покровительствомъ астраханскаго губернатора Артемія Вольнскаго, начали строить въ Астрахани кирки и костелы. Къ этому присоединилась и личная вражда между Іоакимомъ и не миролюбивымъ губернаторомъ Вольнскимъ, извѣстнымъ своими столкновеніями и съ казанскими властями. Во время своего пребыванія въ Астрахани, готовясь къ Персидскому походу (1722 г.), Петръ всталъ на сторону губернатора Вольнскаго, очевидно, боясь господъ „іезуитовъ“. (Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. II, №№ 514, 571—580; Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Сн. II, ч. I, № 440; ср. С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, т. XVIII, стр. 674—684, 822. Подробности о католичествѣ и лютеранахъ въ Астрахани и Астраханской епархіи см. Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія... вып. II, стр. 221—268.

²⁾ Новгород. Епарх. Вѣд. 1896 г. стр. 1002—1003. Проф. Чисто-

и ссылки Θεодосія Яновскаго (съ 24-го мая 1725 г.) и до перевода на Новгородскую кафедру Θεοφана Прокоповича (1725 г. 25 июня), т. е. не болѣе мѣсяца епископу Іоакиму разрѣшено было посвящать ставленниковъ¹⁾.

Само собою понятно, что ссыльные и безправные викаріи едва ли могли содѣйствовать упорядоченію епархіальнаго управления; напротивъ, они способны были только ослабить значеніе архіерейской власти и достоинства епископскаго сана.

Но выше всякаго сомнѣнія, что епископы викаріи, вѣдшіе хотя бы только одни земскія дѣла, по предположенію отъ 24 янв. 1724 года, могли облегчить сложныя епархіальныя и административно-владѣльческія обязанности синодальныхъ членовъ; во всякомъ случаѣ они принесли бы больше пользы святой церкви, государству и народу, чѣмъ ссыльные викаріи или духовные фискалы. Къ сожалѣнію, 5 февраля того же 1724 г. вышелъ собственноручный царскій указъ: „у архіереевъ и въ монастыряхъ вмѣсто викаріевъ и намѣстниковъ опредѣлить приказныхъ“ съ особыми инструкціями. Вѣдшію новыхъ архіерейскихъ и монастырскихъ приказныхъ, соотвѣтственно распоряженію отъ 24 янв. 1724 года, подлежали „земскія дѣла“. Помощниками архіереевъ по духовнымъ дѣламъ, точнѣе по надзору въ монастыряхъ и по епархіи вообще, рѣшено поставить архимандритовъ, подчинивъ каждому изъ нихъ по нѣсколько монастырей. Чтобы архимандриты не возвышались надъ архимандритами, какъ начальники, въ подчиненныхъ монастыряхъ архимандритъ замѣнялись игумен-

вичъ говорить ошибочно, что Θεοφанъ Прокоповичъ въ 1725 г. выпросилъ себѣ въ помощь по управленію епархіальными дѣлами викарнаго, по примѣру того, какъ былъ въ Новгородѣ викарный при Іовѣ митрополитѣ (Θеофанъ Прокоповичъ и его время... стр. 583). Но вѣдь Іоакимъ переведенъ въ викаріи Новгородской епархіи въ 1723 г., когда Θεοφанъ Прокоповичъ былъ псковскимъ архіепископомъ, а снова получилъ самостоятельную кафедру сначала Вологодскую 16 марта 1726 г., съ которой 22 апр. того же года былъ перемѣщенъ въ Суздаль (Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода IV, № 547, стр. 556).

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Син. V, № 144.

ствами: тѣже архимандриты наблюдали и за приходской жизнью чрезъ „епархіальныхъ“ священниковъ, поставленныхъ въ качествѣ благочинныхъ надъ отдѣльными дистриктами или округами. Всѣ духовные чины благочинны обязывались „надематривать“ и по своей должности доносить епархіальному архіерею о состояніи подвѣдомыхъ имъ округовъ.

Одновременно съ такой организаціей внутренняго епархіальнаго управленія, во главѣ которой стоялъ архіерей, продолжало существовать и дѣйствовать инквизиторство, неподвѣдомое епархіальному начальству и „суду архіерейскому невинное“. Такая двойственность вносила замѣтный разладъ въ епархіальный строй Русской церкви и могла только усиливать безпорядочность въ епархіальномъ управленіи. Высшая русская іерархія, въ лицѣ епархіальныхъ архіереевъ, послѣ 1724 г. оказалась въ странномъ положеніи. Епархіальный архіерей, управлявшій грѣмადной епархіей, облеченный широкими полномочіями, въ качествѣ церковнаго администратора и представителя владѣльческихъ правъ своей кафедры, боялся своего провинціалъ-инквизитора изъ монаховъ. Такая ненормальность была слишкомъ замѣтна, но она оказывалась неизбежной. Вообще всѣ мѣры, направленные къ пользѣ святой церкви, государства и народа, въ обходъ важнѣйшаго вопроса объ открытіи новыхъ епархій, или, въ крайнемъ случаѣ, объ учрежденіи викаріатствъ, оказывались слишкомъ условными, а чаще недѣйствительными. Впрочемъ съ инквизиторствомъ скоро покончили, какъ съ учрежденіемъ антиканоническимъ и вреднымъ. Когда, спустя значительное время послѣ Петра, стала усиливаться старорусская партія, Св. Синодъ 25 янв. 1727 самъ уже сознавался, что отъ нѣкоторыхъ инквизиторовъ „происходятъ непорядочные поступки“, а духовнымъ и мірскимъ людямъ чинятся обиды и озлобленія, и что „то духовному чину неприлично и святымъ правиламъ противно“, а поэтому спрашивать: „учинена ли хотя отъ кого нибудь изъ инквизиторовъ, хотя малая польза?“¹⁾ Навели справки.

¹⁾ Полн. Собр. Постанов. и Распор. по В. Прав. Испов. V, № 1903.

Оказалось, что отъ всѣхъ инквизиторовъ не только не оказалось никакой пользы для церкви, напротивъ, раскрылись дѣла „весьма противныя званію инквизиторовъ-монаховъ и общему народу гнусныя“. Совѣщъ целестныя свѣдѣнія получены о провинціаль-инквизиторахъ: повгородскомъ, сибирскомъ, бѣлгородскомъ, великоустюжскомъ и холмогорскомъ ¹⁾. О другихъ провинціаль-инквизиторахъ къ 15 марта 1727 года свѣдѣній не поступило и, какъ полагать Синодъ, потому, что епархіальная власть боялась ихъ и не смѣла доносить на своихъ инквизиторовъ, тѣмъ болѣе, что они не были подчинены архіерейскому суду.

Св. Синодъ не замедлилъ отрѣшить отъ должности всѣхъ провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ, размѣстивъ ихъ въ число братіи по монастырямъ подъ особый надзоръ; производство слѣдствія надъ ними поручено было епархіальнымъ архіереямъ, но окончательный судъ Св. Синодъ оставилъ за собой. Тогда то Св. Синодъ припомнилъ собственноручный указъ Петра отъ 5 февраля 1724 г. объ архимандритахъ и парохіальныхъ священникахъ и, согласивъ его съ 8 пункт. Регламента „О дѣлахъ епископскихъ“, рѣшилъ, что духовныя власти обязаны все наблюдать и безъ инквизиторовъ. Поэтому 15 марта 1727 года Св. Синодъ распорядился „въ Синодальной области (бывшей патріаршей) и по епархіямъ—въ городахъ и уѣздахъ для надзора за духовенствомъ, по силѣ указа отъ 5 февраля, опредѣлить закащиками духовныхъ властей и поповскихъ старостъ, которымъ и „смотребъ по должности всего накрѣпко“ ²⁾.

Припомнивъ указъ 5 февраля 1724 г., члены Синода упустили изъ виду напрасно отмѣненное распоряженіе отъ 24 января о викаріяхъ у нихъ и серьезно не остано-

¹⁾ Великоустюжскій провинціаль-инквизиторъ Іоасафъ Тюменевъ оказался даже не монахомъ, а отлученнымъ холономъ князя Голицына, Иваномъ Макаровымъ, самопроизвольно надѣвшимъ на себя монашескую рясу (тамъ же, V, № 1936). Какая могла быть польза отъ такого проходима.

²⁾ Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. V, № 1937.

вилось на давнишней мысли, что малочисленность и обширность русскихъ епархій, безпорядочность и разбросанность ихъ территорій и отсутствіе болѣе четверти вѣка самостоятельнаго архіерея при соборной церкви въ Москвѣ въ необъятной Патріаршей епархіи, остаются главными причинами церковныхъ нестроений. Слѣзіе должности инквизиторовъ съ обязанностями далеко не новыхъ органовъ епархіальнаго провинціального управления, — заказчиковъ и поповскихъ старостъ изъ духовенства, — въ Синодальной области, какъ и въ другихъ епархіяхъ, не приносило ничего новаго, сравнительно съ строемъ епархіального управленія въ до-синодальный періодъ; —напротивъ, бывшая Патріаршая область въ первые годы существованія Св. Синода и вдовствовавшая патріаршая кафедра, въ силу господства фискальства, оказались въ самомъ тяжеломъ положеніи, изъ котораго могъ вывести ихъ только свой епархіальный архіерей.

Мы знаемъ, что еще въ 1719 году бывшая Патріаршая область по духовному управленію поручена была Игнатію, м. Крутицкому на тѣхъ правахъ, какъ управлять ею м. Рязанскій Стефанъ Яворскій. М. Игнатій съ свойственной ему ревностью взялся за управленіе обширнѣйшей епархіей, хотя трудъ его оставался невыносимо тяжелымъ для него. И послѣ учрежденія Синода энергія „Крутицкаго“, видимо, не ослабѣвала. Но это самое, кажется, безпокоило Синодъ, считавшій себя, а не Игнатія, замѣстителемъ патріарха въ правахъ надъ б. Патріаршей областью, переименованной въ Синодальную. М. Игнатія скоро завинили въ превышеніи власти—невысылкѣ дяковокъ и подъячихъ изъ Москвы въ Петербургъ; въ умаленіи чести Св. Синода, сказавшемся въ томъ, что м. Игнатій писалъ въ доношеніи вмѣсто „Святѣйшему Правительствующему Синоду“—въ Правительствующую Духовную Коллегію Святѣйшему Правительствующему Синоду, и нѣкоторыхъ др. неважныхъ винахъ ¹⁾. Первый строгій выговоръ сдѣ-

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. I, № 27;

ланъ былъ Крутицкому 8 марта 1721 г., а 15 марта м. Игнатію запрещено посвящать архимандритовъ и игуменовъ въ степенные и нестепенные монастыри и переводить настоятелей изъ одного монастыря въ другой, безъ указа Св. Синода ¹⁾. Такіе синодальные указы по духовному управленію въ бывшей Патріаршей области едва ли могли водворить порядокъ въ епархіальной жизни. Они только стѣсняли дѣятельность м. Игнатія. Но все это было только

ср. Онис. Докум. и Дѣлѣ Арх. Св. Синода, т. I, № 230. Въ наказаніе за невысылку дьяковъ и подьячихъ и умаленіе чести Св. Синода м. Крутицкій долженъ былъ, въ качествѣ штрафа, выдать прогонны задержаннымъ дьякамъ и подьячимъ изъ своей келейной казны. Вместе съ этимъ онъ получилъ внушеніе, чтобы въ присланныхъ въ Правительствующій Духовный Синодъ доношеніяхъ не умалять честь Св. Синода и повиновался ему во всемъ безирекословно, «понеже оный Синодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже есть соборъ», о чемъ даже посланъ былъ царскій указъ м. Игнатію.

¹⁾ Онис. Докум. и Дѣлѣ Арх. Св. Синод. I, №№ 170, 230. Вѣроятно, что онъ не понималъ вѣскольکو неопредѣленнаго положенія св. Синода, объявившаго себя, больше на словахъ, сильнымъ Правительствомъ, и по невѣдѣнію не точно адресовалъ свои доношенія Духовной Коллегіи, а не съ цѣлью умаленія чести св. Синода: равнымъ образомъ онъ удержалъ въ Москвѣ половину дьяковъ и подьячихъ въ интересахъ управленія патріаршей областью, а не предвосхищая права у Московскаго вице-губернатора Воейкова, которому былъ данъ указъ о высылкѣ дьяковъ и подьячихъ. 2-го іюня 1721 г. м. Игнатій писалъ въ Синодъ о недостаткѣ дьяковъ и подьячихъ въ Патріаршемъ Духов. Приказѣ, почему въ управленіи Патріаршей областью происходила остановка. «По одному только синодальному указу, говорилъ митрополитъ, надлежитъ послать указы полтараста и больше, а писать и крѣпить некому». Но было уже поздно. Свят. Синодъ, приговаривая (8 марта), чтобы важнѣйшія дѣла по Патріаршей области управлялись съ вѣдома м. Игнатія, съ 23 февраля знали объ его подслѣдственности въ Тайной Канцеляріи. Его обвинили въ томъ, что въ бытность Суздальскимъ епископомъ ходилъ на поклонъ къ инокинь Еленѣ, бывшей царицѣ Евдокіи (Полухинной), выдалъ ее въ мірскомъ одѣяніи, и вмѣсто того, чтобы довести объ этомъ, цѣловалъ ей руку; въ 1717 г. онъ приказалъ попу Казанской церкви въ Суздаль пустить царицу-монахиню «дѣтъ все-нощную»; въ томъ же году прислалъ ей нару нѣмецкихъ сѣрыхъ возниковъ, на которыхъ бывшая царица разѣзжалась.

началомъ новыхъ бѣдъ для самого м. Игнатія и управляемыхъ имъ, при непосильномъ трудѣ, епархій, особенно Патріаршей области. М. Игнатій съумѣлъ оправдаться и удержать за собой управленіе обѣими епархіями.

14 іюня 1721 г. м. Игнатій былъ пскоро вызванъ въ Петербургъ, а бывшая Патріаршая область и Крутицкая епархія «всякимъ правленіемъ до указа поручены лицамъ, производившимъ слѣдствіе надъ м. Игнатіемъ въ Москвѣ: Мелитинскіи епископу Григорію съ тремя архимандритами: чудовскимъ—Геннадіемъ, Новоспасскимъ—Сергіемъ и Влатоушевскимъ Антоніемъ ¹⁾.

Давно минувшія дѣла возникли при излишнихъ придиркахъ Тайной Канцеляріи, державшей въ страхѣ самихъ членовъ Синода, и заслонити собой духовныя нужды двухъ важнѣйшихъ епархій. Послѣ вызова м. Игнатія въ Петербургъ на судъ самого Синода, ни въ Москвѣ, ни на Крутицахъ не оставалось русскаго архіерея. Игнатію не дозволено возвращаться въ Москву. 8-го сентября по царскому указу, не смотря на важность (?) преступленій, по царскому милосердію и ради заключенія мира со шведами, онъ наказанъ легко: ему велѣно быть Иркутскимъ архіереемъ съ титуломъ епископа, безъ саккоса и бѣлага клобука. 10 сентября Игнатій просилъ освободить его отъ поѣздки въ Иркутскъ и подвергнуть новому допросу. 4-го октября 1721 г. Петръ, лично присутствуя въ Синодѣ, указалъ не посылать Игнатія въ Иркутскую епархію, а отпустить его по преклонности лѣтъ на обѣ-

¹⁾ Тамъ же, I, № 297, ср. № 118. Проф. П. А. Чистовичъ въ своемъ сочиненіи «Оеофанъ Прокоповичъ и его время.» (стр. 190) пишетъ, что Крутицкіе митрополиты, обыкновенно, заступали мѣсто патріарха въ случаѣ бѣдъ или смерти и были ближайшими кандидатами на патріаршество. Учрежденіе св. Синода разомъ подорвало всѣ мечты и надежды Игнатія—этого противника новоучрежденнаго Синода и его распоряженій.... Такая характеристика м. Игнатія на нашъ взглядъ слишкомъ несправедлива. Игнатій, какъ постриженникъ изъ московскихъ купцовъ и приверженецъ старины, могъ только досадовать, что Москва при Синодѣ осталась безъ своего архіерея.

щаніє въ Нилову пустынь; жить ему тамъ въ кельѣ, но митрополитомъ и епископомъ не писаться ¹⁾. Такъ печально кончилъ свою многотрудную дѣятельность энергичный русскій іерархъ, около трехъ лѣтъ правившій двумя епархіями въ тяжелое время.

Вызвавъ м. Игнатія въ Петербургъ, Св. Синодъ не оставилъ безъ вниманія епархій, порученныхъ его вѣдѣнію. Но заботы Синода ограничились только включеніемъ новыхъ лицъ въ составъ епархіальной администраціи Патріаршей области и Крутицкой епархій. На мѣсто златоустовскаго архимандрита Антонія, весьма отягощеннаго дѣлами объ исповѣдавшихся и несповѣдовавшихся по Приказу Церковныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, назначенъ Андроніевскій архимандритъ—Серапіонъ ²⁾. 23 августа 1721 г. во главѣ епархіальнаго управленія б. Патріаршей области и Крутицкой епархій до назначенія и пріѣзда новаго Крутицкаго митрополита, поставленъ былъ Оивандскій митрополитъ Арсеній обще съ Милнинскійскимъ Григоріемъ, при чемъ первенство оставалось за м. Арсеніемъ ³⁾.

Такимъ образомъ епархіальное управленіе, бывшее въ рукахъ одного м. Игнатія, получило характеръ коллегиальнаго; но отъ такого управленія, безъ русскихъ архіереевъ, нельзя было ожидать пользы для обѣихъ епархій. Очень скоро самъ Синодъ призналъ неудобство управле-

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода, I, № 115.

²⁾ Тамъ же, I, № 349.

³⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. I, № 181, ср. Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Сн. I, № 470. Нѣсколько непонятно, почему св. Синодъ въ іюлѣ забылъ про Арсенія Оивандскаго. Онъ давно проживалъ въ Москвѣ и хлопоталъ, чтобы ему одному ставить всѣхъ ставленниковъ въ Патріаршей области, конечно, съ опредѣленной дачей съ каждаго хиротонисанія, и жить бесплатно въ Москвѣ на подворьѣ вологодскаго владыки. Синодъ, хотя не сразу, дозволилъ м. Арсенію жить на вологодскомъ подворьѣ, но лишь до назначенія своего архіерея въ Вологду, которому самому понадобится московское подворье; изъ патріаршихъ ставленниковъ разрѣшено ему ставить только тѣхъ, которые сами пожелаютъ ставиться у него (Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. I, № 63; Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Сн. I, № 246).

нія митрополитовъ Арсенія и Григорія въ Москвѣ, „яко чужестранныхъ и російскихъ обычаевъ не пріобыкшихъ персонъ“ ¹⁾.

Крутицкая епархія не представляла особаго интереса для Синода, а потому вдовствовала недолго: 18 февраля 1722 года въ нее поставленъ, а 3 марта посвященъ совѣтникъ Св. Синода архимандритъ Высоко-Петровскаго монастыря Леонидъ съ титуломъ архіепископа ²⁾. 10 апрѣля ему поручено управленіе и Патріаршей областью съ сохраненіемъ званія совѣтника, при двухъ ассесорахъ, въ особомъ учрежденіи, которое открылось въ Москвѣ подъ именемъ Синодальной Дух. Дикастеріи; съ ней въ 1723 г. слился Патріаршій Духовный Приказъ. Казенный Патріаршій Приказъ, послѣ того какъ Св. Синодъ оставилъ Москву, также находился въ вѣдѣніи Крутицкаго архіерея. Впрочемъ архіепископа Леонида, какъ и другихъ управителей быв. Патріаршей области, нельзя считать отдѣльными архіереями для Москвы, какъ это дѣлаетъ покойный И. И. Шимко ³⁾.

Въ Москвѣ, кромѣ Дикастеріи, дѣйствовала еще Синодальная Канцелярія, также съ правами по епархіальному управленію, получившая нѣкоторую организацію послѣ

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. II, № 508.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Сн. II, ч. I, № 215, Указатель, стр. 40.

³⁾ Патр. Казен. Приказъ... стр. 52. Г. Шимко, между прочимъ, пишетъ: „но указамъ 1722—1724 гг. управленіе бывшей Патріаршей областью получило характеръ общій съ другими епархіями: Москва имѣла отдѣльнаго архіерея, правившаго въ столицѣ и синодальной области чрезъ Дикастерію, предшественницу нынѣшней Московской Консисторіи“. На это нужно замѣтить, что крутицкіе владыки всегда жили въ Москвѣ или, точнѣе, близъ Москвы и до архіепископа Леонида и послѣ, но порученіе имъ управленія Патріаршей областью нужно назвать случайнымъ. Послѣ Леонида (1722—1729) управителемъ синодальной области былъ Іоакимъ, архіепископъ ростовскій съ 1732 г. по 1735 г.; съ 1735 г. Синодальной областью управлялъ коломенскій Веніаминъ, но всѣ они были самостоятельные епархіальные архіереи; Москва, такъ образ., оставалась долго безъ своего „отдѣльнаго“ архіерея.

того, какъ Св. Синодъ, пробывъ въ Москвѣ съ декабря 1721 г. по мартъ 1723 г., по случаю пребыванія въ ней царя, отбылъ въ Петербургъ. Во главѣ Дикастеріи встать Совѣтникъ симоновскій архимандритъ Петръ съ двумя ассессорами. Между Дикастеріей и Канцеляріей возникли недоразумѣнія. Св. Синодъ, разграничивая ихъ вѣдомства, предоставилъ Канцеляріи право рѣшать дѣла епархій ближайшихъ къ Москвѣ. Такое распоряженіе нарушало централизацию въ управленіи всей русской церковью и придавало Канцеляріи характеръ менынаго Синода. При этомъ нужно помнить, что дѣятельность патріаршихъ приказовъ, какъ епархіальныхъ учреждений, еще не прекратилась. Всякія недоразумѣнія между названными учреждениями восходили къ владыкѣ крутицкому Леониду, подъ властью котораго въ 1726 г. Канцелярія и Дикастерія слилась въ одну Дикастерію ¹⁾.

Устраняя греческихъ митрополитовъ отъ управления б. Патріаршей областью и Крутицкой епархіей, «яко чужестранныхъ и росейскимъ обычаемъ не приобыкшихъ персонъ», св. Синодъ находилъ ихъ управленіе не важнымъ и не дѣйствительнымъ. Передачей Синодальной области, какъ „хиротонисаніемъ священнослужителей, такъ и духовными и прочими дѣлами“, касающимися синодального правленія, Леониду, архіепископу Сарскому и Подонскому (Крутицкому) при особой инструкціи съ порученіемъ ему Духовнаго и Казеннаго приказовъ и даже разбора инквизиторскихъ дѣлъ, св. Синодъ, по его выраженію, желалъ привести Московское епархіальное управленіе „въ лучшее содержаніе“ ²⁾.

¹⁾ П. П. Шимко. Казенный Патріарш. Приказъ. Москва. 1894 г. стр. 52—53. Весьма обстоятельно „Исторія Московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія Св. Синода“ обследована Н. Розановымъ въ его капитальномъ трудѣ подъ этимъ названіемъ въ III-хъ частяхъ. Москва. 1869—1871 г.

²⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Правосл. Испов. т. II, № 508; ср. 1-е Пол. Собр. Закон. Рос. Имп. т. VI, № 3954. Тутъ напечатана инструкція.

Правда, архіепископъ Леонидъ былъ болѣе подходящимъ управителемъ Синодальной области при сложной епархіально-административной организаціи, чѣмъ греческіе митрополиты, тѣмъ не менѣе нужны были сверхчеловѣческія силы, чтобы одному архіерею привести въ „лучшее содержаніе“ управленіе Крутицкой епархіей и увеличить Синодальной областью. Кромѣ ставленниковъ двухъ названныхъ епархій ему приходилось посвящать ставленниковъ еще Суздальской и Воронежской епархій. Въ 1725 г., когда его помощникъ по ставленническимъ дѣламъ Овандехій архіерей выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ производствѣ ставленниковъ произошла остановка. Поэтому архіепископъ Леонидъ сталъ просить позволенія у Св. Синода отсылать ставленниковъ для посвященія въ ближайшія епархіи—Ростовскую, Коломенскую и др. Синодъ, въ силу необходимости, согласился на просьбу Леониды, но съ оговоркой—отсылать только тѣхъ, которые сами объ этомъ будутъ просить ³⁾. Облегченіе архіепископа Леониды, несомнѣнно, было затрудненіемъ для ставленниковъ, проходившихъ сложныя мытарства при посвященіи даже у своихъ архіереевъ.... Правда, Св. Синодъ часто самъ наѣзжалъ въ Москву почти въ полномъ составѣ, но его пребываніе въ старой столицѣ являлось случайностью и не имѣло дѣльно ускореніе епархіальнаго управленія, напротивъ, оно могло только осложнять его.

Между тѣмъ со времени открытія Св. Синода предѣлы бывшей Патріаршей области не только не сократились, напротивъ расширились. Въ силу разрѣшенія, даннаго Петромъ В. 23 апрѣля 1721 г. на принятіе въ вѣдѣніе Синода, но не въ пользованіе, сборовъ Казеннаго Приказа, 5-го іюля послѣдовалъ синодальный указъ о зачисленіи 29 городовъ, расписанныхъ въ 1710 г. по губерніямъ, обратно въ вѣдомство Приказа. Такимъ образомъ составъ б. Патріаршей области получилъ прежнее

³⁾ Русск. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода, V, № 293.

единство не только по церковному, но и финансовому управлению¹⁾, хотя роспись денежных сборовъ съ крестьянъ Патріаршей области, въ силу необходимости, осталась по губерніямъ и провинціямъ²⁾.

Для Св. Синода, объявившаго себя имѣющимъ силу, честь и власть патріаршескую, весьма важно было, по возможности, сохранить территоріальную цѣлостность бывшей Патріаршей области. Иначе его власть должна была мыслиться „съ умаленіемъ“. Хотя на первыхъ порахъ Св. Синодъ самостоятельно не распоряжался доходами съ Патріаршей области, поступавшими въ Казенный Приказъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ нуждъ³⁾, однако большинство этихъ доходовъ шло не на государственныя потребности, а на Синодъ съ его штатомъ и учрежденіями. Впрочемъ, скоро самъ Петръ, изыскивая средства на Синодальный „трактаментъ“, указомъ 30 мая 1724 г. включилъ сборы Казеннаго Приказа въ число, такъ называемыхъ, „опредѣленныхъ доходовъ“, т. е. суммъ, назначенныхъ на штатъ Св. Синода и его учреждений⁴⁾. Несом-

¹⁾ И. П. Шимко. Патріаршій Казенный Приказъ.. стр. 271. Во всѣ десятины Патріаршей области, получившей названіе Синодальной, были разосланы къ управителямъ духовныхъ дѣлъ указы о производствѣ сборовъ „противъ прежняго“.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Сн. III, № 443. Въ 1723 г. казанскій митрополитъ Тихонъ просилъ, чтобы Пензенская провинція (вѣроятно часть ея), гдѣ были патріаршія вотчины, задальностью Пензы отъ Казани—420 вер., по денежнымъ и всякимъ сборамъ отрѣшена была отъ Казанской епархіи. Дѣло дошло до св. Синода. Монастырскій Приказъ на запросъ Синода отвѣтилъ, что денежные сборы (съ крестьянъ) бывшей Патріаршей области вѣдаются не по епархіямъ, а по губерніямъ и провинціямъ. Къ тому же въ Пензенской и Уфимской провинціяхъ Синодальной команды всего 129 двор. Изъ Синода туда были отправлены синодальный дворянинъ Осодоръ Шелеспанскій. Кстати замѣтить, что Патріаршая область со времени учрежденія Синода, хотя должна была называться Синодальной, однако долго, даже въ официальныхъ документахъ, не утрачиваетъ своего названія — *Патріаршей*. Мы будемъ называть ее преимущественно Синодальной послѣ учрежденія Синода.

³⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. I, № 42.

⁴⁾ Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Сн. т. III, № 218.

нѣнно, это обстоятельство еще больше заставляло Петра и самый Синодъ дорожить территоріальною цѣлостностью бывшей Патріаршей области, а при случаѣ расширить ее. Тѣмъ же побужденіями можно объяснять неназначеніе самостоятельнаго епархіальнаго архіерея въ Москву. Боязнь умаленія чести и власти Синода, а также сокращенія средствъ содержанія заставило Св. Синодъ вмѣсто возстановленія Патріаршей епархіи и выдѣленія изъ нея новыхъ, въ интересахъ упорядоченія управления, приобѣгать къ порученіямъ. Мы уже видѣли, что управленіе обширнѣйшею епархіей поручалось иногда совершенно неподходящимъ людямъ. Достойнымъ замѣстителямъ Патріаршей каѳедры не давалось самостоятельности въ дѣйствіяхъ.

27 ноября 1722 г. скончался президентъ св. Синода Стефанъ Яворскій. 2 февраля слѣдующаго года на его мѣсто въ Рязань переведенъ опальный архіерей времени петровыхъ—тверской митрополитъ Сильвестръ (Холмскій) съ званіемъ епископа послѣ пятнадцатилѣтняго служенія въ санѣ митрополита. Въ концѣ февраля Св. Синодъ уже разсуждалъ объ отдѣленіи Тамбовской епархіи отъ Рязанской и присоединеніи ея до указа къ своей области, такъ какъ она была опредѣлена въ вѣдомство „только бывшему синодальному президенту, преосвященному Стефану м. Рязанскому“. Въ виду этого Св. Синодъ поручилъ Московской Духовной Дикастеріи завѣдывать постановленіемъ въ несъ священнослужителей и духовными дѣлами, а сборы, положенные съ духовенства и поступавшіе въ Рязанскій архіерейскій домъ, передавались въ синодальный Казенный приказъ¹⁾. Лишеніемъ сана митрополита и отпиской Тамбовской епархіи отъ Рязанской не кончилось уменьшеніе чести и власти м. Сильвестра. 27 марта 1723 г. св. Синодъ назначилъ опредѣленное содержаніе Рязанской каѳедры съ ея штатами въ 1200 руб., а затѣмъ, 15 июля 1724 г. прибавлено еще 300 руб.²⁾. Такъ

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Испов. III, № 1015. Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода, III, № 181.

²⁾ Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. III, № 1047.

кончилось вместе со смертью мѣстоблюстителя и привело к лигированное положеніе Рязанской митрополіи.

Тамбовскую епархію, не терявшую своей территоріальной обособленности, составляли Тамбовъ съ уѣздомъ—(109 цер.), Ранненбургъ—(8 цер.)¹⁾, Козловъ съ уѣздомъ и приписнымъ городомъ Добрымъ—(114 цер.), Петровскъ на Медвѣдицѣ—(7 цер.), всего 238 церквей съ окладомъ въ Казенный Приказъ 794 руб.²⁾, на нынѣшніи деньги до 8000 руб. Можно не сомнѣваться, что денежный интересъ заставилъ членовъ Св. Синода унестить самый удобный моментъ къ возстановленію многострадальной и какой то переметной Тамбовской епархіи.

За одно съ Тамбовской епархіей св. Синодъ присоединилъ къ своей области все еще не имѣвній определенной епархіальной подвѣдомственности г. Борисоглѣбскъ³⁾. До приписки къ Синодальной области съ 1713 г. онъ, на основаніи общаго указа Петра Великаго—воронежскому митрополиту Нахому вѣдать города, села и церкви по рр. Дону, Донцу, Хопру, Бузулуку, Медвѣдицѣ и Айдару—долженъ былъ поступить въ Воронежскую епархію. Но борисоглѣбскіе городскіе и уѣздные священники „учинились сильными и не желали платить дань воронежскому архіерею, предпочитая оставаться въ вѣдѣніи отдаленнаго Патріаршаго Казеннаго Приказа, часто користуясь сами церковными сборами. Нахомій, по-

¹⁾ Раненбургъ до 1702 г. село слободское, приписанное къ г. Козлову; въ 1702 г. оно подарено Петромъ I кн. Меньшикову, который и устроилъ здѣсь мѣзу. При проѣздѣ на Воронежскую верфь Петръ часто останавливался здѣсь и Меньшиковъ въ угоду царю построилъ на горѣ крѣпостцу въ голландской стѣсѣ, назвавъ ее Ораніенбургъ. При Петрѣ II сюда сосланъ былъ Меньшиковъ, скоро отправленный въ Березовъ. При Елизаветѣ Петровнѣ сюда была сослана Анна Леопольдовна, въ 1731 г. отправленная въ Холмогоры. Съ 1779 г. Рязанский городъ Рязанской губерніи (Н. Семеновъ, Геогр. Словарь IV, стр. 273).

²⁾ Арх. Мин. Ист.—Патр. Каз. Прик. кн. № 312 (по Дворц. Арх.) дд. 106—111, 113, ср. Арх. Св. Синода Дѣла 1733 г. № 61; Моск. Глав. Арх. Мин. Ист.—Патр. Каз. Прик. кн. № 285.

³⁾ Арх. Мин. Ист.—Патр. Казен. Прик. вѣд. 487, д. № 24.

давши въ теченіе одного 1722 г. шесть прошеній въ Св. Синодъ о затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ въ управленіи приписанными церквами и монастырями, отданными ему по указу 1713 г., между прочимъ, просилъ „подтвердительнаго повелѣнія“ на Борисоглѣбскъ. Онъ говорилъ, что епархія его скудна и что Борисоглѣбскъ находится „въ самой близости“ къ Воронежу (150 вер.)—въ его уѣздѣ и подъ вѣдѣніемъ Новохоперской крѣпости (40 вер.), принадлежавшей къ Воронежской епархіи¹⁾. Дѣйствительно въ продолженіе 1713—1720 г. сборы съ борисоглѣбскихъ церквей поступали исключительно въ Воронежскій Казенный Приказъ; съ 1721 г. борисоглѣбскія дани и всякіе сборы поступаютъ одновременно въ Воронежскій и въ Синодальный Приказы. Понятно, что такая финансовая раздвоенность отражалась и на епархіальномъ управленіи. Св. Синодъ безъ указа присоединилъ къ своей области г. Борисоглѣбскъ вместе съ Тамбовской епархіей, чтобы прекратить зазорную распрю между м. Нахومیемъ и борисоглѣбскими попами²⁾. Когда

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода, т. II, ч. I, № 113, стр. 162—163 ср. Арх. Св. Синода, д. 1733 г. № 61.

²⁾ Опис. Док. и Д. Арх. Св. Синода, т. II, ч. I, № 113. Въ своихъ прошеніяхъ въ Св. Синодъ м. Нахомій изобразилъ картину политическаго разстройства епархіальнаго управленія въ г. Борисоглѣбскѣ съ уѣздомъ. Войсковой атаманъ Ісакій Фроловъ, по прежнему, не признавалъ за Воронежскимъ архіерейскимъ домомъ права на сборы вѣснечныхъ и пощинныхъ денегъ. Поставленному Нахومیю поновскому старостѣ черкасскому протопопу Іеремію отказали въ сборъ этихъ денегъ, поручили производить ихъ ктитору Петру Егорову „на войско“, хотя вѣснечныя наказы подписывалъ протопопъ Іеремія. Отъ имени войскового атамана запрещено было Іеремію собирать пшеница и почеревинная деньги съ блудниковъ и блудницъ. Казаки говорили: „если явятся блудники и блудницы, онины за блудное покровство будемъ чинить наказаніе войсковымъ“. Эти странные сборы въ канцелярію казану данно онъ сдѣлалъ отменить, но самоуправство атамана и взысканія доходило до того, что они произвольно принимали къ себѣ и отсылали прицѣлыхъ поповъ и чернецовъ, поступающа во всемъ „сеобомъ“, по „прежнему своему долескому обычаю“, а архіерейскія указы „ни въ чемъ не слушались“. Въ слѣдъ за атаманомъ

воронежскій епископъ Іоакимъ (Струковъ), ссылаясь на то, что г. Борисоглѣбскъ при Пахоміи года четыре, по царскому указу принадлежалъ къ его епархіи, въ 1733 г. возбудилъ дѣло о возвращеніи Борисоглѣбска къ Воронежской епархіи, то ни Казенный Приказъ, ни Дикастерія не могли сказать, по какимъ указамъ Борисоглѣбскъ поступилъ въ вѣдѣніе бывшей Патріаршей области. Дикастерія сослалась на то, что дѣло въ 1731 г. взято въ Св. Синодъ, но и тамъ его не оказалось¹⁾. Тѣмъ не менѣе Борисоглѣбская десятина съ 10 церквами много позже, въ 1738 г., оставалась въ Синодальной области²⁾.

номъ и казачествомъ духовенство приписныхъ церквей и монастырей, особенно борисоглѣбскіе попы изъ вдовыхъ, боявшіеся постриженія въ монашество, отказывались отъ повиновенія воронежскому архіерею. Борисоглѣбскіе попы, во главѣ съ подслѣдственнымъ попомъ Иваномъ Ксенофоновымъ, дозволившимъ за взятку одному станичнику четвертый бракъ и похитившимъ вѣнечныя деньги, подавали въ Патріаршій Приказъ челобитную о томъ, что Борисоглѣбскъ къ епархіи воронежскаго архіерея не приписанъ, и что вѣдаетъ его онъ, архіерей, напрасно. Вмѣстѣ съ тѣмъ челобитчики распространяли по Борисоглѣбску слухъ, что изъ Казеннаго Патріаршаго Приказа полученъ указъ о припискѣ города съ уѣздомъ „по прежнему“ къ Патріаршей области всякими сборами. На основаніи мнимаго указа борисоглѣбскіе попы отказались отъ послушанія поповскому старостѣ Новохоперскому протопопу Памфилу, избравъ себѣ въ старосты упомянутого попу Ксенофонтова, но мнимаго указа не показывали митрополиту Пахомію. Нѣкоторые уѣздные попы, вслѣдствіе агитаціи городскихъ, перестали даже поминать въ храмахъ имя воронежскаго архіерея, — таковы: козмодемьянскій попу села Караганова верхней пятинны Василій Сафоновъ и того же села средней пятинны архангельскій попу Фока. Точно также неповиновеніе м. Пахомію оказали монашествующіе Успенскаго Донецкаго монастыря, приписаннаго къ Воронежской епархіи въ 1718 г.

¹⁾ Арх. Св. Снода, Дѣл. 1733 г., № 61.

²⁾ И. И. Шимко, Патр. Каз. Приказъ, стр. 274, 276. Въ 1705 г. въ самомъ городѣ были три церкви: соборная Борисоглѣбская, Богородицкая и Никольская: въ уѣздѣ 2 церкви — въ слободахъ Чегардайскай (Чегаракской?) — Архангельская и Карайской — Димитрія Солунскаго, пять часовенъ — въ слободахъ: Баганинской — Покровская, Тандыревской — Димитрія Солунскаго, Карачанской — Пятницкая, въ Грибановской — Михаило-Архангельская и на Русской Полянѣ — Христо-

Постѣ присоединенія Тамбовской епархіи и г. Борисоглѣбска къ Синодальной области южныя границы ея отодвинулись до устья рѣки Вороны въ Хоперь, гдѣ стояла Новохоперская крѣпость, построенная въ 1710 г. и принадлежавшая Воронежской епархіи¹⁾. Восточнѣе — въ бассейнѣ р. Медвѣдицы Синодальная область граничила съ Астраханской епархіей. Въ расширенномъ объемѣ, въ 1724 г., въ Синодальной области было всего 4675 церквей²⁾.

рождественская (Извѣст. Тамб. Учен. Арх. Комис., вып. XXXV, стр. 52, 54). Несомнѣнно, ко времени поступленія Борисоглѣбска въ Воронежскую епархію, а затѣмъ въ Патріаршую область, въ борисоглѣбскія часовни замѣнены были церквами. Названныя села съ 1723 г. были южными пограничными населенными пунктами Синодальной области съ Воронежской епархіей.

¹⁾ Новохоперская крѣпость, нынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи (Хоперскъ), расположена на правомъ берегу р. Хопра. На мѣстѣ города еще въ нач. XVIII в. находился густой лѣсъ; въ 1710 г. Петръ I повелѣлъ построить здѣсь крѣпость, а при ней устроить верфь для постройки судовъ, проводившихся съ р. Хопра въ Донъ. Первыми поселенцами Новохоперска были ссыльные и преступники и донскіе казаки, но потомъ между 1714—1716 гг. сюда были высланы черкасы и посадскіе охотники (П. Семеновъ. Геогр. Словарь, III, стр. 543. Проф. Д. И. Багалей. Очерки изъ исторіи колонизаціи, I, 540).

²⁾ А именно — ее составляли слѣдующія десятины: 1, — Москва (264 цер.), 2, — Родонежская (69 цер.), 3, — Селецкая (46 цер.), 4, — Загородская (100 цер.), 5, — Воховская (76 ц.), 6, — Пехрянская (101 ц.), 7, — Хатунская (21 ц.), 8, — Черемышльская (45 ц.), 9, — Звенигородская (41 ц.), 10, — Волоколамская (38 ц.), 11, — Рузская (45 ц.), 12, — Можайская (69 ц.), 13, — Дмитровская (131 ц.), 14, — Серпуховская (46 ц.), 15, — Ржевская (52 ц.), 16, — Осташковская (35 ц.), 17, — Новоторжская, составленная въ 1719 г. изъ церквей Ржевской и Осташковской десятинь (15 ц.), 18, — Калужская (72 ц.), 19, — Боровская (53 ц.), 20, — Алексинская (81 ц.), 21, — Малоярославецкая (36 ц.), 21, — Мосальская (23 ц.), 22, — Верейская (40 ц.), 23, — Медынская (25 ц.), 24, — Тарусская (42 ц.), 25, — Оболенская (25 ц.), 26, — Владимірская (188 ц.), 27, — Яропольчевская (57 ц.), 28, — Гусская (16 ц.), 29, — Гороховская (14 ц.), 30, — Переславль-Затѣйская (157 ц.), 31, — Александровская (76 ц.), 32, — Балахнинская, Зауольская, Толоконцевская и Городецкая (74 ц.), 33, — Арзамасская (200 ц.), 34, — Костромская (297 ц.), 35, — Кинешемская (19 ц.), 36, — Юрьевецъ-Повольская (71 ц.), 37, — Луговская (23 ц.), 38, — Шлесская (116 ц.), 39, — Судиславская (54 ц.), 40, — Галисская (148 ц.), 41, — Унженская (95 ц.), 42, — Усольская (39 ц.), 43, — Торопецкая (61 ц.), 44, —

Въ 1725 г. 19 церквей Ржевскаго уѣзда, Новоторжской Приписи отойшли со всеми доходами въ Синодальную область; онѣ издревле состояли въ Новгородской епархіи и только по указу патріарха Іоакима, «незнаемо какимъ случаемъ», были приписаны къ Патріаршей области. Въ 1721 г. 28 апрѣля по просьбѣ новгородскаго архіепископа Θεодосія погосты были возвращены ему, въ уваженіе жалобъ духовенства. Патріаршіе ржевскіе и тверскіе приказные люди, дворяне и солдаты, «чинили отписанному духовенству многіе убытки въ денежныхъ сборахъ»¹⁾. Любопытно разсужденіе самого Синода по поводу вторичнаго присоединенія ржевскихъ церквей къ бывшей Патріаршей области. 24 мая 1725 г. Синодъ разсуждаетъ такъ: «19 погостовъ Ржевскаго уѣзда 28 апр. 1721 г. приписаны были къ Новгородской епархіи «для лучшаго токмо обрѣтающихся тамо церковниковъ охраненія»; нынѣ же «для многаго въ Синодальномъ штатѣ

Рыльская (88 ц.), 45.—Путильская (51 ц.), 46.—Бѣлопольская (25 ц.), 47.—Карачевская (64 ц.), 48.—Трубчевская (22 ц.), 49.—Брянская (108 ц.), 50.—Сѣвская (139 ц.), 51.—Корсунская (57 ц.), 52.—Темниковская (30 ц.), 53.—Пензенская (113 ц.), 54.—Верхнеломовская и Нижнеломовская (165 ц.), 55.—Саранская, Мокшанская и Починковская (196 ц.), 56.—Керенская (45 ц.), 57.—Краснослободская (36 ц.), 58.—Тамбовская (109 ц.), 59.—Козловъ и Добрый съ уѣздами (111 ц.), 60.—Борисоглебская (9 ц.), 61.—Рябенбургская (8 ц.), 62.—Петровская (7 ц.), 63.—Троицкія волости (53 ц.), всего во всехъ десятинахъ 4675 церквей. 31. II. Шимко, Патр. Казен. Приказъ... стр. 274—276.

1) Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода, т. I, № 236. Церкви эти слѣдующія: 1.—Успенская соборная въ Каменкѣ, 2.—Михаило-Архангельская на р. Осугѣ, 3.—Воскресенская на Таложинѣ, 4.—Козмодемьянская, въ Черниговскомъ стану на р. Осугѣ, 5.—Николаевская — на Бараньей горѣ, 6.—Никольская — въ Чуриловѣ, 7.—Рождество-Богородицкая — въ Ватѣевѣ, 8.—Казанской Богородицы въ Сурушинѣ, 9.—Ильинская въ Стражевникахъ, 10.—Вознесенская — въ с. Васильевскомъ, 11.—Успенская въ с. Ельцахъ, 12.—Воскресенская въ с. Рясныхъ, 13.—Никольская въ с. Вабино, 14.—Воскресенская въ с. Боронкино, 15.—Вознесенская въ с. Прусовникахъ, 16.—Благовѣщенская въ с. Елицахъ, 17.—Преображенская на р. Солодорѣ, 18.—Ильинская въ Горышинѣ, 19.—Никольская съ Горышинскимъ порогомъ на р. Волгѣ.

недостатка» доходы ржевскихъ погостовъ оказались «зѣло нужными», а потому и приговорить, «отрѣши ихъ отъ Новгородской епархіи» со всеми доходами приписать въ вѣдомство Синодальнаго дома²⁾. Такимъ образомъ матеріальный интересъ по прежнему бралъ перевѣсъ надъ охраненіемъ церковниковъ даже у самого св. Синода.

Тотъ же матеріальный интересъ долго былъ одной изъ главныхъ причинъ двойственности епархіальной подвѣдомственности городовъ и уѣздовъ Синодальной области, пограничныхъ съ Нижегородской епархіей и переносившихъ раскольниковъ. Какъ извѣстно, города Балахна, Юрьевъ Новольскій и часть Галицкаго уѣзда по р. Унжу по денежнымъ дѣламъ вѣдались въ бывшемъ Патріаршемъ Приказѣ, а по другимъ отраслямъ епархіальнаго управленія давно подлежали вѣдѣнію нижегородскаго епископа Питирима. При учрежденіи Св. Синода Питиримъ писалъ (26 февр. 1721 г.) Θεодосію, архіепископу новгородскому: «про Арзамасъ и Вязники доложить Государю, чтобы имъ быть въ Нижегородской епархіи, понеже раскольниковъ тутъ много» и архіерею (т. е. Питириму) за ними слѣдить нельзя, потому они не его епархіи, и изъ Нижегородской епархіи (раскольникъ) тутъ укрываются»³⁾. Приговоръ Св. Синода состоялся чрезъ годъ. 15 февр. 1722 г. определено: «города Ярополчъ, Гороховецъ, Арзамасъ и Вязниковскую Слободу и уѣздныхъ всякаго званія людей духовными и расколыническими дѣлами и поставленіемъ во священство, кромѣ сборовъ, которые собирались и высылались въ прежде бывший патріаршій домъ, а нынѣ присылаются въ Свят. Правит. Синодъ, вѣдать преосвященному Питириму». Послѣдній обязывался, доставлять въ Синодъ двойные расколыничьи оклады⁴⁾. То же самое, только раньше (25 сент. 1721 г.), подтверждено относительно Юрьевца Повольскаго⁵⁾.

1) Полн. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Правосл. Испов. V, № 1551.

2) Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Сн. I, № 121.

3) Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. II, № 409.

4) Тамъ же, I, № 242.

Получивъ въ вѣдѣніе значительную территорію Синодальной области, Питиримъ раздѣлитъ свою двойную епархію по духовному управленію на 12 участковъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, онъ не долго правилъ Нижегородской епархіей въ такомъ объемѣ. Въ исключительномъ положеніи синодальныхъ городовъ, отданныхъ только „въ духовное управление“ Питириму, кажется, найденъ былъ лучший исходъ серьезнаго дѣла: Синодъ могъ успокоиться, передавъ раскольниковъ въ надежныя руки, не лишившись ни одной копѣйки доходовъ, а для Питирима открывалась большая свобода дѣйствій въ очагѣ раскола. Но скоро польза дѣла должна была уступить мѣсто партійности въ Синодѣ и интересамъ отдѣльных личностей изъ монашествующей властолюбивой братіи. Въ февралѣ 1726 года архимандритъ арзамасскаго Спасскаго монастыря Лаврентій, отвыкшій отъ непосредственнаго надзора епархіальнаго архіерея, обратился въ Св. Синодъ съ прошеніемъ возвратитъ его монастырь въ синодальное вѣдомство, жалуясь на „отягощенія“, какія монастырь, будто бы, теперь терпитъ со стороны Питирима. Указывалось, между прочимъ, на то, что архіерейскіе посыльные изъ Н.-Новгорода требовали прогонныя деньги изъ Спасскаго монастыря и въ то же время брали натурой лошадей у монастырскихъ крестьянъ, самъ архимандритъ Лаврентій по указу Питирима долженъ ѣздитъ къ службамъ въ Н. Новгородъ и жить тамъ по долгу, не имѣя подворья, наконецъ 3-го января 1726 года по указу Питирима взятъ былъ изъ монастыря стряпчій въ Москву. Все это грозило разореніемъ монастырю. Архимандритъ, выставляя матеріальные убытки монастыря, съ успѣховъ добился своего. Св. Синодъ, безъ долгихъ разбирательствъ дѣла, 7-го марта постановилъ: совершенно взять изъ вѣдѣнія Питирима не только Спасскій Арзамасскій монастырь, которому „происходятъ убытки и отягощенія противъ прежняго состоянія его въ бытность

¹⁾ Нижній-Новгородъ, Балахна, Юрьевецъ Повольскій, Городецкая волость, Чернораменскіе лѣса, Арзамасъ, Алатырь, Курмышъ, Гороховецъ, Вязники, Яропольчъ и Ветлуга.

подъ вѣдѣніемъ Св. Синода“, но и города: Арзамасъ, Яропольчъ, Гороховецъ, Вязниковскую Слободу съ уѣздами и монастырями въ нихъ, а также Флорищеву пустынь (Гороховецк. у.) ¹⁾. Синодъ мотивировать свое постановленіе тѣмъ, что, можетъ быть, и въ этихъ мѣстахъ претерпѣваются подобныя тягости, какъ въ Спасскомъ монастырѣ, и что о нихъ не сообщается Синоду за дальностью разстоянія отъ Петербурга и „недостачествомъ тамошнихъ жителей“. Въ силу такого распоряженія, Московской Духовной Дикастеріи вмѣнено въ обязанность непосредственно вѣдать тамъ духовныя дѣла, поставленіе во священство и всѣ сборы. Раскольниковъ вопросъ отошелъ на второй планъ. Причину ослабленія синодальной миссіи среди раскольниковъ можно усматривать въ томъ, что расколь при господствѣ старорусской партіи въ Синодѣ утратили остроту противоцерковнаго явленія, на него смотрѣли, главнымъ образомъ, съ государственной точки зрѣнія; самый двойной сборъ денегъ съ раскольниковъ изъять изъ Синодальнаго Вѣдомства и поступилъ въ вѣдомство Сената; на долю „духовныхъ особъ“ осталось „одно раскольниковъ увѣщаніе“. Но и это „увѣщаніе“ парализовалось Московской Конторой розыскныхъ раскольниковъ дѣлъ.

Питиримъ запоздалъ съ объясненіемъ, приславъ его въ Синодъ къ 23 марта 1727 года. Энергически отрицая справедливость доноса архимандрита Лаврентія, онъ писалъ, что назначеніе стряпчихъ въ Москву изъ монастырей—обычное дѣло, что архим. Лаврентій три раза вызы-

¹⁾ Строитель Флорищевой пустыни, іеромонахъ Героѳей, давно своевольничалъ, не признавая надъ собой никакой власти Питирима. Уѣхавъ самовольно въ Москву, онъ поручилъ управление монастыремъ бывшему игумену Иссею и наказалъ ему съ казначеемъ никакихъ указовъ Питирима въ пустыни не принимать. Такое своеволие іеромонаха Героѳея проявилось послѣ того, какъ Св. Синодъ дважды (въ 1722 и 1723 г.) подтверждалъ свое распоряженіе Флорищевой пустыни быть въ вѣдѣніи нижегородскаго архіерея; въ 1724 г. 20 ноября послѣдовалъ третій указъ въ томъ же смыслѣ (Арх. Св. Снн. д. 1707—1742 г., № 80, л. 13).

вался въ Н.-Новгородъ, вслѣдствіе жалобъ на него крестьянъ и поповъ, а для очередныхъ служеній пріѣзжать по обязанности архимандрита очень рѣдко. Вся жалоба, по словамъ Питирима, возникла изъ за властолюбія Лаврентія, по которому ему хотѣлось быть „на всей своей волѣ“, какъ было до 1722 г.¹. Что касается устраниціи Питирима отъ духовнаго управленія синодальными городами и мѣстностями, то онъ никакаго личнаго интереса въ томъ не имѣлъ и не могъ имѣть; его дѣломъ было обращеніе тамошнихъ раскольниковъ. Онъ успѣлъ обратить около 14,000 чел., а съ нижегородскими до 64,000 чел., при чемъ собрать для Синода раскольниковыхъ денегъ до 70,000 руб., не считая доимки. Въ своемъ объясненіи Питиримъ очень жалѣлъ о томъ, что ученики нижегородскихъ еллинно-греческихъ и славяно-росейскихъ школъ, набранные изъ мѣстъ, зараженныхъ расколомъ, числомъ 36, проучившись по три-четыре года, какъ только узнали объ отнескѣ ихъ городовъ отъ Нижегородской епархіи по духовному управленію, разбрелись по своимъ домамъ. А какъ обрадовались раскольники, избавившись отъ Питирима! Они, по прежнему, начали своевольничать и даже убивать до смерти добрыхъ священниковъ, считая ихъ за личныхъ враговъ. Нечаянно было смотрѣть Питириму на гибель своего дѣла и на то, какъ „рука раскольническая не нечаянно приходитъ въ толкую дерзость“. Въ заключеніе горячаго объясненія Питиримъ „тѣся не о любовначаліи, ниже о скверныхъ пробыткахъ, но по самой сущей архіерейской должности“, покорнѣйше проситъ Св. Синодъ для пресѣченія раскольнической радости и дерзости передать въ его вѣдѣніе города: Арзамасъ, Ярополчъ, Гороховецъ и Вязниковскую слободу съ уѣздами, „точію едиными раскольническими и обращательными дѣлами и о несповѣдникахъ“, съ правомъ слѣдить за священниками и причетниками въ приходахъ съ обращенными раскольниками и рукополагать туда священниковъ. Онъ даже готовъ былъ поступиться пошлинами за рукоположеніе, оставляя этотъ вопросъ на усмотрѣніе Св. Синода.

Синодъ не внявъ искренему представленію Питирима, подтвердивъ (23 марта 1727) свое прежнее опредѣленіе отъ 7-го марта 1726 г. Такъ дѣло сдѣлалось не безъ участія новыхъ членовъ Синода: Георгія (Даникова), архіепископа Ростовскаго, Теофилакта (Юнатинскаго), Игнатія (Смоля) и Горницкаго архимандрита Льва (Юрлова), съ 27 мая 1727 г. еписк. Воронежскаго, составившихъ сильную оппозицію Теофану Прокоповичу, на авторитетъ котораго Питиримъ всегда опирался, какъ епархіальный начальникъ и миссіонеръ. Питиримъ, по словамъ его современника, Теофилакта Юнатинскаго, былъ покорнымъ слугою Прокоповича и не могъ сказать ни слова противъ него, а по выраженію проф. П. В. Знаменскаго, онъ былъ одинъ человекъ съ Теофаномъ¹). Синодъ, однако, вноситъ небольшую поправку въ свое прежнее опредѣленіе, быть можетъ, по настоянію Теофана Прокоповича, чтобы окончательно не обидѣть несомнѣннаго ревнителя по раскольнымъ дѣламъ и автора знаменитой „Ирацины“. Онъ предписалъ Дикастеріи для крѣпкаго надзора за духовенствомъ послать въ названные города и области „достойныхъ неподозрительныхъ персонъ“, которыя должны во всемъ поступать тщательно и безъ послабленія, какъ поступалъ Питиримъ, а въ случаѣ надобности совѣтоваться съ нижегородскимъ преосвященнымъ о способахъ дѣйствій. Самому Питириму, по личному усмотрѣнію, въ управленіе мѣстами Синодальной области вступать не вѣлено. Только въ случаяхъ явныхъ злоупотребленій со стороны духовныхъ управителей ему разрѣшалось писать въ Дикастерію и Московскую синодальную канцелярію, а въ крайности онъ могъ писать прямо въ Синодъ, но съ ясными доводами; о раскольническихъ же противностяхъ писать въ Москву въ Контору розыскныхъ раскольниковыхъ дѣлъ, бывшую въ вѣдѣніи стольника Савелова. Лишенный дѣятельнаго участія по духовному управленію и расколни-

¹ П. А. Чистовичъ. Теофанъ Прокоповичъ и его время... стр. 253, 257; П. В. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи, изд. 3, 1880, стр. 356.

ческимъ дѣламъ въ обширной области, лишенный непосредственнаго надзора на правахъ епархіальнаго архіерея, Питиримъ остался по отношенію къ ней на положеніи духовнаго фискала. Пользуясь этимъ правомъ, онъ не разъ доносилъ Синоду о состояніи раскола, а кетати (18 іюня 1728 г.) жаловался на архим. Лаврентія, настоятельствовавшаго уже въ нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, бывшемъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода. Лаврентій, который ранѣе „сбивалъ“ на него вымышленныя клеветы и ложные доносы, по жалобѣ Питирима, теперь самъ „чинилъ вящшія противности“¹⁾. Само собою понятно, что подобные доносы Питирима, не какъ непосредственнаго епархіальнаго начальника, а какъ доносчика, только разстраивали духовное управленіе въ синодальныхъ городахъ и монастыряхъ²⁾. Подобное положеніе дѣла ясно

¹⁾ Опис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Синода, VI, № 59. Полн. Собр. Пост. и Распор. по В. Прав. Испов. VI, № 2039.

²⁾ Арх. Св. Синода, д. 1733 г. № 383. Кромѣ Благовѣщенскаго монастыря въ Н.-Новгородѣ непосредственно подчиненъ былъ Св. Синоду еще Николаевскій Амвросіевъ-Дудинъ. Въ другихъ епархіяхъ отъ патриаршихъ временъ въ вѣдѣніи Св. Синода оставалось нѣсколько монастырей, таковы: въ *Вологодской* епархіи Воскресенскій Череповъ (Бѣлозерск. у.) и Воронина Пустынь, *Рязанской*—Лебединскій Троицкій Яблонь, *Ростовской*—Воскресенскій, что на Карайшѣ (Ростовск. у.), Николаевскій-Виксинскій, Николаевскій-Троицкій, пустыни—Райская и Доспоеева, *Новгородской*—Гурьева пустынь (въ Устюжнѣ и Келѣзнопольской), *Коломенской*—Николаевскій-Веневъ (Тульск. у.). Съ открытіемъ новыхъ епархій въ территоріи Синодальной области въ вѣдѣніи Синода оставались—въ *Переяславской* епархіи—Борисоглебскій (Переяславск. у.), *Владимірской*—Царево-Константиновскій монастырь, Боголюбовъ и Покровскій, что на Нерли, Косминъ, Николаевскій-Волосовъ, приписной къ Волосову—Лыбедскій и Сновицкій, *Костромской* епархіи—Флоровская пустынь и Благовѣщенскій Угрюмовскій мон. (Галиц. у.). Въ 1749 г. епархіальныхъ монастырей въ вѣдѣніи Св. Синода было всего 22. Въ разное время Спасо-Преображенскій (въ Казани), Печерскій (близъ Н. Новгорода) и нѣсколько другихъ монастырей по нѣскольку дѣлъ находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода. Епархіальные архіереи въ синодальныхъ монастыряхъ слѣдили только за благочиніемъ; назначеніе настоятелей и всякое управленіе зависѣло отъ Синода, а экономія отъ Экономической Канцеляріи. При такихъ условіяхъ синодальные монастыри

говорило за нецѣлесообразность синодальнаго опредѣленія отъ 23 марта.

Въ царствованіе Петра II (7 мая 1727 г. — 19 января 1730 г.), при господствѣ старорусской партіи, Питиримъ оставался въ тѣни, какъ миссіонеръ, успѣвшій дважды издать свою „Правду“ (1721 и 1726 г.), хотя вызывался въ Петербургъ на череду служенія¹⁾. Съ востшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны (25 февр. 1730 г.) снова выросъ авторитетъ Феофана Прокоповича, а съ нимъ и Питирима; напротивъ, для ихъ недоброжелателей наступило тяжелое время. Первый годъ Аннинскаго царствованія былъ ознаменованъ нѣсколькими процессами іерарховъ, обвиненныхъ въ политической неблагонадежности. Имена большинства этихъ іерарховъ уже извѣстны, то были Левъ Юрловъ, Георгій Дашковъ, Игнатій Смола, Сильвестръ Холмскій, Варлаамъ Ванатовичъ, Феофилактъ Лопатинскій и Варлаамъ Псковскій²⁾.

Аннинское правительствѣ сразу обратило вниманіе на расколъ, какъ противоцерковное явленіе, и вспомнило Питирима. Въ манифестѣ 17 февр. 1730 года Синоду говорилось: „раскольщиковъ, невѣжествомъ своимъ противляющихся Святой Церкви, обращать увѣщаніемъ и ученіемъ“³⁾. 8-го мая именнымъ указомъ повелѣно Синоду

съ ихъ властями, не будучи поручены епархіальнымъ архіереямъ во всѣхъ отношеніяхъ, оставались „безъ всякаго ближайшаго смотрѣнія и страху“ и вносили разладъ въ мѣстное епархіальное управленіе; въ самихъ монастыряхъ развивались неблагочиніе и „монашескому чину непристойные поступки“. Поэтому 17 ноября 1749 г. Св. Синодъ „для лучшаго смотрѣнія“ опредѣлилъ отдать свои иноепархіальные монастыри въ полное вѣдѣніе епархіальныхъ архіереевъ съ правомъ ставить въ нихъ настоятелей, но экономическихъ дѣлъ не касаться (Арх. Св. Синода, д. 1738 г. № 81, д. 1749 г. № 61 ср. Опис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Синода, I, №№ 5, 641, 111, № 247).

¹⁾ Опис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Синода, VI, № 59, стр. 123.

²⁾ Б. В. Титлиновъ. Правительство Императрицы Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ православной Церкви. Вильна 1905. Тутъ вся вторая глава (стр. 72—163) посвящена процессу надъ названными іерархами.

³⁾ Полн. Собр. Зап. Рос. Имп. VIII, № 5518.

въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ поступать согласно петровскимъ указамъ, даннымъ Питириму нижегородскому „и во всемъ, что принадлежитъ къ обращенію раскольниковъ и искорененію ихъ противнаго ученія всякое вспоможеніе чинить“¹⁾. 16 мая, въ исполненіе именного указа, Св. Синодъ снова отдать архіерейскому Питириму взятые у него города: Балахну, Юрьевецъ Повольскій, Яропольчъ, Гороховецъ, Арзамасъ, Вязниковскую Слободу съ ихъ уѣздами, а также Галичскій уѣздъ по р. Унжу и Флоринцеву пустынь — по всемъ духовнымъ и раскольниковымъ дѣламъ и поставленіемъ во священство. Кѣстати Синодъ распорядился произвести слѣдствіе надъ архим. Лаврентіемъ и чернецомъ Варсонофіемъ. Послѣдній называть себя игуменомъ Юрьевецъ-Повольскаго Пустыненскаго Воскресенскаго монастыря и, подобно Лаврентію, жалуюсь на „обиды и напрасные налоги“, просилъ объ отпискѣ отъ Питирима Юрьевца Повольскаго съ его монастыремъ²⁾. Тогда же Св. Синодъ, по собственной инициативѣ, поручилъ Питириму, сверхъ дѣлъ духовнаго характера, производить тамъ съ 1731 г. „для лучшаго по близости разстоянія“ все денежныя сборы, состоявшія въ вѣдѣніи Синодальнаго Казеннаго Приказа, и высылать ихъ въ Москву. Только назначеніе Питирима въ синодальныя члены (съ 21 іюля 1730 г.), сопряженное съ отлучками изъ Н. Новгорода, и указаніе его, что сборы „учинять помѣшательство и остановку духовнымъ дѣламъ“, — дали Синоду поводъ отмѣнить свое рѣшеніе³⁾.

Такъ быстро измѣнились времена, а съ ними положеніе Питирима!

На этотъ разъ синодальныя города и области были присоединены къ Нижегородской епархіи до тѣхъ поръ, пока ея управлялъ Питиримъ. Въ ночь на 9 мая 1738 г.

¹⁾ Подл. Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Ирав. Испов. VII. № 2320.

²⁾ Тамъ же, № 2321. Тутъ изданы въ копіяхъ все указы на имя Питирима по раскольниковымъ дѣламъ.

³⁾ Н. Н. Шимко, Патріаршій Казенный Приказъ... стр. 272.

Питиримъ скончался. Еще раньше, 8 сент. 1736 г., скончался Теофанъ Прокоповичъ. Смерть Питирима послужила ближайшимъ поводомъ снова начать дѣло объ отпискѣ синодальныхъ городовъ отъ Нижегородской епархіи. Духовенство Яропольчской десятины Владимірскаго уѣзда, числомъ 60 чел., поновскіе старосты Балахонской, Заузовской, Городецкой и Толоконцевой (г. Балахны съ уѣздомъ), выборные священники г. Арзамаса съ уѣздомъ — все, какъ по уговору, подали прошенія о принискѣ ихъ городовъ и уѣздовъ, по прежнему, къ Синодальной области. Яропольчское духовенство ссылалось на то, что ихъ церкви приписаны были къ Нижегородской епархіи по духовнымъ и раскольниковымъ дѣламъ „покамѣсть Его Пресвященство въ той епархіи пробудеть“, а „по смерти Питирима они не опредѣлены быть въ Нижегородской епархіи“. Кѣстати яропольчане просили назначить имъ управителемъ духовныхъ дѣлъ Вязниковскаго николаевскаго пона Дмитрія вмѣсто вдоваго протопопа Ивана Михайлова — пьяницы и обидчика. Правду ли они говорили — изъ дѣла не видно. Балахнинцы писали въ томъ же духѣ; арзамасцы указывали еще на то, что г. Арзамасъ несконн принадлежитъ къ Патріаршей области и отстоитъ слишкомъ далеко (200 вер.) отъ Н. Новгорода. Путь лежалъ чрезъ лѣса, болота, рѣки и былъ не безопасенъ отъ нападенія разбойниковъ.

Вмѣсто того, чтобы поскорѣе назначить преемника Питириму, въ Синодѣ пошли на уступки просителямъ. До обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла въ Правительствующемъ Синодѣ приказано (13 сент. 1738 г.) синодальнымъ городамъ и областямъ „быть въ вѣдомствѣ Нижегородской епархіи только по раскольниковымъ дѣламъ“ и „на разсмотрѣніемъ о благочиніи“, по безъ обидъ и взятокъ со стороны нижегородскихъ управителей. Ставленническое дѣло перешло въ вѣдѣніе Московской Дикастеріи. Около года Нижегородская епархія оставалась безъ своего архіерея. Только 24 февр. 1739 г. туда назначили епископа Іоанна.

Полузависимость синодальных городов от Нижегородского епархиального начальства, даже по „духовнымъ дѣламъ“, поставила въ затрудненіе преемника Питирима. Въ своемъ донесеніи св. Синоду отъ 9 окт. 1739 г. еписк. Іоаннъ приводилъ на справку, какъ во время подчиненія синодальныхъ городовъ Духовной Дикастеріи (1727 г. — 1730 г.) по ставленническимъ дѣламъ, „за послабленіемъ“ управителей и „маною“ священниковъ, болѣе 15,000 чел. изъ обратившихся раскольниковъ снова перешли въ расколъ. И теперь, послѣ того, какъ съ 13 сент. 1738 г. по-ставленіе во священники и церковный причтъ перешло въ непосредственное вѣдѣніе св. Синода, по избранію раскольниковъ и отдаленности начальства, во священники и причетники туда могутъ назначаться недостойные люди, даже изъ дѣтей отступниковъ; такое духовенство способно только укрывать расколъ, примѣры чему уже были. Преосвященный Іоаннъ просилъ сложить съ него всякую отвѣтственность за возможные послѣдствія отъ этого и „не быть въ отвѣтѣ за необъявленіе о томъ“.

Владыка былъ правъ. Своеволіе духовенства приписныхъ городовъ и областей переходило границы: многіе изъ священно-церковнослужителей совсѣмъ не слушались его распоряженій, дѣтей не отдавали въ латинскую школу, не представляли ихъ къ смотру, напротивъ, даже укрывали, благочинія не хранили, совершали неправильные браки, вѣдомостей въ Синодъ не представляли, съ вѣчныхъ памятей брали лишнее, потакали раскольникамъ и „прочія продерзости чинили“. Епископъ Іоаннъ откровенно заявлялъ, что онъ не въ состояніи исправить такой клиръ и производить разслѣдованіе о „противныхъ поступкахъ“ духовенства, къ тому же чувствовать себя не совсѣмъ здоровымъ. Въ виду сказаннаго, преосвященный рѣшился просить отнестись отъ Нижегородской епархіи синодальные города и изъять ихъ изъ его вѣдомства тамошнее духовенство и мірянъ судомъ, расправой, а также по раскольническимъ дѣламъ и благочинію. Непокойное духовенство, желавшее оставаться подальше отъ епархиального начальства, поддержало просьбу Іоанна.

19 авг. 1741 г. св. Синодъ постановилъ: „городамъ Балахиѣ, Юрьевцу Повольскому, Яропольцу, Гороховцу, Арзамасу, Вязниковской слободѣ съ уѣздами и Галицкому уѣзду по р. Унжѣ и Флорищевой пустыни всѣмъ духовными, раскольническими дѣлами, поставленіемъ священниковъ и причта церковнаго и всякими сборами быть въ вѣдѣніи Духовной Дикастеріи, т. е. Синодальной области. Для надзора за благочиніемъ духовенства по тѣмъ городамъ и для искорененія раскола Духовной Дикастеріи предписывалось опредѣлить „добродѣтельныхъ“ духовныхъ персонъ изъ настоятелей ближайшихъ монастырей, которые могли бы править это дѣло. Сама Дикастерія брала на себя обязанности высшей наблюдательницы и помощницы новому „чиноначалію“ съ правомъ штрафовать неисправныхъ.

Такъ, наконецъ, опредѣлилась епархиальная подвѣдомственность обширной церковной области, въ продолженіе 35-ти лѣтъ не знавшей епархиального постоянства. Въ четырехъ городахъ и шести ея уѣздахъ въ 1738 г. насчитывалось 468 церквей ¹⁾. Съ приписными синодальными церквями въ Нижегородской епархіи значилось 961 ц. Въ это число, вѣроятно, включены храмы 37 монастырей и 19 пустынь ²⁾.

При такомъ количествѣ церквей и монастырей, Нижегородская епархія становилась въ ряду самыхъ многочис-

¹⁾ А именно: въ г. Балахиѣ 16 ц., изъ нихъ 2 праздныхъ, въ уѣздѣ—57 ц., въ Юрьевцѣ Повольскомъ 15 ц., въ уѣздѣ 62 ц., въ Арзамасѣ—14 ц. въ уѣздѣ—186 ц., изъ нихъ праздныхъ—4; въ Гороховцѣ—3 ц., въ уѣздѣ—12 ц.; Владимірскаго уѣзда, Яропольской десятины—57 ц., изъ нихъ праздныхъ—2; Галицкаго уѣзда, Ветлужской волости—46 ц. По числу церквей переходная синодальная область почти равнялась коренной Нижегородской епархіи, имѣвшей 493 церкви, а именно: въ Нижнемъ-Новгородѣ 33 цер., въ уѣздѣ—263, въ томъ числѣ праздныхъ 10; въ Алатырѣ—7, въ уѣздѣ—129; изъ нихъ праздныхъ—5; въ Курмышѣ—4, въ его уѣздѣ—51, въ Илринѣ—4, въ уѣздѣ 2 цер.

²⁾ Арх. св. Сн. д. 1707—1742 г., № 80. Опис. Док. и Дѣл. Арх. св. Сн. X, № 352. Въ вѣдомостяхъ о родившихся, изданныхъ въ VI т. Опис. Док. и Дѣл. Арх. св. Сн., за 1738 г. въ Нижегородской епархіи показано 925 приходовъ, въ 1739 г.—931 прих., а въ 1740 г.—965 приходовъ.

ныхъ епархій. Ее превосходили только Синодальная область, Новгородская, Рязанская и Бѣлоградская епархія; съ отпиской синодальныхъ церквей она уступила еще восьми епархіямъ, становясь въ рядъ малолюдныхъ епархій¹⁾. Одно это могло служить для Питирима сильнымъ побужденіемъ просить о подчиненіи ему синодальныхъ городовъ и уѣздовъ. Помимо того, нельзя упускать изъ вниманія отъѣвной ревности Питирима по раскольниковымъ дѣламъ и ставленническимъ интересамъ. Слѣдственные дѣла также приносили доходъ епархіальной администраціи, не говоря о разныхъ акциденціяхъ. Послѣ 1738 г. все это поступило въ доходъ Синода и его администраціи....

Такимъ образомъ съ 1738 г. сѣверо-восточная граница Синодальной области опять дошла до самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ, опредѣлившихся еще въ 1672 г., при открытіи Нижегородской епархіи.

Къ 1738 году на западѣ въ Синодальной области образовалась новая Ивановская десятина съ 40 церквами, возвращенными отъ Кіевской митрополіи, получившая свое названіе отъ Ивановской волости²⁾. Этимъ и закончился территоріальный ростъ Синодальной области за время управленія ею Св. Синодомъ, при помощи Московской Дикастеріи. Синодальный Казенный Приказъ, вѣдавшій сборы съ церквей и духовенства бывшей Патріаршей области, былъ закрытъ въ 1740 году, почти наканунѣ распаденія ея вслѣдствіе открытія нѣсколькихъ самостоятельныхъ епархій въ предѣлахъ бывшей Патріаршей области.

¹⁾ Опис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Сина. V, Прил. Сина. (3—14). Нижегородскій уѣздъ въ 1740 г. раздѣлялся на пять пятинъ: Работинскую (19 селъ и 3 монастыря), Лысковскую (48 селъ, 3 монастыря и 2 пустыни), Тюрешевскую (12 селъ и одна пустынь), Павловскую (52 селъ и 2 монастыря), Катунскую (18 селъ и 2 монастыря); въ Алатовскомъ уѣздѣ — двѣ пятинны: Городекая пятинна (70 селъ, 3 монастыря и 4 пустыни), Порѣцковская пятинна (65 цер. и 1 пустынь). Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Сина. X, № 352, стр. 595—597. Тутъ названы нѣкоторыя села Нижегородской епархіи.

²⁾ И. И. Шамко. Казенный Патріаршій Приказъ, стр. 276.

Приписка отъ Воронежской епархіи г. Борисоглѣбска, къ южной территоріи Синодальной области имѣла за собой нѣкоторое основаніе въ прошломъ¹⁾, даже помимо желанія самихъ борисоглѣбцевъ. Остальное пространство по бассейну средняго Дона и по Дону, южнѣе Борисоглѣбска, осталось въ вѣдѣніи воронежскихъ епископовъ²⁾.

¹⁾ Мѣстность, гдѣ возникъ г. Борисоглѣбскъ съ уѣздомъ, еще до XVIII в. вѣдалась въ Саранской десятинѣ, т. е. Патріаршей области: въ 1706 г. борисоглѣбскія церкви, какъ извѣстно, переписаны были по распоряженію Монастырскаго Приказа, а деньги внесены въ Патр. Казенный Приказъ (Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи, вып. XXXV, статья М. Т. Попова).

²⁾ Какъ видно изъ окладной книги Воронежскаго архіерейскаго дома за 1724 г. Воронежскую епархію въ расписанныхъ предѣлахъ въ началѣ Синодальнаго періода составляли г. Воронежъ съ 17 городскими окладными церквами, изъ нихъ двѣ въ Акатовскомъ мужскомъ и 1—Покровская въ женскомъ монастырѣ, въ уѣздѣ—въ Усманскомъ стану—10 цер., въ Бориневскомъ 24 цер., въ Чертовицкомъ—8 цер., въ Корочунскомъ—13 цер., г. Костенскъ съ 2 цер., въ уѣздѣ 5 цер., Битюцкой волости—17 цер., г. Острогожскъ съ 7 цер., въ уѣздѣ—6 цер., Павловскій уѣздъ съ 6 цер., г. Коротоякъ съ 7 цер., изъ нихъ одна—Казанская—въ женскомъ мон., въ уѣздѣ 15 цер., изъ нихъ одна въ Лисогорскомъ мон., Урюевскій Острогожскъ—съ 2 цер., г. Землянскъ съ 2 цер., въ уѣздѣ—19 цер., Мокрый Боеракъ (волость) съ 5 цер., Бѣлоколѣдскій Острогожскъ—1 цер., въ уѣздѣ 3 цер., г. Усмань—4 цер., въ уѣздѣ—18 цер., Деминскій Острогожскъ—4 цер., г. Елецъ—городскихъ 7 цер., на посадѣ 11 цер., въ томъ числѣ одна Живоначалная Троица въ монастырѣ, въ уѣздѣ, въ Елецкомъ станѣ—15 цер., въ Воргольскомъ—11 цер., въ Бруслаевскомъ—27 цер., Талецкій Острогожскъ—12 цер., Засосенскій станъ—30 цер., одна изъ нихъ въ Задонскомъ монастырѣ, г. Бахмутъ—1 цер., городки Бѣлолуцкій—1 цер., Осиновскій—4 цер., Закотенскій—1 цер., Бѣленой съ уѣздомъ 7 цер., въ томъ числѣ двѣ церкви въ Старо и Ново-Айдарскихъ слободахъ. (Воронежская старина вып. II, стр. 22—45). Тутъ издана окладная приходная книга 1724 г. г. Воронежа дому Архіер. Казен. Приказа, въ которой названы всѣ города, села, слободы и дачныя церкви съ обозначеніемъ кому посвященъ храмъ. По Дону, въ казенныхъ городкахъ въ 1725 году были слѣдующіе монастыри: Донецкій, Медвѣдницкій, Мигулинскій и Кременскій, вошедшіе въ составъ Воронежской епархіи (Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Сина. V, № 230). См. специальное изслѣдованіе П. В. Никольскаго. Монашество на Дону. Воронежъ, 1907 г. (Воронежская Старина, вып. 6—7).

Къ перечисленнымъ (въ примѣчаніи) городамъ ся нужно прибавить крѣпость Новохоперскую и г. Черкасскъ, не внесенные въ окладную книгу, вѣроятно вслѣдствіе своеволия донскихъ казаковъ во главѣ съ атаманомъ, Василиемъ Фроловымъ, на что жаловался м. Пахомій ¹⁾).

Новые города Бахмутъ, на р. Бахмутъ, правомъ притока Дона, построенный въ качествѣ крѣпости въ 1703 г. близъ соляныхъ источниковъ, открытых во второй половинѣ XVII в. на р. Бахмутъ ²⁾, и городки по р. Айдару: Бѣлолуцкій, Осиновскій, Закотенскій и Бѣленный (Старая Бѣлая), основанные въ первой четверти XVIII в., въ значительной мѣрѣ колонизовали южные предѣлы Воронежской епархіи, пограничные съ Бѣлогородской въ бассейнахъ Донецкихъ притоковъ рр. Бахмута и Айдара. Г. Бахмутъ добровольно основали маячене и торяне, занявшіе мѣста, принадлежавшія Святогорскому монастырю. Колонизація р. Айдара была принудительной. Въ 1717 г. адмиралъ Апраксинъ строжайше предписалъ Острогорскому полковнику Тевяшеву перевести острогорскихъ казаковъ Кіевской губерніи (изъ Ливенъ, Старооскола, Корочи) и Воронежской (Талецкаго — Тальца, Землянска, Чернавска, Ендавища, Гвоздева, Перлевки) на рр. Тулучееву, Богучаръ, Айдаръ и др.; при переселеніи казаки должны были продать по вольной цѣнѣ свои земли и усадьбы. Невольное переселеніе не могло быстро и густо заселить новыя мѣста. Тѣмъ не менѣе послѣ строгаго приказа 1717 г. по р. Айдару постепенно образовались сотенные города: Старая Бѣлая, Закотное, Осиновка, и Бѣлолуцкъ, вошедшіе въ составъ Воронежской епархіи ³⁾.

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синод. II, ч. I, № 113.

²⁾ Проф. Д. И. Багалъй. Очерки изъ исторіи Колонизаціи I. стр. 546—547, ср. II. Семеновъ. Геогр. Словарь, I. стр. 221.

³⁾ Проф. Д. И. Багалъй. Очерки изъ исторіи колонизаціи, I. стр. 540—541. Проф. Багалъй, замѣтивъ объ указѣ адмирала Апраксина полковнику Тевяшеву, прибавляетъ: «этотъ указъ, повидимому, остался безъ исполненія до самаго 1732 г.» (стр. 540—541). Но, какъ видно изъ окладной книги Воронежскаго Архіер. Казен. Приказа

Русское правительство, настойчиво добиваясь выселенія черкасовъ изъ отдаленныхъ городовъ на Сѣверный Донецъ, старалось придвинуть населенныя границы Россіи къ югу и соединить ихъ съ г. Черкасскомъ, удержаннымъ за Россіей послѣ Азовскаго похода въ низовьяхъ р. Дона и принадлежавшимъ Воронежской епархіи ¹⁾. Въ 1731 году на лѣвомъ берегу р. Дона, почти противъ Черкаска, заложена крѣпость св. Анны для огражденія входа въ Донъ со стороны турецкихъ владѣній ²⁾. Оставалось еще немного двинуться къ югу и граница Россіи вставала при морѣ.

Война съ Турціей, начавшаяся съ 1735 года, была счастливейше Азовскихъ походовъ Петра. Въ мартѣ 1736 г. Русскія войска осадили Азовъ, а 19 іюня онъ былъ взятъ. По миру съ Турціей въ 1739 году Азовъ окончательно остался за Россіей, но подъ условіемъ срытія укрѣпленій. Окрестности Азова должны остаться пустыми и служить границей между Россіей и Турціей. Въ силу такого условія Россія не могла возстановить Таганрога, оставивъ море турецкимъ; зато она получила право построить крѣпость на Донскомъ островѣ—Черкасскѣ ³⁾.

Новыя мѣста полностью вошли въ составъ Воронежской епархіи еще до заключенія мира. 31-го мая 1737 г. епископъ воронежскій Іоакимъ писалъ св. Синоду, что въ его епархіи состоятъ казаки по р. Дону, Хопру и

за 1724 г., всѣ названные сотенные города Острогорскаго полка образовались до 1732 г.; слѣдовательно указъ Апраксина, если не сразу, но всетаки былъ исполненъ. Въ 1716 г. полковникъ Тевяшевъ выселилъ 2 сотни казаковъ изъ Корочи, Ливенъ, Талеца и др. на рр. Тулучееву и Богучаръ, правый притокъ р. Дона (Тамъ же, стр. 540).

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синод. II, ч. I, № 113, стр. 159.

²⁾ П. Семеновъ. Геогр. Словарь, IV, стр. 333. Крѣпость св. Анны построена собственно на одномъ низменномъ островѣ, образуемомъ р. Дономъ и притокомъ Аксаемъ; въ 1761 г. эта крѣпость была перенесена на мѣсто нынѣшняго Ростова и получила названіе крѣпости св. Димитрія Ростовскаго; съ теченіемъ времени около крѣпости образовался городъ—нынѣшній Ростовъ на Дону.

³⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. IV, т. XX, стр. 1335—1345, 1399.

Бузулуку до г. Черкаска; въ самомъ г. Черкасскѣ и другихъ сосѣднихъ городахъ духовенство и мірскіе люди вѣдаются въ его епархіи; нѣтъ по той же рѣкѣ Дону взять г. Азовъ. По близости къ крѣпости св. Анны и г. Черкасску (60 вер.) Азову естественнѣе всего быть въ Воронежской епархіи. Генераль аншефъ В. Я. Левашевъ, участвовавшій во взятіи Азова, прежде официальной приписки Азова къ Воронежской епархіи, уже требовалъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о немъ отъ Іоакима, а тотъ не зналъ, что дѣлать. Св. Синодъ безъ долгихъ разсужденій 8 июня, 1737 г. послалъ указъ воронежскому архіерею вѣдать г. Азовъ¹⁾. Такимъ образомъ государственная граница по миру 1739 г. въ окрестностяхъ Азова совпала въ епархіальной. Воронежская епархія, растянутая отъ верховьевъ Дона до его низовьевъ, представляла изъ себя уже очень обширную церковную область, но далеко не одинаково населенную. Количество церквей ея въ 1736 г. достигло 333, а число монастырей 20, изъ которыхъ 5 женскихъ. По окладной книгѣ 1724 г. въ Воронежской епархіи насчитывалось только 317 церквей, въ томъ числѣ нѣсколько монастырскихъ²⁾.

Постепенное переселеніе черкасовъ въ Придонской край, основаніе ими новыхъ сотенныхъ городовъ, неопредѣленность южной населенной границы, распредѣленіе сборовъ съ церковныхъ вотчинъ по губерніямъ до учрежденія Св. Синода продолжали служить причиной того, что въ Св. Синодѣ и Монастырскомъ Приказѣ не знали точныхъ границъ сосѣднихъ Бѣлгородской и Воронежской епархій, ошибаясь въ опредѣленіи состава даже старыхъ городовъ этихъ епархій. Въ 1723 г. Монастырскій Приказъ, разсылая формы о сборахъ съ вотчинъ синодальной команды, причислилъ къ Воронежской епархіи старинные города Бѣлгородской епархіи—Ольшанскъ, Усердъ и Верхососенскъ. Впрочемъ ошибочка Приказа скоро разъ-

¹⁾ Арх. Св. Син. Дѣло 1737 г. № 54.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Син. т. XVI. Приложенія XII; Воронежская Старина II, стр. 22—45.

яснилась³⁾. Нѣкоторые недоразумѣнія у Бѣлгородскаго владыки возникали на западныхъ границахъ изъ-за управленія восьмью украинскими крѣпостями, принадлежавшими къ Кіевской епархіи⁴⁾. Бѣлгородская (Бѣлоградская) епархія въ то время была одной изъ многочисленнѣйшихъ⁵⁾. Недоразумѣнія, возникшія у бѣлгородскихъ владыкъ съ кіевскими были слишкомъ незначительны, сравнительно съ тѣми, какія возникали на границахъ Воронежской и Астраханской епархій въ мѣстахъ, вновь заселенныхъ донскими казаками.

Въ до-Синодальный періодъ Астраханскій край, а съ нимъ Астраханская епархія представляли собой степной просторъ, почти безъ городовъ и селеній. Предложеніе губернатора Волынскаго въ 1719 г. построить нѣсколько сторожевыхъ городковъ близъ Астрахани не сразу было выполнено. Правительственная стратегическая колонизаціонная дѣятельность перешагнула южнѣе, за Астрахань. Еще въ 1711 или 1712 г. гребенскіе казаки, жившіе за Терекомъ и при устьѣ его праваго притока р. Сунжы, поселены были на берегахъ Терека казанскимъ

³⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Син. IV, № 74.

⁴⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Синод. (Царствованіе Елизаветы Петровны), т. I, №№ 78, 145 и 437.

⁵⁾ Въ 1735 г. въ ней, кромѣ кафедральнаго города—Бѣлгорода, состояли города: Курскъ, Обоинъ, Салтовъ, Харьковъ, Ахтырка, Изюмъ, Верхососенскъ, Короча, Яблоновъ, Лебединъ, Нежегольская слобода, Бакуйки, Богодуховскаго вѣдомства г. Мурафа, Красный Кутъ, Старый Осколь, Новый Осколь, Зміевъ, Чугуевъ, Боромля, Краснополье, Межиричъ, Сумы, Суджа, Миртолы, Хотмыжскъ, Карповъ, Вольный съ слободой Грайворонъ. (Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Син. XV, № 24 и приложеніе къ нему V, стр. 642). Тутъ названы всѣ духовные правители Бѣлоградской епархіи и мѣста ихъ жительства. Кстати замѣтить, что къ этому времени новыя слободы, населенныя черкасами, обложены были данью въ кафедральную казну, такъ какъ въ старыхъ русскихъ и черкасскихъ городахъ съ уѣздами наблюдалась убыль прихожанъ. Съ убылыхъ пришлось убавить, а новыя приходы, пользовавшіеся льготой, обложить данью (Опис. Док. и Д. Арх. Св. Син. I, № 624).

и астраханскимъ губернаторомъ П. А. Апраксинымъ въ 5 станицахъ: Старогладковской, Каргалинской, Курдюковской и Червленной. Но это не было колонизаціею южной окраины Астраханской епархіи, а только передвиженіемъ населенія съ мѣста на мѣсто въ бассейнъ р. Терекъ на протяженіи 80 верстъ, но, такъ называемой. Терской кардонной линіи, изъ которой впоследствии развернулась отъ моря до моря Кавказская линія. Въ 1716 г. осенью, по указанію князя Довлатъ-Гирея, въ крещеніи Александра Бековичъ—Черкаскаго, заложены были крѣпости по Трухменскому берегу Каспійскаго моря въ урочищахъ Балканъ, Тюркъ-Караганъ и Красныя Воды, по направленію къ устью р. Янка ¹⁾.

Петръ Алексѣевичъ Апраксинъ, перенесшій свою дѣятельность послѣ неудачи подъ Азовомъ къ Каспійскому морю, является первымъ основателемъ Терской кардонной линіи, которая однако не оживила южныхъ предѣловъ Астраханскаго края. Она только ослабила частыя нападенія кубанскихъ татаръ. Ареной политической, от-

¹⁾ Н. Понко. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Историческій очеркъ, вып. I, Сиб. 1880 г. стр. 95—98; Гр. Михайловскій „Матеріалы для исторіи Кавказской епархіи“. Кавказск. Епарх. Вѣд. 1880 г. № 7, стр. 234. Прот. Іоаннъ Саввинскій (Астраханская епархія, I, стр. 135) устройство терскихъ гребенскихъ городковъ почему-то относитъ ко времени персидскихъ походовъ, а самое появленіе казачьихъ городковъ представляетъ нѣсколько иначе. „По р. Терекъ, пишетъ о. Саввинскій, адмираломъ (?) Апраксинымъ разселены были казаки, которые устрояютъ цѣлый рядъ крѣпостей въ гребняхъ, т. е. въ высокихъ горахъ, почему и получили наименованіе гребенскихъ казаковъ. Городки Курдюковъ, Гладскій, Щедринъ и Червленный вмѣстѣ съ крѣпостью св. Креста составили изъ себя прочную ограду отъ нападенія враговъ съ Персидской стороны. Къ этимъ городкамъ скорѣ присоединилось нѣсколько новыхъ, населенныхъ семейными аграханскими казаками по р. Аграханъ (гг. Касьминскій, Бородинскій, Дубовскій и Каргалинскій)“. Очевидно о. Саввинскій смѣшиваетъ двухъ Апраксиныхъ: Петра Алексѣевича, бывшаго казанскаго и астраханскаго губернатора, ходившаго въ 1711 г. противъ кубанскихъ татаръ, съ адмираломъ Феод. Матв. Апраксинымъ, участникомъ персидскихъ походовъ (С. М. Соловьевъ. Ист. Рос. IV. XVIII, стр. 661—662, ср. стр. 674, 679).

части и колонизаторской, дѣятельности эта мѣстность сдѣлалась главнымъ образомъ со времени Персидскихъ походовъ Петра Великаго.

Лѣтомъ 1722 г. самъ Петръ былъ въ Астрахани, отправившись 3 мая изъ Москвы въ Персидскій походъ: 16 авг. русское войско уже шло къ Дербенту.... Побѣды Петра въ Персіи шли быстро, а московскіе сенаторы по этому случаю радостно шли за здоровье императора, вступившаго на стези Александра Великаго. Дальше Дербента Петръ пока не пошелъ, занявшись разработкой плана своихъ дальнѣйшихъ походовъ. По пути изъ Дербента въ Астрахань царь на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграханъ отдѣляется отъ р. Сулака, заложилъ новую крѣпость *Св. Креста* (Ставрополь-Кавказскій). Эта крѣпость должна была прикрывать русскія границы вмѣсто прежней крѣпости, положеніе которой Петръ нашелъ очень неудобнымъ. Возвратившись въ Астрахань, царь 6-го ноября отправилъ войско для развѣдокъ въ Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ чрезъ приморскій городъ Рящъ. Лѣтомъ 1723 г. русскія войска уже взяли г. Баку. 17 сент. 1723 г. самъ Петръ писалъ персидскимъ героямъ: „поздравляю со всѣми провинціями по берегу Каспійскаго моря лежащими, понеже посоль персидскій оныя уступилъ“. Договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 12 сент. 1723 г., по которому Россіи въ вѣчное владѣніе уступлены были города Дербентъ и Баку со всѣми населенными пунктами, принадлежавшими къ нимъ, и землями, лежащими по Каспійскому морю, а также провинціи Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ. Лѣтомъ 1724 г. началось укрѣпленіе вновь завоеванныхъ мѣстъ. Но названныя провинціи были уступлены только въ Петербургѣ. На дѣлѣ оказалось, что прикаспійскія области были присоединены къ Россіи не только не вѣчно, но даже слишкомъ не прочно. По смерти Петра, въ апрѣлѣ 1725 г., Сенатъ постановилъ завоеваніе Мазандерани и Астрабада до времени отложить и укрѣпить русское вліяніе только въ Гиляни. Рѣка Кура должна была сдѣлаться опорнымъ пунктомъ для русскихъ. Счастье русскимъ измѣнилось; ихъ стали тѣснить къ г.

Баку и Дербенту... Персидскія войны осложнились натянутыми отношениями къ Турціи... Русское правительство, желая склонить на свою сторону Персію, вынуждено было въ мартѣ 1725 г. уступить обратно Персіи провинціи: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ¹⁾.

Самый бѣглый обзоръ завоеваній Петра въ Прикаспійскихъ областяхъ достаточно показываетъ, какъ быстро шли тамъ политическіе успѣхи Россіи. Но этимъ политическимъ успѣхамъ далеко не соответствовали успѣхи Русской церкви на границахъ Астраханской епархіи. Тутъ серьезно не заходило рѣчи о новой епархіи, какъ то было во время Азовскихъ походовъ и при завоеваніи прибалтійскихъ областей, если не имѣть въ виду слишкомъ неопредѣленнаго намека, сдѣланнаго Петромъ астраханскому губернатору Волынскому. Когда Волынкій, послѣ неуспѣшныхъ дѣйствій въ Персіи, возвратился въ Россію (1719 г.) и былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ, 22 марта 1720 г. Петръ писалъ ему:—во 1-хъ—для успѣховъ въ Персіи необходимо склонить на русскую сторону грузинскаго принца, во 2-хъ—*архіерея, для великихъ тѣхъ случаевъ, чтобы посвятить донскаго архимандрита*“. Далѣе въ письмѣ идетъ рѣчь о необходимости тайныхъ развѣдокъ въ Персіи. Очевидно у Петра промелькнула мысль объ архіерее въ персидскихъ провинціяхъ, на которыя рассчитывать Царь. Впоследствии эта мысль ограничилась только измѣненіемъ титула астраханскаго владыки. О распространеніи православія въ Прикаспійскихъ областяхъ Петръ не думалъ, напрасно понадеявшись на христіанъ инородцевъ²⁾.

23-го іюня 1723 г. астраханскій епископъ Іоакимъ, по волю Петра, былъ переведенъ въ повгородскіе викаріи.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, IV, т. XVIII, стр. 674—684; т. XIX, стр. 945—947.

²⁾ Тамъ же, т. XVIII, стр. 667, 684—686. Петръ, по словамъ С. М. Соловьева лучшимъ средствомъ для закрѣпленія занятыхъ провинцій за Россіей считалъ усиленіе въ нихъ христіанскаго населенія и уменьшеніе магометанскаго и прямо указывалъ на армянъ, какъ посредниковъ, представителя которыхъ Израиль Орія Царь давно зналъ.

На его мѣсто 8-го сент. того же года назначенъ архимандритъ Воскресенскаго, что на Истрѣ, монастыря Лаврентій (Горка). Ему велѣно именоваться вмѣсто Астраханскій и Терскій“, „Астраханскій и Ставропольскій“¹⁾.

Новопостроенная крѣпость Св. Креста, или Ставрополь, внесенная въ титулъ астраханскихъ владыкъ, отодвинула южную границу ихъ епархіи по побережью Каспійскаго моря до р. Сулака. Съ излучины р. Сулака граница шла на р. Терекъ и рѣкой Терекомъ къ верховьямъ р. Кумы. Болѣе южные города Дербентъ, Баку, а также области Гилянъ и Мазандеранъ и Астрабадъ, даже временно не входили въ территорію Астраханской епархіи, съ одной стороны, потому, что это были военные пункты безъ постоянныхъ русскихъ православныхъ храмовъ, съ другой—потому, что они слишкомъ не долго оставались за Россіей; кромѣ того, самъ Петръ позволилъ господствовать тамъ грузинамъ и армянамъ, конечно, по чисто политическимъ расчетамъ.

Во время войны и послѣ нея въ военныхъ городахъ и поселеніяхъ всецѣло командовали полковые командиры, не считаясь съ властью астраханскаго владыки даже въ его епархіи. Во время Персидскихъ походовъ изъ Астрахани взято 8 приходскихъ священниковъ за море въ полки и завоеванные города—Дербентъ, на Сулакъ, въ Зинзидію и Гилянъ; ни одинъ изъ нихъ послѣ войны не возвратился въ Астраханскую епархію, а двое еще до войны утонули на разбитомъ кораблѣ. Мало того, по словамъ епископа Лаврентія, въ 1725 г. господа бригады,—Шереметьевъ и Левашевъ,—не смотря на то, что онъ, Лаврентій, „не надъ арміей учрежденъ“, требовали отъ него священниковъ въ Гилянъ, гдѣ ихъ было уже 6 человекъ, и въ нныя мѣста, главное не по нуждѣ, а болѣе „для своихъ прихотей“; нѣкоторыхъ священниковъ бригады „принуждали жить при себѣ безъ жалованья“ и при полкахъ, гдѣ не было даже походныхъ церквей. Между тѣмъ въ самой Астраханской епархіи церкви оставались безъ свя-

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода, III, № 469.

щенниковъ. Изъ дѣла видно, что военное духовенство и военные города на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, получая духовенство изъ Астраханской епархіи, были подчинены не астраханскому владыкѣ, а Военной Коллегіи. По жалобѣ Лаврентія, Военная Коллегія въ ноябрѣ 1726 г. рѣшила отправить въ „низовый корпусъ“ на замѣну астраханскихъ священниковъ 8 „кресцовыхъ поповъ“ изъ Москвы¹⁾.

Подобныя непріятности только усиливали недовольство астраханскаго владыки своей епархіей. Для Лаврентія, бывшаго архимандрита богатаго монастыря, товарища по академіи и друга знаменитаго Феофана Прокоповича, Астраханская епархія также не могла представлять большого интереса по малочисленности церквей. Мы не сомнѣваемся, что ученый малороссъ попалъ въ Астрахань изъ за политики Петра и еще потому, что имѣлъ счастье, а вѣрнѣе несчастье, сопутствовать Петру въ Персидскомъ походѣ²⁾. Поэтому Лаврентій, не выѣзжая изъ Москвы, пытался увеличить число церквей въ своей епархіи на счетъ сосѣдней Казанской. Пользуясь отъѣздомъ Св. Синода изъ Москвы въ Петербургъ, епископъ Лаврентій просилъ отпустить его въ Астрахань, а вмѣстѣ приписать къ его епархіи, за малочисленностью церквей и неимѣніемъ вотчинъ, церкви симбирскаго уѣзда, находившіяся въ Астраханской губерніи. Св. Синодъ 4-го іюня 1724 г. отпустилъ просителя во ввѣренную ему епархію, но о припискѣ церквей умолчалъ³⁾, вѣроятно потому, чтобы другимъ

¹⁾ Тамъ же, V, № 156. Преемникъ Варлаама преосв. Иларіонъ, по просьбѣ консула Арапова соорудилъ даже собственнымъ коштомъ походную полотняную церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы и переслалъ ее къ Арапову въ Персію со всѣми принадлежностями. Эта церковь при смѣнѣ или смерти консуловъ возвращалась астраханскому епископу, а при назначеніи новаго выдавалась ему въ проѣздъ чрезъ Астрахань. Въ 1737 г. по указу Св. Синода изъ Астрахани были посланы священники въ Персію, Испагань, Гилянъ (Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія, I, стр. 146).

²⁾ Платонъ (Любарскій) „Іерархія Астрах. епархіи“ стр. 215—216. Въ Сборникѣ Древностей Казан. епархіи, изд. 1868 г.

³⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Син. IV, № 289.

было неповадно. Надо полагать, что епископа Лаврентія сильно смущалъ указъ Петра, посланный имъ въ Св. Синодъ изъ Астрахани 13 іюля 1722 г. о томъ, чтобы тамъ, гдѣ раньше не было церквей или гдѣ жители не въ состояніи были содержать храма и причта, не строить новыхъ церквей. По смыслу указа въ лишнихъ церквахъ и множествѣ поповъ заключалось только небреженіе къ славѣ Божіей¹⁾. Изъ того, что такой указъ былъ посланъ изъ Астрахани, можно заключать, что Петръ на мѣстѣ убѣдился въ ненужности храмовъ въ бѣдномъ и малочисленномъ Астраханскомъ краѣ.

Но какъ только епископъ Лаврентій „самолічно“ прибылъ на мѣсто служенія, такъ сразу долженъ былъ убѣдиться, что указъ Петра слишкомъ строгъ и не вполне примѣнимъ даже къ Астраханской епархіи. Поны и жители слободъ Дубовки, Тишины и Терсы, поселенные по указу Петра, встрѣтили епископа Лаврентія съ просьбами о постройкѣ у нихъ новыхъ храмовъ, ссылаясь на дальность разстоянія ихъ отъ городовъ и селъ съ храмами — до ставрополя; содержать храмы и причты они были въ состояніи. Донося объ этомъ Св. Синоду, епископъ Лаврентій (26 окт. 1724 г.) прибавлялъ, что во вновь построенной крѣпости Ставрополь и др. крѣпостяхъ и новозавоеванныхъ городахъ также нѣтъ церквей, между тѣмъ тамошніе жители желаютъ построить церкви, о чемъ „стужали“ ему, епископу. Св. Синодъ позволилъ астраханскому епископу разрѣшать строить церкви, но лишь тамъ, гдѣ, по освидѣтельствованію архіереемъ, „купно“ съ губернаторомъ Волынскимъ, онѣ окажутся необходимыми и будетъ возможность ихъ содержать²⁾. Послѣ строгаго наказа Петра едва ли много построено церквей въ „новофундованныхъ“ крѣпостяхъ, помимо Ставрополя, развившагося, главнымъ образомъ, на счетъ г. Терска, упраздненнаго и превращеннаго (7 окт. 1726 г.) въ маленькій редутъ съ нѣсколькими сол-

¹⁾ Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. II, № 868.

²⁾ Пол. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. IV, № 1417.

датами. Всѣ его жители были переведены въ крѣпость Ставрополь ¹⁾, которая тоже не удержалась за Россіей. Вынеся осаду горцевъ еще въ 1725 года, она, по договору 1735 года, вмѣстѣ съ Дербентомъ и Баку, отдана Персіи ²⁾. Однако и послѣ уступки Ставрополя астраханскіе владыки впредь до 1799 г. именовались „и ставропольскіе“ ³⁾.

Въ Дербентѣ, съ разрѣшенія Св. Синода, отъ 28 апрѣля 1726 г., по просьбѣ грузинской принцессы, жены принца Вахтанга, для грузинскаго архіерея Іоанна съ его штатомъ построена вмѣсто церкви „цѣлительная мазанка во имя великомученицы Екатерины“. Пристроившись около „мазанки“, Іоаннъ, архіепископъ магнелскій, какъ онъ самъ себя называлъ, началъ строить каменную церковь и просить у Св. Синода церковной утвари. Не успѣвъ онъ построить каменной церкви въ Дербентѣ, какъ русскіе войска выступили изъ Персіи послѣ мира 1735 г. Оставшись безъ русскаго покровительства, онъ долженъ былъ переселиться въ Кизляръ, возникшій въ 1735 г. взаимѣнъ смытаго водою г. Терска и уступленнаго Персіи Ставрополя.

Кизляръ нѣсколько лѣтъ, служилъ опорнымъ пунктомъ русской военной линіи. Цѣлый горизонтъ былъ пере-

¹⁾ Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія, I, стр. 128.

²⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи. IV, т. XIX, стр. 945; т. XX, стр. 1333.

³⁾ Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XXV, стр. 819. Въ Россіи три города съ именемъ Ставрополя: самый старѣйшій это бывшій на р. Сулакѣ—крѣпость св. Креста, или Ставрополь, входившій въ титулъ Астраханскихъ владыкъ и основанный Петромъ въ 1722 г.; крѣпость названа такъ въ воспоминаніе древняго греческаго города Ставрополя, бывшаго нѣкогда на берегу Каспійскаго моря, не далеко отъ Аграханскаго мыса. Часть материка между Сулакомъ и Аграханомъ къ Каспійскому морю у татаръ и нынѣ называется „Хуче“, т. е. крестъ. Послѣ возвращенія персамъ русскій Ставрополь разрушенъ. Второй Ставрополь уѣздный городъ Самарской губерніи, основанный въ 1738 г. для жительства крещеныхъ калмыковъ, и третій—Ставрополь (нынѣ губернский), основанный около 1776 года (Платонъ Любарскій. Сборникъ древностей... стр. 216; П. Семеновъ. Географическій словарь, IV, стр. 716; 719).

веденъ изъ Ставрополя въ Кизляръ ¹⁾. Одновременно туда была перенесена ветхая деревянная церковь во имя Воздвиженія Св. Креста. Тогда же по волѣ Анны Іоанновны началась постройка кизлярскаго собора. Митр. Іоаннъ, переселившись въ Кизляръ, не долго, но сильно бѣдствовалъ. Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Астрахань ²⁾, давно сдѣлавшуюся пріютомъ для грузинскихъ архіереевъ, отъ которыхъ епископъ Лаврентій испыталъ много несприятностей ³⁾. Неприятности съ грузинами и военными бригадами, осложнившія дѣло о несвоевременной присягѣ Лаврентія Екатеринѣ I и безотчетной тратѣ казенныхъ

¹⁾ И. Понко. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Вып. I. Спб. 1830 г., стр. 102—103.

²⁾ Онис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Синода, V, № 323. Кавказ. Епарх. Вѣдомости 1880 г., стр. 236.

³⁾ Онис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Синода, V, № 157. 8 ноября 1724 г. съ принцемъ грузинскимъ прибыло въ Астрахань шесть архіереевъ: Христофоръ, архіепископъ сантавракскій, Павелъ, митрополитъ тифлисскій, Николосъ, епископъ русинскій, Арсеній, епископъ митлиселскій, епископъ Іона и Николай, епископъ сурбиселскій: съ ними пріѣхало много архимандритовъ, іеромонаховъ, священниковъ, дьяконовъ, иѣвчихъ и т. п. Грузинское духовенство, зная политику Петра, почувствовало себя весьма свободно. Имъ назначена была для служенія одна церковь, въ которой грузинскіе владыки стали злоупотреблять русскими порядками, поставивъ за одной обѣдней двухъ іеродиаконовъ въ іеромонахи и архимандриты, чтобы скорѣе получить полагаемое на нихъ Государство жалованье; затѣмъ архіереи стали просить, чтобы каждому изъ нихъ дана была въ Астрахани для служенія особая церковь: съ такой просьбой они прислали къ епископу Лаврентію епископа Іону, „который выговоромъ и шумомъ требовалъ этого“. Но тогда грузины завладѣли уже тремя церквами въ дѣвичьемъ монастырѣ: если имъ отдать требуемыя шесть церквей, то для богослуженія у самихъ русскихъ останется только три астраханскія церкви. Четыре церкви „за оскуднѣніемъ“ совсѣмъ запустѣли и въ нихъ никто не хотѣлъ святиться. Вѣроятно ихъ не просили сами грузины. Св. Синодъ, не безъ вліянія свѣтской власти, по смерти Петра старался ладить съ грузинами: онъ позволилъ грузинамъ въ Астрахани безпримѣрно служить во всѣхъ церквахъ, священникамъ разрѣшалось дѣйствовать по своимъ обычаямъ при совершеніи церковныхъ обрядовъ для своихъ грузинъ, только въ епархіальныя дѣла, касавшіяся до астраханскаго епископа, имъ не велѣно вмѣшиваться.

суммъ на разныя постройки и пріобрѣтенія¹⁾, были причиною того, что въ августѣ 1726 г. Лаврентій (Горка) былъ вызванъ въ Петербургъ, откуда скоро отправился, по назначенію, въ Устюжскую епархію, перекочевавъ такимъ образомъ съ юга на сѣверъ.

На мѣсто Лаврентія въ маѣ 1727 г. (по Строеву въ сентябрѣ) назначенъ Варлаамъ (Теницкій), переведенный черезъ три года (7 іюня 1730 г.) въ Переяславль—Кіевскій. При такомъ непостоянствѣ архіереевъ въ окраинной полуинородческой епархіи нельзя было ожидать успѣха миссіи, которая могла бы увеличить число христіанскаго населенія и храмовъ Астраханской епархіи. Усиленное, на первыхъ порахъ, христіанское движеніе среди калмыковъ, въ концѣ, не имѣло ожидаемыхъ результатовъ.

Калмыки прикочевали къ границамъ Астраханской епархіи еще въ 1630 г., слѣдовательно вскорѣ послѣ открытія епархіи. Поселившись въ низовьяхъ между рѣкой Эмбой и Волгой, они только въ 1665 г. присягнули русскому правительству. Калмыцкіе владѣльцы послѣдующими присяжными записями (1673, 1677 и 1683 гг.) отказывались отъ права владѣть крещеными калмыками. Такъ какъ принятіе христіанства сопровождалось дарованіемъ различныхъ льготъ, то находилось достаточно калмыковъ, желающихъ креститься. Около 1700 г. на р. Терешкѣ, впадающей въ Волгу, выше Саратова, существовало уже

¹⁾ Еписк. Лаврентій, вступивъ на Астраханскую кафедру, началъ производить разныя каменныя постройки, въ томъ числѣ каменную колокольню 11 сажень вышины, пріобрѣлъ колоколь въ 600 пуд., а для себя двѣ архіерейскія шапки (митры) воскресную и панихидную по 500 руб., къ нимъ прикушил на свои келейныя деньги жемчугу, камешковъ и золотыхъ штучекъ на 204 руб. 46 коп., на архіерейскихъ кельяхъ сдѣлана надстройка 13 саж. длины и 8 саж. шир. и т. п. Когда возникло дѣло изъ-за несвоевременной присяги Лаврентія Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ 1725 г., то возбуждено было дѣло и о расходахъ домовою казны, въ которыхъ Лаврентій не отдалъ отчета управителямъ архіерейскаго дома, будучи переведенъ (7 сент. 1727 г.) въ Устюгъ (Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода V. № 35). Видимо, Лаврентій (Горка) любилъ великолѣпіе, а епархіа была не богата.

особое селеніе новокрещенныхъ калмыковъ, разрушенное ханомъ Аюкой. Въ первой четверти XVIII в. случаи крещенія калмыковъ участились. Этому много содѣйствовалъ Петръ Великій, дважды побывавшій въ Астрахани въ 1724 г. Преобразователь понялъ, что христіанство можетъ закрѣпить ихъ за Русью. Вниманіе Петра къ калмыкамъ дало возможность приступить къ болѣе или менѣе систематической миссіи среди астраханскихъ калмыковъ. Петръ распорядился склонять владѣльцевъ и калмыцкихъ законниковъ въ христіанство ученіемъ и дачею съ переводомъ на ихъ языки нужныхъ книгъ. Распоряженіе Петра состоялось по случаю крещенія внука Аюки, царевича Чакдоръ-Джаба (Бакадай Дорджи Тайшинъ-Дайчинъ), въ крещеніи названнаго Петромъ Тайшею. Воспріемникомъ его былъ самъ Петръ¹⁾. Царевичу Петру Тайшѣ при отпращиваніи его изъ Петербурга пожалована была походная полотняная церковь, освященная 17 февр. 1725 г. во имя Обновленія храма Воскресенія Христова (13 сент.) со всей церковною утварью, одеждами и книгами. Для совершенія богослуженія и въ миссіонерскихъ цѣляхъ къ нему прикомандировали іеромонаха Никодима (Линкевича) съ тремя учениками Московской славяно-латинской Академіи съ особой инструкціей²⁾. Въ числѣ послѣднихъ былъ Андрей Чубовскій, впослѣдствіи протоіерей и замѣчательный дѣятель среди калмыковъ († 1780 г.). Весь штатъ миссіи поселился на кочевьѣ, принадлежавшемъ Тайшѣ и находившемся близъ Царицына. Петръ Тайша оказался плохимъ христіаниномъ и сообщался больше съ своими попами, нежели съ православными. Вслѣдствіе междоусобій, заведенныхъ Тайшей, царевичъ взятъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался въ 1730 г. Жена его, крещенная съ именемъ Анны, была возведена въ княжеское достоинство; калмыки поручены были ей въдѣлню.

¹⁾ М. Чернавскій. Оренбургская епархія I. Оренбургъ. 1900, стр. 135—137. Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія. I, стр. 113, 226—227.

²⁾ Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. IV, №№ 1407, 1413, 1429, 1439, 1449, V, №№ 1470—1472.

Вскорѣ по принятіи крещенія и возвращенія въ калмыцкія степи еще Петръ Тайша просилъ императрицу Екатерину разрѣшить построить для его жительства городокъ *близъ Астрахани*, а въ немъ храмъ для моленія и „ради пользы и умноженія святаго церкви“. Въ противномъ случаѣ, писалъ Петръ Тайша „вѣра наша, то есть христіанская, будетъ въ ослабленіи“... При этомъ онъ считъ нужнымъ прибавить, что всѣ калмыцкіе владѣльцы и прочій народъ ненавидятъ ихъ за то, что они крестились ¹⁾. Но у русскаго правительства составилъ нѣсколько иной планъ: оно рѣшилось обособить крещеныхъ калмыковъ отъ ихъ языческихъ соплеменниковъ и построить городъ не близъ Астрахани, какъ просилъ покойный Тайша, а по близости къ кореннымъ русскимъ селеніямъ. По указу Коллегіи Иностраннымъ дѣлъ, отъ 31 окт. 1737 г., въ 1738 г. была построена Ставропольская крѣпость, гдѣ нынѣ г. Ставрополь (Самарскій) на сѣверной излучинѣ р. Волги. Въ сентябрѣ 1738 г. сюда прибыла вдова Тайши, княгиня Анна, съ нею 2104 души крещеныхъ калмыковъ и весь штатъ калмыцкой миссіи. Съ этого времени Ставрополь дѣлается главнымъ центромъ калмыцкой миссіи. Такимъ удаленіемъ центра калмыцкой миссіи отъ кочевьевъ калмыковъ объясняютъ ничтожность успѣха самой миссіи среди астраханскихъ инородцевъ ²⁾. Къ этому нужно прибавить еще и то, что калмыцкая миссія, открывшаяся въ предѣлахъ Астраханской епархіи, при неостоянствѣ тамошнихъ архіереевъ въ началѣ XVIII вв., передана была въ вѣдѣніе казанскихъ владыкъ, у которыхъ и безъ того было много дѣла съ своими инородцами ³⁾. Но иначе не могло быть. Ставропольская крѣпость, гдѣ въ 1739 году былъ заложенъ каменный пятиглавый храмъ во имя Св. Троицы, построена въ предѣлахъ Казанской епархіи. Четыре другія церкви, сооруженныя на казенный счетъ

¹⁾ Опис. Док. и Д. Арх. Св. Синод. VI, № 251; Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. V, № 1445.

²⁾ Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія... I, стр. 232.

³⁾ Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. V, № 1846.

въ калмыцкихъ слободахъ, вмѣстѣ съ Ставрополемъ, также поступили въ вѣдомство Казанской епархіи. Правда, ставропольскіе миссіонеры разъѣзжали по отдаленнымъ калмыцкимъ улусамъ и обращали въ христіанство, но всѣ просвѣщенные и крещеные ими калмыки переводились въ Ставропольское вѣдомство и селились близъ Ставрополя. По рапорту Ставропольской канцеляріи въ 1754 г. крещеныхъ калмыковъ мужскаго и женскаго пола насчитывалось 8635 душъ ¹⁾. Такимъ образомъ, какъ въ началѣ такъ и впоследствии калмыцкая миссія нѣсколько не сказала на увеличеніи числа христіанскаго населенія и храмовъ въ Астраханской епархіи и не сдѣлала Астраханской епархіи завидной для тогдашнихъ архіереевъ при тягловомъ отношеніи духовенства и приходовъ къ мѣстной епархіи.

Поэтому воплотивъ понятіе постунокъ намѣченнаго въ Астрахань на мѣсто Варлаама извѣстнаго воронежскаго епископа Льва (Юрлова). Прочитавъ указъ о своемъ назначеніи и узнавъ, что Астраханская епархія состоитъ въ четвертой степени, онъ отвѣтилъ: „благодарствую Ея Императорское Величество“, (по нынѣшнему „покорно благодарю“), затѣмъ отказался отъ назначенія. За свой откровенный, не безъ проноса отвѣтъ, онъ попалъ прямо въ Угрюмскій монастырь вмѣсто того, чтобы заплатить штрафъ въ 100 рублей ²⁾.

Составъ Астраханской епархіи остался почти безъ измѣненія: въ нее входили прежніе города—Астрахань, Саратовъ, Царицынъ, Дмитріевскъ (Камышинъ), Черный Яръ, Янкъ (Гурьевъ), Терскъ и Ставрополь (Кавказскій), внесенный въ окладныя и неокладныя книги Астраханскаго архіерейскаго дома съ 30 июля 1725 года ³⁾. Число окладныхъ церквей оставалось также весьма ограниченнымъ. Въ 1730 году, какъ и раньше, ихъ значилось только 26;

¹⁾ Опис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Синод. X, № 354; И. Чернавскій. Оренбургская епархія... I, стр. 139—140; Самарскія Епарх. Вѣд. 1882 г., стр. 66; 76—78.

²⁾ Опис. Док. и Дѣл. Арх. Св. Синод. X, № 241.

³⁾ Тамъ же V, № 35, стр. 84.

въ 1738 году число астраханскихъ приходовъ возросло до 36, а въ 1741 г. ихъ насчитывалось 41 ¹⁾. Увеличеніе числа приходовъ и храмовъ Астраханской епархіи объясняется principally къ ней *Вольскаго казачьяго войска*, поселеннаго близъ Волги.

Нижнее Поволжье въ предѣлахъ Астраханской епархіи до начала второй четверти XVIII в. оставалось мало населеннымъ. Русское населеніе оказывалось самымъ незначительнымъ; помимо того оно было слишкомъ ненадежнымъ для укрѣпленія русской государственности. Тутъ селились высланные изъ внутреннихъ губерній: къ нимъ присоединились добровольцы-бродяги, часто укрывавшіеся отъ преслѣдованія правительства. Сводное русское населеніе смѣшивалось съ инородческимъ—татарами, калмыками, киргизами и т. п. Нѣкоторые изъ послѣднихъ принимали христіанство. Но все это православное населеніе оказывалось ненадежнымъ, чтобы охранять предѣлы Россіи и даже своевольнымъ. Поэтому правительство Анны Іоанновны въ видахъ защиты русскихъ границъ отъ калмыцкихъ и ногайскихъ набѣговъ, съ другой стороны, для усиленія русской народности на окраинѣ, приступило къ переселенію донскихъ казаковъ къ берегамъ Волги, изъ которыхъ подъ начальствомъ донскаго атамана Макара Перендскаго образовалось, такъ называемое, „Вольское“ (Волжское) казачье войско, долго несшее кордонную службу по Царицынской линіи.

Въ 1735 году по именному указу 1057 семействъ донскихъ казаковъ, преимущественно изъ Воронежской епархіи, переселено на Волгу, гдѣ была слободка Дубовка, а также на р. Балыклею и въ другія удобныя мѣста по р. Волгѣ между Царицыномъ и Камышиномъ. Переведенные казаки—донцы основали 6 станицъ: Дубовскую, Средне-Волжскую, Балыклею, Караванную и Антиповскую.

¹⁾ Тамъ же т. II, ч. I, № 116, т. X, № 499; т. VI, приложение II, стр. 6—7. Тутъ см. Вѣдомость о числѣ приходовъ во всѣхъ тогдашнихъ епархіяхъ за 1736—1745 гг., стр. 1—15, а также статистику о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ за эти годы.

Въ четырехъ слободахъ тогда же были построены церкви, а священники къ нимъ вмѣстѣ съ переселенцами переведены съ Дона изъ Синодальной области ¹⁾. Назначеніе священниковъ изъ Синодальной области въ казачьи городки послужило началомъ долгой исторіи запутаннаго вопроса объ епархіальной подвѣдомственности новыхъ слободъ Вольскаго Казачьяго войска.

18 октября 1735 г. казаки въ прошеніи, поданномъ въ Военную Коллегію по своимъ военскимъ дѣламъ, между прочимъ, писали и о томъ, чтобы во священники къ нимъ посвящали желающихъ изъ казаковъ, а переведенныхъ съ ними считать въ Синодальной области. Военная Коллегія въ этомъ смыслѣ потребовала указа отъ св. Синода. Синодъ, съ своей стороны, просилъ свѣдѣній о томъ, къ какимъ городамъ и провинціямъ принадлежатъ новыя слободы, сколько жителей въ каждой слободѣ. Касательно посвященія священниковъ изъ казаковъ Синодъ сослался на Высочайшій указъ 1734 г. 8 авг., по которому для производства во священники и діаконы изъ казаковъ и казацкихъ дѣтей требуется прекрасная аттестація отъ казачьяго начальства, а не одно желаніе.

Въ 1737 г. ходатай казакъ Балыклеюской станицы, Василій Михайловъ, отправился по этому дѣлу въ Петербургъ. На запросъ Св. Синода отъ 20 мая о томъ, въ какомъ разстояніи слободы отъ кафедральныхъ городовъ Казанской, Астраханской и Воронежской епархій и насколько отстоятъ отъ ближайшихъ городовъ тѣхъ епархій, Михайловъ показалъ, что вверхъ по Волгѣ, въ 50 вер. отъ Царицына, при Дубовкѣ поставлены три станицы—Средняя, Дубовская и Вольская; отъ Дубовки вверхъ по Волгѣ—Балыклею въ 60 вер., Корованная отъ Ба-

¹⁾ М. Рыбушкинъ. Записки объ Астрахани. Москва. 1841 г. стр. 126. Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія, вып. I, стр. 136. Изъ 1057 семействъ 500 семействъ было донцовъ, а прочіе изъ Вѣликороссіи и Малороссіи. О наплывѣ бѣглецовъ въ привольный Астраханскій край можетъ говорить то, что въ Саратовѣ, съ его уѣздомъ и по Волгѣ на судахъ и въ хуторахъ въ 1742—1743 оказалось до 5000 бѣглыхъ изъ солдатъ, драгунъ, матросовъ и рекрутъ (тамъ же, 138).

Лыклесвской—въ 20 вер. и Антоновская отъ Корованной въ 15 вер. Центральная Дубовская станица отъ ближайшихъ кафедральныхъ городовъ находилась въ разстояніи: отъ Астрахани 600 и болѣе верстъ, отъ Казани—1000 вер., отъ Воронежа болѣе 450 вер.

Синодъ не совсѣмъ повѣрилъ сказкѣ Михайлова и пожелалъ провѣрить ее чрезъ Воронежскаго архіерея. Послѣдній къ сказкѣ Михайлова прибавилъ только нѣсколько подробностей; онъ сообщилъ, что Дубовская слобода по Царицынской линіи отъ г. *Качалинска* Воронежской епархіи въ 45 вер., а отъ Воронежа чрезъ Новохоперскую крѣпость въ 447 вер. Дополненія изъ Воронежа, оказалось достаточно, чтобы Синодъ 8 іюня 1737 г., руководясь тѣмъ, что станицы ближе къ Воронежской епархіи и что большинство казаковъ переведено оттуда, „до указа“ приписалъ Вольское войско къ Воронежской епархіи; одновременно казакамъ вмѣнялось въ обязанность быть послушными „своему пастырю“, т. е. воронежскому епископу Іоакиму.

Такимъ образомъ указомъ 8 іюня 1737 г. юго-восточные предѣлы Воронежской епархіи расширены до самой р. Волги и врѣзаясь клиномъ въ территорію Астраханской епархіи по Вольскому правобережью, раздѣляли ее на двѣ половины, такъ какъ лѣвобережье представляло еще не заселенную степь. Такъ было недолго. Оговорка Синода „до указа“ имѣла смыслъ. Синодъ, видимо, понималъ неудобства такого разграниченія Воронежской епархіи съ Астраханской. Ему скоро пришлось снова взяться за разрѣшеніе вопроса объ епархіальной подвѣдомственности Вольскаго казачьяго войска. Оказалось, что ходатай Михайловъ оболгалъ и воронежскій владыка, увлекаясь матеріальными интересами, также сказалъ не по правдѣ.

Астраханскій владыка, управлявшій бѣднѣйшей епархіей, также былъ очень заинтересованъ въ Вольскомъ войскѣ, къ тому же станичное духовенство болѣе тяготѣло къ Астраханской епархіи. 7-го іюня 1738 г. священники Дубовской станицы—Феодоръ Ивановъ, Балыклесвской—Игнатій Михайловъ, Корованской—Алексѣй Лу-

кинъ, Антиновской—Захарій Постниковъ донесли епископу Астраханскому Иларіону, что жилища поселенныхъ на Волгѣ казаковъ находятся отъ Воронежской епархіи верстъ за 800 и болѣе, къ Астрахани же гораздо ближе—верстъ за 400, при этомъ путь водой всего три дня; напротивъ, сообщенія съ Воронежемъ очень неудобны и небезопасны: лѣтомъ вслѣдствіе переезда по обширнымъ степямъ и переправамъ, зимой—вслѣдствіе непогоды и „непріятельскихъ“ набѣговъ. Поэтому станичные священники просили приписать ихъ вмѣстѣ съ приходами, по близости, къ Астраханской епархіи, гдѣ раньше была Дубовка, и дать имъ благословенныя грамоты на постройку церквей. За одно было указано и на то, что казакъ Михайловъ „разстояніемъ оболгалъ“, безъ вѣдома священниковъ и войска. Чрезъ недѣлю, 13 іюня, епископъ Иларіонъ уже писалъ св. Синоду и съ своей стороны ходатайствовалъ объ удовлетвореніи просьбы станичныхъ священниковъ. Военная коллегія на запросъ Синода не только изъявила свое согласіе, но положительно заявила, что Вольскому войску, по близости, удобнѣе быть въ Астраханской епархіи. Поэтому новымъ опредѣленіемъ св. Синода отъ 6 октября того же 1738 г. названныя станицы причислены къ Астраханской епархіи, съ оставленіемъ въ силѣ прежняго опредѣленія о вѣчныхъ и лазаретныхъ деньгахъ, имѣвшихъ специальное назначеніе.

Астраханскому архіерею не мало было хлопотъ съ вольными казаками по выборкѣ вѣчныхъ и лазаретныхъ денегъ и по духовнымъ дѣламъ. Когда еписк. Иларіонъ, на основаніи указа, послать заказчика пона Дубовской станицы, Михаила Монсеева, собирать деньги, то оказалось, что церковные, вѣчные и лазаретные сборы во всѣхъ городахъ собирали сами казаки вмѣстѣ съ казачьими окладами Войсковой канцеляріи и употребляли ихъ на войсковыя нужды. 15 октября 1739 г. владыка писалъ объ этомъ Синоду, а Синодъ Сенату съ требованіемъ увѣдомленій, но никакого увѣдомленія не получилъ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Св. Синода. Дѣло 1736 г. № 48, ср. Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синода. т. XVI, № 91.

Надо полагать, что самъ Сенатъ не зналъ, какъ заставить станичниковъ вносить, куда слѣдуетъ, вѣнечныя и лазаретныя деньги. Еще труднѣе было справляться съ казаками епархіальному начальству. Хотя станичное духовенство говорило, что ходатай Михайловъ давалъ сказки, не спросясь войска, однако позднѣйшія событія говорятъ за то, что онъ былъ солидаренъ съ станичниками. Казакамъ всячески хотѣлось жить подальше отъ своего владыки, который какъ ни какъ наблюдалъ не только интересы архіерейской казны, но еще слѣдилъ за поведеніемъ самихъ казаковъ, далеко не безупречныхъ въ нравственномъ отношеніи. Не далѣе, какъ черезъ три года (14 мая 1742 г.) казаки, во главѣ съ наказнымъ атаманомъ Василиемъ Персидскимъ особымъ прошеніемъ на Высочайшее Имя возбудили дѣло объ отпискѣ ихъ церквей и станицъ изъ Астраханской епархіи и припискѣ ихъ къ Воронежской. Весьма интересны скрытыя побужденія просить объ отпискѣ; они лучше всего поясняютъ причины нежеланія казаковъ подчиниться астраханскому архіерею.

Разсказавъ исторію заселенія станицъ Вольскаго войска и приписки ихъ изъ Воронежской епархіи къ Астраханской, наказной атаманъ, войсковые старшины и все войско направляли дѣло такъ, чтобы завинить астраханское епархіальное начальство. Они доносили, что у нихъ въ станицахъ ощущается недостатокъ въ священникахъ, а присылаемые астраханскимъ владыкой священники ведутъ себя недостойно. Хорошій священникъ Василій Михайловъ, рукоположенный еще въ Воронежѣ, 21 іюля 1741 г. скончался; присланный изъ Астрахани заказчикъ попъ Михаилъ Моисеевъ, будто бы, грабилъ казаковъ съ ихъ женами, многихъ кушцовъ билъ безвинно „изъ лакомства“, за что попалъ подъ слѣдствіе и былъ наказанъ плетью, затѣмъ отправленъ въ Астрахань за свои непорядочные поступки и грабительство. Нужно замѣтить, что такъ рекомендовался тотъ самый заказчикъ, который донесъ о злоупотребленіяхъ казаковъ съ вѣнечными и лазаретными деньгами. Про другого попа, Аео-

насія Игнатъева, писали, что онъ при слѣдствіи по тому же дѣлу наказанъ плетью и запрещенъ „литургисать“ до окончанія слѣдствія; караванскій попъ Леонтій Ивановъ, обвиняемый въ смертномъ убійствѣ, для розыска изъ Царицына отосланъ въ Тамбовскую провинціальную Канцелярію. Такимъ образомъ, въ шести станицахъ осталось только три священника и одинъ запрещенный. Казаки, будто бы, писали въ Астрахань о присылкѣ священниковъ, но оттуда никого не присылали, поэтому даже службы остановились. Такое же прошеніе, только въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, казаки подали воронежскому епископу Іоакиму, съ просьбой принять ихъ въ свое вѣдѣніе. Само собой понятно, что Іоакимъ не могъ своею властію удовлетворить просьбы станичниковъ; онъ обратился въ св. Синодъ. Синодъ, по обыкновенію, навелъ справки; тутъ то и обнаружился скрытый побужденія просителей о переходѣ въ Воронежскую епархію: имъ хотѣлось быть подальше отъ епархіальнаго начальства. Оказалось, что еще 10 апр. 1741 г., по опредѣленію св. Синода Иларіонъ астраханскій производилъ слѣдствіе о казачьихъ проступкахъ и суевѣріяхъ, а равно о „беззаконствующихъ“ съ невѣнчанными и купленными женами и о казакахъ, имѣвшихъ по двѣ жены. Заодно Астраханскому владыкѣ вмѣстѣ съ депутатомъ Военной Коллегіи предписывалось разслѣдовать дѣло по жалобѣ атамана Стефана Мигузова съ товарищами на священниковъ Моисеева и Игнатъева съ дьячкомъ.

Слѣдователи обнаружили, что дѣйствительно, заказчикъ Моисеевъ виноватъ въ превышеніи власти, такъ какъ „въ противность указамъ“ разслѣдовалъ блудныя дѣла и бралъ взятки съ блудодѣйцевъ и блудодѣицъ, но во всемъ этомъ при допросѣ повинился и даже возвратилъ взятки... Равнымъ образомъ онъ повинился и въ томъ, что вмѣстѣ съ Аеоанасіемъ Игнатъевымъ билъ николаевскаго попа Василия Михайлова; но за такой проступокъ оба они уже наказаны плетью по указу астраханскаго преосвященнаго, при чемъ Моисеевъ взятъ въ Астрахань, а Игнатъевъ, по прежнему, опредѣленъ въ Дубовскую станицу. До-

вольно сложное дѣло такъ разыгралось, что и челобитчики, жившіе незаконно съ двумя купленными женами и посягавшіе на четвертый бракъ, не избѣжали плетей.

Св. Синодъ понялъ, что казаки, возбуждая дѣло о перечисленіи ихъ въ Воронежскую епархію, только клыузничаютъ; поэтому 15 апр. 1743 г. онъ оставилъ ихъ въ Астраханской епархіи. На запросъ Синода, почему изъ Астрахани въ станицы не высылаютъ священниковъ для совершения требъ, епископъ Иларіонъ 13 іюня того же года отвѣтилъ, что жалоба казаковъ напрасна: у нихъ не шесть, а четыре станицы (съ храмами?), въ нихъ не три, а пять священниковъ, только казаки самовольно отказываютъ имъ въ служеніи и вмѣсто нихъ „по своему грубому казачьему самовластью“ принимаютъ бѣглыхъ бродячихъ поповъ безъ ставленныхъ грамотъ и позволяютъ имъ священнодѣйствовать; мало этого, они просятъ у него, архіерея, позволенія впредь принимать бѣглецовъ по своему желанію. Такая просьба граничила съ желаніемъ казаковъ совершенно избавиться отъ вліянія епархіальной власти на духовныя дѣла въ станицахъ Вольскаго войска. Но это было уже черезъ-чуръ. Ни епископъ Иларіонъ, ни св. Синодъ, по неоднократному донесенію Иларіона, не соглашались на это. Напротивъ, св. Синодъ подтвердилъ епархіальную зависимость Вольскаго войска отъ астраханскихъ владыкъ¹⁾. Прошенію казаковъ на Высочайшее Имя, видимо, не дано было ходу.

Мы остановились довольно долго на изложеніи дѣла о подчиненіи Вольскаго войска Астраханскому епархіальному начальству, чтобы показать, какъ трудно было установить епархіальныя границы и подвѣдомственность окраинныхъ мѣстъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ старались фактически выяснитъ, насколько нуженъ былъ непосредственный начальственный глазъ епархіальнаго архіерея во вновь населенныхъ мѣстахъ на юго-восточной границѣ русскаго госу-

¹⁾ Арх. Св. Синод. Дѣло 1742 г. № 117: ср. Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. (Серія II), т. I, № 350. Полн. Собр. Зак. Р. Имп. X, №№ 7274, 7672, XI, № 8724.

дарства, гдѣ въ половинѣ XVIII в. шла колонизація свободныхъ земель донскими казаками, малороссами и великороссами, обязанными нести кардонную службу и пользовавшимися за это разными льготами и служебными привилегіями.

Приписка Вольскаго войска къ Астраханской епархіи слишкомъ мало расширила ея территорію. Территорія Астраханской епархіи, по прежнему, узкой полосой тянулась по Волгѣ. Крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ ея оставался г. Хвалынский, а южнымъ Кизляръ. Посылка изъ Астрахани священниковъ въ Персію, Испагань и Гиліанъ въ 1737 г., по указу св. Синода, свидѣлствуетъ лишь о томъ, что духовная связь Русской церкви съ православными въ Персіи не прерывалась. Ближайшимъ посредникомъ этой связи всегда былъ астраханскій владыка¹⁾. Западные предѣлы Астраханской епархіи послѣ образованія Вольскаго войска, въ нач. 40-хъ гг. XVIII в., едва ли совпадали съ излучиной р. Дона. Сомнительно, чтобы Качалинскій городокъ въ это время состоялъ въ вѣдѣніи астраханскихъ архіереевъ. Воронежскій епископъ Іоакимъ называлъ его своимъ совѣмъ недавно. Правда, прот. І. Саввинскій въ Историческомъ обзорѣ Астраханской епархіи включаетъ въ ея территорію лѣвобережье Донской излучины съ гг. Паншинъ и Качалинскіи во все періоды существованія Астраханской епархіи; но ему неизвѣстны были подробности дѣла о подчиненіи Вольскаго войска астраханскимъ архіереямъ²⁾.

¹⁾ Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія... Вып. I, стр. 146. Когда въ Гиліани въ 1729 г. была построена церковь во имя Св. Троицы для Кескарскаго полка, то генераль Левашевъ просилъ астраханскаго владыку снабдить ту церковь антиминсомъ и выслать къ освященію діакона. Антиминсъ былъ высланъ, а діакона не послали, за умаленіемъ діаконѣвъ въ Астрахани, къ тому же освятить церковь можно одному священнику.

²⁾ Арх. Св. Синод. д. 1736, № 48. На стр. 38 настоящаго изслѣдованія мы включили гг. Качалинскій и Паншинъ въ число астраханскихъ городовъ въ началѣ XVIII в., основываясь на прежней ихъ зависимости. Когда г. Качалинскій изъ Астраханской епархіи отошелъ къ Воронежской, сказать трудно, за неимѣніемъ у насъ данныхъ.

Внутренняя территория Астраханской епархии постепенно заселялась и застраивалась. Въ 1742 г. на Енотаевскомъ урочищѣ, между Чернымъ Яромъ и Астраханью, по просьбѣ новаго намѣстника калмыцкаго ханства Дондокъ-Даши, построена *Енотаевская* крѣпость, имѣвшая не только стратегическое, но еще экономическое значеніе. Съ постройкой Енотаевска осуществился давнишній проектъ губернатора Волинскаго. Для драгунъ, казаковъ и чиновниковъ тамъ построена церковь. Съ возникновеніемъ Енотаевска исполнилось предсказаніе его строителя, губернатора Татищева, объ оживленіи пустынной мѣстности. Въ 40 верстахъ ниже Енотаевска на урочищѣ Черной Грядѣ возникли рыболовныя ватаги и ловецкіе станы; для ихъ насельниковъ въ 1746 году построена церковь. Въ 1745 г. въ Астраханской епархіи насчитывалось уже 45 приходовъ, переобложенныхъ данью въ 1747 г. Съ этого времени замѣчается необычайное движеніе народонаселенія по рр. Медвѣдицѣ, Хопру и Сурѣ. Это движеніе въ предѣлахъ Астраханской епархіи особенно усилилось съ присоединеніемъ къ ней городовъ Пензы и Корсуня, о чемъ рѣчь впереди.

Съ половины 40-хъ гг. XVIII в. отъ новопоселенныхъ крестьянъ на имя астраханскихъ владыкъ цѣлыми десятками стали поступать прошенія о постройкахъ, освященіи церквей и назначеніи къ нимъ причтовъ. Большинство просителей были помѣщичьи крестьяне, выселившіеся вмѣстѣ съ своими господами на дарственные пустопорожныя земли. Кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ числѣ новыхъ поселенцевъ встрѣчаются нахотные солдаты и дворовые люди. Вмѣстѣ съ даровой раздачей земли шла дешевая продажа земель въ Астраханскомъ краѣ съ непремѣннымъ условіемъ заселенія ихъ крестьянами и устройства хозяйства. Цѣлыя сотни тысячъ десятинъ были распроданы и розданы не въ счетъ. Конечно, заселены были далеко не всѣ земли. Такимъ образомъ во второй половинѣ XVIII в. въ Астраханскихъ предѣлахъ возникли помѣщичьи села и деревни: Началово (Черепаша тожъ), Николаевка, Ильинское, Икрянинское, Златозубовка,

Среброзубовка, Александровка, Сергіевское, Натальино, Сѣднстовское, Ѳедоровское, Никольское, деревни Петровская, Конновская, Досадинская, Зюзинская и др.. Во владѣніяхъ князя Александра Кушелева Безбородко по р. Бузану въ послѣдней четверти XVIII столѣтія образовались поселки: Кудринъ, Маячный, Телячій и Конный.

Одновременно съ вызовомъ поселенцевъ изъ верхнихъ губерній образовалось нѣсколько поселеній изъ астраханскихъ казаковъ. Въ 1737 г. казаки составили изъ себя, такъ называемую, трехсотенную команду; сначала они жили въ самой Астрахани своими домами. Съ 1748 г. началось выселеніе ихъ изъ города. Въ 1750 г. близъ Астрахани они образовали поселеніе съ именемъ Казачебуторинской станицы. Въ облегченіе трудной обязанности астраханскихъ казаковъ—гонять почту отъ Астрахани до Царицына и развозить царскіе указы въ Кабарду и Черкасскъ—правительство переселило къ нимъ донскихъ верховыхъ казаковъ, стрѣleckихъ и казачьихъ дѣтей, разночинцевъ, а также новокрещенныхъ татаръ и калмыковъ, образовавшихъ вмѣстѣ съ астраханцами цѣлый Астраханскій казачій полкъ. Въ его обязанность, между прочимъ, вошло удерживать татаръ отъ набѣговъ на Кубань и охранять Поволжье. Вмѣсто прежнихъ сторожевыхъ форпостовъ, располагавшихся лѣтомъ по нагорной сторонѣ Волги, а зимой по луговой, 500 казаковъ изъ Казачебуторинской станицы поселились на правомъ берегу Волги на постоянное жительство—на пространствѣ отъ Астрахани до Чернаго Яра. Такъ въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII в., образовались станицы: Лебежинская (при урочищѣ „Коровья Лука“), Замьяновская (при урочищѣ „Круглый Островъ“), Сѣроглазинская (бывшій Митинскій форпостъ), Ветлянинская и Грачевская. Нѣсколько позже образовались станицы Косинская и Копановская. На почтовомъ трактѣ отъ Астрахани до Кизляра основаны двѣ слободы—Началово и Грипино, вскорѣ упраздненныя, вслѣдствіе перевода казаковъ въ Енотаевскъ. Въ 80-хъ годахъ XVIII стол. часть казаковъ

Казачебуторинской станицы образовали двѣ станицы: Городовой Форнось и Дурновскую ¹⁾).

Эта сравнительно поздняя колонизація Астраханскаго края не коснулась Яицкихъ степей, гдѣ проходила восточная граница Астраханской епархіи. Низовье р. Яика съ г. Гурьевымъ въ половинѣ XVIII в. остается восточной границей Астраханской епархіи. Выше по р. Яику шла колонизація въ предѣлахъ сосѣдней съ Астраханской епархіей—Казанской епархіи, въ бассейнахъ рр. Яика, Самары, Уфы, Бѣлой и др. притоковъ р. Камы, а также въ Приуральѣ, въ предѣлахъ Вятской и Сибирской епархій.

Съ начала второй четверти XVIII усилилась колонизація юго-восточнаго Закамья. Въ 1725 г. Яицкіе казаки основали г. Сакмарскъ на р. Сакмарѣ. Это было началомъ русскаго вліянія въ верховьяхъ Яика. Однако укрѣпить тамошнія мѣста за Россіей не представлялось возможности, не утвердившись прочно въ Закамѣ. Поэтому въ 1732 г. отъ пригорода Самары—Алексѣевска на сѣверо-востокъ устраивается „Новая Закамская линія“ укрѣпленій до Кичуйскаго фельдшанца, состоящая изъ Кинеля, Красноярской крѣпости, Черемшанской и др. Подъ прикрытіемъ этой линіи постепенно заселяются свободными поселенцами и помѣщичьими крестьянами земли по рр. Кинелю и Самарѣ въ мѣстахъ ближайшихъ къ внутренней Россіи. Русское вліяніе въ отдаленныхъ мѣстахъ, въ Киргизскихъ степяхъ,—особенно усилилось со времени обращенія къ русскому правительству Киргизской Малой орды въ 1730 г.

Киргизы еще въ 1717 г. обращались къ Петру Великому съ просьбой о принятіи ихъ въ русское подданство, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій и притѣсненій отъ

¹⁾ Прот. І. Саввинскій. Астраханская епархія I, стр. 137—142; 144—145. Нѣкоторыя изъ названныхъ станицъ по народонаселенію нынѣ равняются уѣзднымъ городамъ (М. Рыбушкинъ. Записки объ Астрахани... стр. 126).

сосѣдей. Но Петру, занятому войнами со шведами и турками, пока было не до киргизъ. Продолжавшіяся междоусобія въ Ордѣ и нападенія сосѣдей снова побудили хана Малой Орды Абдул-Хаира просить русское правительство о принятіи ихъ въ свое подданство. На этотъ разъ для заключенія договора 19 февр. 1731 г. съ особой инструкціей отправился къ нимъ мурза А. И. Тевкелевъ, по происхожденію изъ выѣзжихъ ордынцевъ. Тевкелевъ прожилъ въ Малой Киргизской ордѣ около двухъ лѣтъ. Слѣдствіемъ этого пребыванія было приглашеніе въ 1734 г. самими русскими всѣхъ трехъ киргизскихъ ордъ—Малой, Средней и Большой—къ принятію русскаго подданства, хотя Малая орда присягнула еще въ 1731 г. Главными условіями принятія киргизъ въ русское подданство выставлены—утвержденіе ханства въ родѣ Абдул-Хаира на вѣчно и постройка крѣпости для защиты киргизъ, при сліяніи р. Ори съ Ураломъ (Яикомъ). Оберъ-секретарь Сената И. И. Кирилловъ составилъ обширный проектъ устройства Орскаго или Оренбургскаго края; онъ самъ по Высочайшему порученію отъ 18 мая 1734 года началъ осуществлять планъ, вставши во главѣ, такъ называемой, Оренбургской экспедиціи. Въ составъ экспедиціи входили ученый священникъ и нѣсколько студентовъ Греко-Латинской академіи. Экспедиція имѣла большія полномочія; ей подчинялся даже уфимскій воевода.

Экспедиція отправилась черезъ Уфу къ мѣсту постройки города на р. Ори. Для подвоза провіанта къ новому городу изъ Сибири Кирилловъ въ концѣ 1734 г., въ верховьяхъ р. Яика, построилъ Верхне-Яицкую крѣпость, первую въ Оренбургскомъ краѣ, переименованную черезъ сорокъ лѣтъ въ Верхне-Уральскую. Башкиры поняли, въ чемъ дѣло, и заволновались. Сопротивленіе ихъ, однако, не остановило Кириллова при осуществленіи намѣченнаго плана. 15 авг. 1735 г. онъ основалъ крѣпость на р. Ори, а 30 авг. городъ *Оренбургъ*, переименованный въ 1743 г. въ Орскую крѣпость.

Такъ полагалось прочное начало господству русскихъ въ Башкиріи, получившей подъ властью русскихъ названіе Оренбургскаго края. Вооруженное сопротивление вызвало постройку новыхъ крѣпостей: въ 1736 г. были построены крѣпости—Губерлинская, Озерная (Верхне-Озерная), Камышъ-Самарская (впоследствии Татищевская), Бердская, Бузулукская, Красносамарская, Борская. Табынская, Миасская, Чебаркульская, и еще въ 1735—1736 г. Елдяцкая и Нагайбацкая.

14 апр. 1737 г. устроитель Оренбургскаго края. Кирилловъ, скончался въ г. Самарѣ, гдѣ былъ центръ управленія Оренбургскимъ краемъ. Но и по смерти Кириллова его дѣло не погибло. При преемникѣ Кириллова, извѣстномъ историкѣ Вас. Ник. Татищевѣ (1737—39 г.), въ Оренбургѣ 3 авг. 1738 г. послѣдовало окончательное торжественное принятіе Малою ордою русскаго подданства. Въ 1739 г. *формально* вступили въ русское подданство киргизы Средней Орды, обитающіе нынѣ въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской и смежной съ ней части Тургайской области, въ дѣйствительности остававшіяся до 1781 г. независимыми отъ русскихъ. Большая орда, обитающая нынѣ въ Семирѣченской и Сырдарьинской областяхъ, вступила въ русское подданство только въ теченіе XIX в., съ 1819 по 1865 г.

Въ 1740—1743 г. многочисленное племя каракалпакъ (черныя шапки), кочевавшихъ по Усть-Урѣйскому плоскогорью и доходившихъ до рр. Тобола и Уя, приняли русское подданство, но за отдаленностью остались внѣ русскаго покровительства и вліянія. Страдая отъ нападенія и разоренія киргизовъ, они передались Хивѣ и Бухарѣ.

Постройка крѣпостей въ Оренбургскомъ краѣ продолжалась какъ при Татищевѣ, такъ и при его преемникѣ Урусовѣ (1739—1742 г.). При Татищевѣ основаны были крѣпости—Ново-Сергіевская (Тевкелевъ бродъ), Переволоцкая, Чернорѣченская, Олыпанская, Каргайская, Эткульская и закончены устройствомъ Бердская и Губерлинская. Татищевъ составилъ проектъ о переносѣ г. Оренбурга съ р. Ори на урочище Красная Гора, гдѣ при Урусовѣ, въ

1741 г., была построена Красногорская крѣпость. Но такой проектъ былъ отмѣненъ по представленію И. И. Неплюева. Этотъ главный командиръ Оренбургской Комиссіи и Киргизкайсацкихъ ордъ и знаменитый дѣятель въ Оренбургскомъ краѣ (съ 1742—по 1758 г.) закончилъ систему тамошнихъ укрѣпленій¹⁾. При немъ въ 1742 г. построены крѣпости: Пречистенская, Воздвиженская, Ильинская, въ 1743 г. Тапалыцкая, Уртазымская, Кизильская, Магнитная, Троицкая (съ 1784 г. городъ), Каракульская, Крутойрская и Усть-Уйская на мѣстѣ давняго поселенія, построеннаго около 1686 г. и принадлежавшаго Далматову монастырю. Въ 1745 г. основана Куртамышская слобода.

Въ 1743 г. г. Оренбургъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто; тутъ сначала находилась Бердская крѣпость, а съ 1743 г. Казачья слобода, отодвинутая къ р. Сакмарѣ—въ 5 верстахъ. 19 апр. состоялась закладка города, въ сентябрѣ освящена первая деревянная церковь въ Оренбургѣ во имя Успенія Божіей Матери, упраздненная въ 1758 г., съ устройствомъ каменнаго Введенскаго собора (нынѣ приходская церковь).

Оренбургъ, укрѣпленный на настоящемъ мѣстѣ, сдѣлался административнымъ центромъ всего края; туда переведены присутственныя мѣста изъ Самары, а самъ И. И. Неплюевъ съ 1744 г. назначенъ первымъ губернаторомъ новой Оренбургской губерніи. До 50 гг. XIX столѣтія

¹⁾ О жизни и дѣятельности И. И. Неплюева имѣется прекрасная монографія В. Н. Витевскаго: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года“ въ I—V вып. Казань. 1889—1897 гг. Тутъ Неплюевъ охарактеризованъ и какъ вѣрный сынъ Церкви и отечества, всю жизнь исполненный религіозной ревности. Любопытно, что этотъ высокообразованный человѣкъ, замѣчательный государственный мужъ, вскорѣ послѣ женитьбы въ 18-лѣтнемъ возрастѣ (6 сент. 1711 г.), имѣя сына, съ ноября 1713 г. 16 мѣсяцевъ провелъ въ монастырѣ, гдѣ закалѣлъ свой духъ въ подвигахъ поста и молитвы. Во всю жизнь онъ соблюдалъ вѣру и благочестіе (I, стр. 22—23). Неплюевъ никогда не выѣзжалъ со двора, не простоявъ литургии въ своей домово́й церкви. Родился онъ 5 ноября 1693 г., а скончался 11 ноября 1773 г., 80-лѣтнимъ старцемъ и погребенъ въ с. Поддубьѣ, Лужскаго у. Спбурской губ. въ семейномъ склепѣ.

г. Оренбургъ служилъ главнымъ опорнымъ пунктомъ русскаго могущества на всемъ юговостокѣ Европейской Россіи, пока центръ тяжести не перенесенъ былъ въ Среднюю Азію.

Отъ Оренбурга, какъ изъ центра, шли радіусами линіи пограничныхъ укрѣпленій. На юго-западѣ шла Нижне-яицкая линія—внизъ по р. Яику (Уралу) съ крѣпостями—Чернорѣченской, Татишевой, Нижнеозерской и Разсыпной. Отъ станицы Разсыпной, на югъ до самаго Гурьева, на Каспійскомъ морѣ, несли службу яицкіе казаки. Вся линія тянулась на 750 верстъ. На западѣ отъ Оренбурга къ Волгѣ по р. Самарѣ и Камышу тянулась Самарская линія укрѣпленій съ вѣтвью ея къ востоку по р. Сакмарѣ—Сакмарскою линіей; на сѣверо-востокѣ—вверхъ по Яику длинной излучиной до Верхнеяицкой крѣпости, пересѣкая Уральскій хребетъ, шла Верхнеяицкая линія. Продолженіемъ Верхнеяицкой линіи на востокъ къ Сибири до конечной крѣпости—Звѣриноголовской, отошедшей отъ Сибири въ 1753 г., служила линія Уй-Тобольская. Отъ нея за Ураломъ раскинутъ былъ рядъ военныхъ поселеній изъ шести крѣпостей: Челябинскъ (осн. въ 1743 г. съ 1781 г. уѣзд. гор.), Міасской, Уйской, Чебаркульской и Козельской съ включеніемъ Эткульской крѣпости. На самомъ сѣверѣ Оренбургскаго края эти крѣпости сближались съ прежними укрѣпленіями по рр. Міасу и Исети, притока Оби, на которой 1721 г. давно былъ построенъ Екатеринбургъ. Названныя крѣпости устроены въ 1736—1744 г., по случаю башкирскаго бунта и для защиты сибирскихъ слободъ. Съ устройствомъ Уй-Тобольской линіи (1743—1745 гг.), онѣ оказались внутри страны, потерявъ, отчасти, свое значеніе. Башкирія, окруженная со всѣхъ сторонъ крѣпостями, редутами и форпостами окончательно смирилась. Бунтъ, поднятый Алесемъ Батыршей въ 1755 г., былъ послѣдней напрасной попыткой башкиръ возстановить свою прежнюю вольность.

Что касается области Яицкихъ казаковъ, то, какъ извѣстно, выходцами отсюда въ 1725 г. основанъ былъ Сакмарскій городокъ для защиты отъ каракалпаковъ и

киргизъ-кайсаковъ, не потерявшій своего стратегическаго значенія съ постройкой г. Оренбурга ¹⁾. Въ 1737 г. яицкими казаками изъ черкасовъ (малороссовъ) основанъ г. Илецкъ (Илецкій городокъ) на р. Яикѣ; почти одновременно возникла Илецкая защита (62 вер. южнѣе Оренбурга), населенная яицкими казаками въ 1730 г. Мѣстность ея по своимъ солянымъ конямъ извѣстна была русскимъ давно, хотя илецкая соль была обложена пошлиной только въ 1727 г., какъ доходная статья русскаго государства. Илецкая крѣпость построена еще позже, въ 1753 г., оренбургскимъ казакомъ Углицкимъ. Въ 1743 г. яицкіе казаки, за снятіе Гурьевскаго Учуга, преграждавшаго ходъ рыбы изъ Каспійскаго моря по р. Яику (Уралу), построили на рѣкѣ Яикѣ Калмыковъ и Кулагинъ городки, обязавшись въ каждомъ ихъ имѣть съ форпостами содержать по 500 человекъ команды для отраженія набѣговъ калмыковъ и киргизъ-кайсаковъ ²⁾.

Главнымъ городомъ яицкихъ казаковъ оставался Яицкій городокъ (съ 1775 г. Уральскъ) ³⁾; въ немъ въ половинѣ XVIII в. насчитывалось до 3000 дворовъ и 5 приходскихъ церквей. Заселеніе внутреннихъ мѣстъ Уральской области по рр. Чагану, Таловой, Иртеку, Ташлѣ, отчасти по Чижамамъ, относится къ концу XVIII в.

Съ устройствомъ крѣпостныхъ линій началась болѣе правильная колонизація новаго края.

¹⁾ Сакморъ — городокъ, нынѣ станица Уральскаго Казачьяго войска.

²⁾ Почти при всѣхъ Яицкихъ городахъ было по нѣсколько форпостовъ: при *Гурьевѣ* — форпосты: Сарайчиковъ, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевскій, Зеленый Колокъ; при *Кулагинѣ* — Гребенинниковъ, Кошъ-Яикъ, Харакинъ и Красный Яръ; при *Калмыковѣ* — Котельный, Антоновъ, Каменные Орѣшки, Сахарный, Мергеновъ, Кочахаровъ, Бударинъ и нѣк. др., — всѣ по р. Яику.

³⁾ Въ 1775 г., по Высочайшему повелѣнію отъ 15 янв. Яицкое казачье войско за дѣятельное участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ и «для преданія всего случившагося полному забвенію» было переименовано въ Уральское: рѣка Яикъ переименована въ р. Уралъ, а Яицкій городокъ — въ Уральскъ (Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XX, 1775 г. № 14,235).

Въ цѣляхъ заселенія края Неплюевъ покровительствовалъ всѣмъ бѣглымъ, несмотря на запретительные указы 1739 и 1743 г. Доказывая необходимость для края приплага элемента изъ внутренней Россіи, Неплюевъ добился того, что указомъ 1746 г. 13 янв. велѣно отправлять въ Оренбургъ всѣхъ не помнящихъ родства, надѣлять ихъ тамъ землею и освобождать на три года отъ всякихъ сборовъ и рекрутскій повинности. Эти поселенники образовали нѣсколько слободъ въ нынѣшнемъ Бугульминскомъ уѣздѣ. Къ 1753 г. ихъ насчитывалось 3720 душъ м. п., въ томъ числѣ русскихъ 1650 человекъ. Вмѣстѣ съ этимъ нарочито вызывались и приглашались въ Оренбургскій край на привольныя земли крестьяне изъ внутренней Россіи. Еще въ 1739 г. капитанъ Калачевъ вызвать туда малороссовъ-черкасъ; но они оказались плохими колонизаторами. Не будучи въ состояніи выносить тревоги окраинной жизни, они послѣ нѣсколькихъ набѣговъ киргизовъ, покинули заселенныя ими крѣпости: Разсыпную (1742 г.) и Черно-рѣченскую. Неплюевъ вызывать туда не только великороссовъ съ малороссами, но и татаръ. Въ 1744 г. 200 семей татаръ переселились изъ Казани въ Оренбургъ; въ слѣдующемъ году казанскій татаринъ Сеитъ Халаялинъ образовалъ изъ нихъ Сеитовскій посадъ или Каргалу, въ 20 верстъ отъ Оренбурга. Въ посадѣ была построена великолѣпная мечеть. Нынѣ Сеитовскій посадъ составляетъ главный центръ мусульманства въ Оренбургской губерніи.

Бывшіе служилые люди — переселенцы, получавшіе, во владѣніе земли въ Оренбургскомъ краѣ, селили въ нихъ крестьянъ изъ внутренней Россіи. Особенно много было такихъ поселенцевъ въ Бузулукскомъ (городъ осн. въ 1736 г.), Бугульминскомъ (1745 г.) и Бугурусланскомъ (1742 г.) уѣздахъ. По сенатскому распоряженію 1744 г. колодники, особенно изъ мѣщанъ и кунцевъ, направлялись „безъ всякой задержки“ въ новый край, какъ въ мѣсто ссылки. Впредь до 60-хъ гг. XIX ст. Оренбургская губернія служила мѣстомъ ссылки „въ мѣста не столь отдаленныя“.

При Неплюевѣ широко развилось горное дѣло, благодаря нѣкоторымъ льготамъ, предоставленнымъ горнозаводчикамъ и позволенія скупать, сколько угодно, по дешевкѣ, башкирскія земли; напр., Бѣлорѣцкій заводъ за 300 руб. купилъ 300000 дес. башкирской земли.

Въ 1760 г. въ Оренбургскомъ краѣ считалось уже 28 заводовъ (15 мѣдныхъ и 13 желѣзныхъ) съ населеніемъ до 20 тысячъ душъ, преимущественно раскольниковъ. Тутъ, помимо Авзяно-Петровскаго, были заводы: Кананикольскій, построенный Мосоловымъ въ 1750 г., Преображенскій—1753 г.—Твердышевымъ, Верхній Авзяно-Петровскій (1755 г.) и Нижній-Авзяно-Петровскій (1756 г.), принадлежавшіе Шувалову и Матвѣеву, Бѣлорѣцкій, (1761 г.)—Твердышеву и Мосолову, Кагинскій—Демидову и др.; впослѣдствіи еще возникли Мясекій (Лушинныхъ — въ 1773 г.), Узьянскій (Демидова въ 1797 г.) и нѣк. др.

Составъ коренного и пришлага населенія Оренбургскаго края былъ самый разнообразный. Въ крѣпостяхъ, построенныхъ съ 1735 г., преобладало казачество. Русское крестьянское населеніе въ юго-западной части Оренбургской губерніи преобладало лишь въ Троицкомъ уѣздѣ. Особенно преобладало русское населеніе въ юго-восточной части, въ обширномъ Челябинскомъ уѣздѣ. Русскіе поселенцы хлынули въ Троицкій и Челябинскій уѣзды съ проведеніемъ Уй-Тобольской линіи, преградившей туда доступъ киргизъ и каракалпаковъ. Тогда возникли нынѣшнія большія русскія села: Карачельскій форпостъ (1743 г.), слободы: Кутамышъ (1745 г.), Таловская (1747 г.), Каминская (1749 г.), село Кундравы (1750 г.), слоб. Нижне-Увельская (1749 г.), Верхнеувельская (1751 г.) и др.

Христіанство распространялось вмѣстѣ съ колонизаціей края. Тамъ, гдѣ появлялись казаки и русскіе переселенцы, появлялось христіанство. Поэтому расширеніе государственной территоріи одновременно было расширеніемъ территоріи русской церкви. Казачество особенно много содѣйствовало водворенію христіанства въ новомъ

краѣ. Полагають, что оно представляло изъ себя родъ религіознаго братства, которое, устроивъ свою жизнь на строго религіозныхъ началахъ, крѣпко берегло свободу и неприкосновенность своей вѣры. Мало того, вступленіе въ среду казаковъ дозволялось только тѣмъ, кто принималъ христіанскую вѣру. Самая борьба казачества съ не христіанскими народами носила до нѣкоторой степени религіозный характеръ и была стояніемъ за вѣру отцевъ. Оренбургскіе и яицкіе сводные казаки, явившись передовымъ оплотомъ русской государственности на инородческомъ юго-востоку, имѣли важное значеніе въ качествѣ охранителей и насадителей православія въ новыхъ земляхъ. вмѣстѣ съ церковностью и гражданственностью русская культура вообще весьма многимъ обязана казакамъ: они были земледѣльцами и хозяевами въ своихъ поселеніяхъ. Но это не мѣшало имъ отправлять тяжелую стросвую и пикетную службу на сотни и даже тысячи верстъ.

Одновременно съ основаніемъ городовъ и крѣпостей, или вскорѣ послѣ основанія, въ нихъ созидаются храмы и часовни на средства самихъ устроителей крѣпостей, но чаще на казенный счетъ. Особенно велика въ этомъ отношеніи заслуга Неплюева, построившаго на казенный счетъ церкви во всѣхъ главныхъ крѣпостяхъ—Оренбургѣ, Орскѣ и др. Правда, церкви были плохо обставлены и своимъ видомъ больше походили на часовни; тѣмъ не менѣе онѣ открыто свидѣтельствовали объ утвержденіи христіанства на новой русской окраинѣ. Благодаря этимъ храмамъ, русскіе люди имѣли объединяющій ихъ центръ и не могли совершенно затеряться среди инородческой массы. Какъ видно изъ исторіи древнѣйшихъ церквей Оренбургской епархіи, большинство ихъ образовалось вмѣстѣ съ поселеніемъ казаковъ и русскихъ выходцевъ изъ центральной Россіи въ Оренбургскомъ краѣ и Уральской области¹⁾.

¹⁾ Въ Оренбургѣ—Спасо-Преображенскій соборъ (1746—1750 г.). Введенскій (1755—1758), Троицкая ц. (1744), Вознесенская (1750—1755 г.),

Обращеніе тамошнихъ инородцевъ въ христіанство началось вмѣстѣ съ прибытіемъ русскихъ. Совмѣстная жизнь русскихъ съ инородцами, введеніе русскаго строя и церковнаго управленія были естественными способами насажденія и распространенія христіанства среди инородческой массы. О какой либо специальной миссіи въ новомъ Оренбургскомъ краѣ долго не заходило рѣчи. Въ обязанность Оренбургской экспедиціи, въ составъ которой входилъ ученый священникъ съ четырьмя студентами Греко-Латинской академіи, не ставилось специальныхъ миссіонерскихъ задачъ. Если исключить калмыковъ, среди которыхъ дѣйствовала плохо организованная миссія, Оренбургскій край до послѣдняго времени не видѣлъ у себя специальныхъ миссіонеровъ изъ лицъ, одушевленныхъ миссіонерскимъ призваніемъ, и не зналъ непосредственной и систематической христіанской проповѣди. Казанская миссія почти не коснулась Оренбургскаго края съ Уральской областью. Изъ Тобольска она сюда также не дошла въ XVIII в. Распоряженіе Тобольской Консисторіи въ 1788 г.,—командировать вѣропроповѣдниковъ въ инородческія селенія Челябинскаго края,—оказалось несвоевременнымъ. Оно было отмѣнено общимъ указомъ св. Синода 1789 г.—не посылать проповѣдниковъ въ инородческія села. Синодъ въ данномъ случаѣ подчинился либеральной политикѣ Екатерининскаго времени по отноше-

Георгіевская (1756—1761 г.), въ уѣздѣ въ крѣпостяхъ: Чернорѣчинской—Казанская (1742 г.), Татищевъ—Мих.-Архангельская (1744 г.), Разсыпной—Петропавловская (1730 г., вѣрифе 1742 г.), Пречистенской—Богородицкая (1744 г.), Красногорской—Воскресенская (1741 г., Орской—Преображенская (1734 г.), Губерлинской—часовня Іоанно-Предтеченская (1747 г.), Ильинской—часовня Ильинская (1744 г.) и др.: въ Челябинскомъ уѣздѣ, въ крѣпостяхъ: Откульской—Богоявленская (послѣ 1760 г.), Миасской—Ильинская (1743 г.), Таловской—Никольская (1752 г.); въ Верхнеуральскѣ—Богоявленская (1743 г.), въ Магнитной—Троицкая (1747 г.), въ Авзяно-петровскомъ заводѣ—Казанская (1755 г.), въ Сакмарскомъ городкѣ (1733 г.), въ Калмыковскомъ—Флоро-Лаврская (1754 г.) и др. (Подобн. списки церквей см. „Оренбургская епархія, т. I“ Н. Чернавскаго. Оренбургъ 1900 г., стр. 272—312).

нію къ инородцамъ и иновѣрцамъ, въ основу которой былъ положенъ самый широкій принципъ вѣротерпимости. Понятно, что этотъ принципъ надолго задержалъ распространеніе христіанства среди всѣхъ инородцевъ, подданныхъ Россіи¹⁾.

При всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для миссіи естественное вліяніе колонизаціи и господство русскаго племени сопровождалось ежегодными случаями обращенія въ христіанство башкиръ, киргизъ, калмыковъ и другихъ инородцевъ Оренбургскаго края. При Неплюевѣ даже образовался особый центральный пунктъ для крещеныхъ инородцевъ—въ *Нагайбацкой* крѣпости, основанной еще Кирилловымъ въ 1736 г. Коренными жителями въ ней были старокрещенные татары. По словамъ Рычкова, автора изслѣдованія „Топографія Оренбургской губерніи“, они были плохими христіанами. Только въ 1746 г., и то на казенный счетъ, построена была церковь во имя Св. Троицы для старокрещеныхъ Нагайбацкой и сосѣдней съ ней Бакалинской крѣпости. Неплюевъ въ 1752 г. переселилъ къ ней новокрещеныхъ инородцевъ и иновѣрцевъ, въ частности выходцевъ изъ киргизъ-кайсацкаго плѣна, числомъ 68 человекъ. Въ числѣ ихъ были 45 персовъ, 12 арабовъ, три бухарца и 2 каракалпака. Въ 1758 г. казанскій архіепископъ Гавріилъ (Кременецкій) посѣтилъ Нагайбацкую крѣпость и поручилъ тамошнихъ новокрещеныхъ особенному вниманію священника с. Спасскаго, Бугульминскаго у., котораго нашелъ болѣе способнымъ въ дѣлѣ миссіи.

Другимъ центромъ для новокрещеныхъ Оренбургскаго края былъ г. Ставрополь, куда въ 1738 г. переселилась калмыцкая миссія. Къ 1760 году Оренбургское начальство

¹⁾ Съ 1760 г., по приблизительному подсчету Рычкова, въ Оренбургскомъ краѣ инородцевъ было: въ Уфимской провинціи: башкиръ—86384 чел., мещеряковъ—13867 чел., въ Исецкой—башкиръ—19792 чел., мещеряковъ—1683 чел., каракалпаковъ 30000 чел.; крещеныхъ—калмыковъ 8700 чел., мордвы 880 душъ, черемисъ—1000 дворовъ, чувашъ—500 дворовъ.

поселило тамъ около 250 человекъ персіанъ, аравитянъ и др. крещеныхъ инородцевъ, вышедшихъ изъ киргизъ-кайсацкихъ ордъ. Азіаты, такимъ образомъ, представляли собой преобладающую смѣшанную національность новокрещеныхъ. Случаи обращенія въ христіанство коренныхъ оренбургскихъ и уральскихъ инородцевъ—башкиръ, погайцевъ и киргизъ оставались единичными. Обращеніе ихъ обязано не спеціальной миссіи, а дѣятельности приходскаго духовенства.

Что касается оренбургскихъ калмыковъ, то въ числѣ ихъ насчитывалось слишкомъ мало крещеныхъ. Они выселились изъ низовьевъ Яика въ Оренбургъ и пользовались правомъ свободы вѣроисповѣданія, даннымъ насельникамъ Оренбурга. Въ 1754 г. крещеныхъ оренбургскихъ калмыковъ оказалось только 58 кибитокъ при 205 душахъ обою пола¹⁾.

Въ церковно-административномъ отношеніи новыя мѣста Оренбургскаго края и Уральской области, до учрежденія самостоятельной Оренбургской епархіи (1799 г.), принадлежали къ разнымъ епархіямъ. Большая часть ихъ входила въ составъ Казанской епархіи. По официальнымъ документальнымъ даннымъ въ 1740 г. Казанскую епархію составляли—Казань съ уѣздомъ и пригородами (Арскъ, Лаишевъ), уѣздные города съ уѣздами: Свіяжскъ, Козмодемьянскъ, Чебоксары, Царевококшайскъ, Кирельскій (нынѣ Тетюшск. у.) и Болгарскій (нынѣ Спасскаго у.) заказы, Симбирскъ, Оса, Сарапулъ, Кукарка, Царево-санчурскъ, Малмыжъ, Елабуга, Уржумъ, Яранскъ, Ветлужскій заказъ, Уфа, Бирскъ, Самара, Сергіевскъ, крѣпость Ставрополь, Яикъ (Уральскъ) съ 4 церквами²⁾. Оренбургъ и всѣ ближайшія къ нему крѣпости, расположенныя въ округахъ Оренбургскомъ, Бузулукскомъ и частью Верхеуральскомъ при самомъ основаніи Закамской

¹⁾ Чернавскій. Оренбургская епархія, т. I, стр. 44—142.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синод., X, № 352; Приложение VIII (тутъ же), стр. 1009—1010.

линии (1734 г.) вошли въ составъ Казанской епархіи ¹⁾. вмѣстѣ съ территоріей въ ней возросло число церквей: въ 1740 г. ихъ значилось 669, а чрезъ годъ—въ 1742 г.—687, въ 1743 г.—прибавилось еще 10 церквей, а въ 1744 г. ихъ насчитывалось—713, въ слѣдующемъ 1745 г. уже 724 церк. ²⁾. Ни одинъ десятокъ новыхъ храмовъ приходился на Оренбургскій край.

Необыкновенно быстрый ростъ приходскихъ храмовъ въ Казанской епархіи однако нельзя объяснять исключительно постройкой храмовъ по Закамской линіи и въ Оренбургскомъ краѣ. Новые храмы въ большомъ количествѣ возникали внутри старой епархіальной территоріи, гдѣ шла усиленная миссія съ постройкой храмовъ среди инородцевъ при извѣстномъ крайнемъ ревнителѣ миссіонерѣ—Лукаѣ Конашевичѣ, вступившемъ на Казанскую кафедру 9 марта 1738 года. Нельзя не обратить вниманія и на то, что на новой территоріи Казанской епархіи не основано ни одного монастыря. Отсюда можно заключить, что мирное колонизаціонное завоеваніе окраинъ уступило мѣсто казацкому оружію.

Оренбургскій край въ предѣлахъ Казанской епархіи былъ подвѣдомъ Оренбургскому Духовному Правленію, основанному въ 30 гг. XVIII в. и находившемуся сначала въ г. Самарѣ, гдѣ сосредоточивалось все управленіе краемъ. Въ 1744 г. Правленіе переведено въ г. Оренбургъ вмѣстѣ съ другими присутственными мѣстами. Районъ, подвѣдомый Оренбургскому Духовному Правленію, былъ чрезвычайно обширенъ и не разъ подвергался измѣненіямъ въ своихъ границахъ: къ концу XVIII в. онъ обнималъ уѣзды: Оренбургскій (съ Орскимъ), Бузулукскій, Стерлитамакскій и часть Верхнеуральскаго.

При существованіи Оренбургской экспедиціи во главѣ духовнаго управленія Оренбургскимъ краемъ стоялъ про-

¹⁾ П. Чернавскій. Оренбургская епархія... т. I, стр. 147, 155. Ежемесячныя сочиненія. Сиб. изд. Акад. Наукъ 1757 г. Мартъ, стр. 301, ср. Январь, стр. 40—45.

²⁾ Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синод. VI. Прил. II, стр. 6—15.

топопъ Антипа Мартиніановъ, ректоръ Самарской догматической школы, непосредственно сносившійся съ св. Синодомъ. Въ 1739 г. онъ отозванъ въ Москву послѣ столкновенія съ Татищевымъ. На мѣсто Мартиніанова назначенъ Алексѣй Киселевъ, человекъ энергичный, властный и распорядительный. Онъ собственно организовалъ Оренбургское Правленіе, называясь правителемъ его; подобно предшественнику, онъ непосредственно сносился съ св. Синодомъ, но не долго. Въ концѣ 1739 г., 5 октября, протопопъ Киселевъ получилъ указъ, которымъ запрещалось ему относиться въ св. Синодъ по епархіальнымъ дѣламъ, помимо своего епархіальнаго архіерея, т. е. казанскаго архіепископа. Только послѣ этого указа Казанская Консисторія потребовала доставить ей исповѣднія росписи за 1737—1738 гг. изъ крѣпостныхъ церквей и начала внимательно слѣдить за назначеніемъ туда священноцерковно-служителей. На указъ св. Синода и предписаніе Казанской Консисторіи должно смотрѣть, какъ на прочное подчиненіе Оренбургскихъ линейныхъ крѣпостей Казанской архіепископії и окончаніе ихъ епархіальной независимости отъ ближайшаго архіерея. Съ 1749 г. въ Оренбургское Духовное Правленіе назначается второй присутствующій и оно перестаетъ быть протопопскою канцеляріей, превратившись въ коллегіальное учрежденіе.

Яицкое войско, подчиняясь Казанской архіепископії, отстояло свое протопопское управленіе. Войско ближайшимъ образомъ подчинялось протопопу Михаило-Архангельскаго собора г. Уральска. При отдаленности г. Уральска отъ Казани архангельскій протопопъ въ дѣлѣ управленія широко пользовался своими правами суда и наказанія духовныхъ лицъ. Однако независимость его была далеко не полной: онъ испытывалъ постоянную зависимость отъ войска, оказывавшуюся тяжелѣ епархіальной власти. Въ этомъ отношеніи сказывались старыя войсковыя традиціи. Уральскіе или яицкіе казаки, выродившись изъ донской вольницы, не знавшей правительственной зависимости, въ

своемъ общественномъ быту выработали независимое устройство на демократическихъ началахъ. Вслѣдствіе примѣненія общинныхъ началъ къ своей церковной жизни, войсковой кругъ и войсковая канцелярія близко вникали въ церковныя дѣла, подвѣдомственные протопопу, и никакъ не желали подчиняться Духовному Правленію. Весьма настойчивыя попытки епископа Луки (Конашевича), сначала (1748 г.) подчинить Яицкое духовенство Оренбургскому Духовному Правленію, а затѣмъ (1754 г.) учредить въ Уральскѣ (Яикѣ) особое Духовное Правленіе, оказались безрезультатными. Въ сложное дѣло втянулся самъ Неплюевъ; дѣло доходило до Синода. Войско рѣшительно отказалось принять эту реформу: равнымъ образомъ оно не поступалось своимъ правомъ, освященнымъ стариной и обычаемъ, самостоятельно избирать священниковъ на свободныя мѣста, не сносясь съ епархіальнымъ начальствомъ. Петербургская Военная Коллегія поддержала уральцевъ, приравнявъ ихъ къ донскимъ казакамъ, съ которыми, какъ извѣстно, у воронежскихъ и астраханскихъ архіереевъ не было сладу. Вслѣдствіи единогласія Уральского войска внесли нѣкоторое раздвоеніе въ епархіальное управленіе, испросивъ у св. Синода разрѣшенія по своимъ дѣламъ сноситься съ Черкасскимъ Духовнымъ Правленіемъ, подвѣдомымъ воронежскимъ владыкамъ. Впрочемъ, это было въ самомъ концѣ XVIII в., въ 1795 г.

Въ вѣдѣніи уральскаго протопопа состояло четыре церкви въ г. Уральскѣ (Казанская, Петропавловская, св. Алексія, м. Московскаго, т. н. Кирсановская, и Преображенская), пятый соборъ, по одной церкви въ гг. Илекѣ, (145 верстѣ), Сакмарскѣ (298 вер.) и Калмыковѣ. Въ 1746 г. Казанская Консисторія, основываясь на близости Илека и Сакмарска къ Оренбургу (первый 125 вер., второй 30 вер.), пыталась изъять ихъ изъ вѣдѣнія уральскаго протопопа и подчинить Оренбургскому Духовному Правленію. Уральское войско, ссылаясь на то, что Илекъ и Сакмарскъ населены выходцами изъ ихъ казачьей среды и состояли въ вѣдѣніи Яицкаго войска, удержали оба города за своимъ архангельскимъ протопопомъ. Только послѣ Пугачевского

бунта сакмарцы, замѣненные въ пугачевщинѣ, въ 1775 г. отнесены были въ вѣдомство Оренбургскаго Духовнаго Правленія: въ 1784 г. города Сакмарскъ и Илекъ снова поступили въ вѣдѣніе уральскаго протопопа, непосредственно подчиненнаго Казанской Консисторіи¹⁾.

Европейское Приуралье, лежащее сѣвернѣе г. Осы, въ верховьяхъ Камы съ ея притоками, входило въ составъ Вятской и Великопермской епархій. Территорія послѣдней къ половинѣ XVIII в. почти не измѣнилась, сравнительно съ тѣмъ, какова была она къ началу 30-хъ годовъ, хотя горнозаводская промышленность, а вмѣстѣ съ тѣмъ наплывъ горнозаводскихъ рабочихъ развивались тамъ едва ли слабѣе, чѣмъ за Ураломъ, въ предѣлахъ Сибирской (Тобольской) епархій. Но эта промышленность отразилась только на густотѣ населенія, вслѣдствіе возникновенія новыхъ заводовъ. Господа Строгановы уже не были единственными владѣльцами богатствъ и земель Приуралья. Горнозаводская промышленность, развивавшаяся болѣе на счетъ казны, привлекала и другихъ промышленниковъ.

Главными владѣльцами въ Пермскомъ краѣ, впрочемъ, все еще были Строгановы. Вотчины ихъ, начинаясь отъ Соли-Камской (въ 27 вер.), простирались по р. Камѣ внизъ и по р. Чусовой вверхъ впродъ до Кушгурскаго и Екатеринбургскаго вѣдомства и оканчивались, не доѣзжая до г. Осы 15 верстѣ, гдѣ, надо полагать, проходила сѣверная граница Казанской епархій. Какъ раньше, такъ и теперь, баронамъ Строгановымъ принадлежали Новое Усолье при р. Камѣ въ 29 верстахъ отъ Соли-Камской, Орель—городокъ, также при Камѣ, въ 12 вер. отъ Усоляя, 2 Чусовскихъ городка при р. Чусовой въ 60 и 65 вер. отъ ея Устья: имъ же принадлежали заводы: мѣдный—Таманскій или Атаманскій при р. Атаманкѣ, въ 21½ вер. отъ впаденія ея въ Каму, Пожвинскій при р. Пожвѣ въ 7 вер. отъ впаденія ея въ Каму, Добрянскій или Домрянскій,

¹⁾ Н. Чернявскій. Оренбургская епархія... I, стр. 154—174.

при р. Домрянкѣ въ 2 верст. отъ впаденія ея въ Каму и Билимбаевскій, при р. Билимбайкѣ, впадающей въ Чусовую, отъ Екатеринбургѣ въ 50 верст. ¹⁾

Кромѣ Строгановскихъ заводовъ много другихъ заводовъ стояло на притокахъ р. Чусовой,—напр. *Демидовскіе* заводы: Уткинскій или Учинскій при р. Средней Уткѣ, отъ Билимбаевского въ 7 вер., Шайтанскій при р. Шайтанкѣ въ 18 вер. отъ Уткинскаго завода, внизъ по рѣкѣ, Ревдинскій при р. Ревдѣ, Висинскій при р. Межевой Уткѣ. Эти заводы вмѣстѣ съ селами и пристанями по бассейну р. Чусовой несомнѣнно входили въ районъ Чусовскаго заказа. Другіе Демидовскіе заводы на притокахъ р. Уфы: Сергинскій при р. Сергѣ, Бисертскій при р. Бисертѣ съ окружающими населенными пунктами должны были войти въ районъ Сергинскаго заказа, получившаго названіе отъ р. Серги, какъ и заводъ. Пыскорскій казенный заводъ при р. Камъ-Горкѣ по своему названію и близости (въ 20 вер.) къ извѣстному Пыскорскому монастырю принадлежать къ Пыскорскому заказу.

Другіе казенные и частные заводы на притокахъ рѣки Камы, Сылвѣ и Ирени, находились въ восточной приуральской части Вятской епархіи (Пермской десятины). Тутъ были *казенные* заводы, на притокахъ Камы: Висим-

¹⁾ Ежемѣсячныя сочиненія... Спб. 1757 г., январь, 36—37; мартъ, 207; 213. При р. Чусовой, въ вотчинѣ Строгановыхъ находилась сплавная пристань Осианская, ближайшая (54 вер.) къ Сибирскому Благодати-Кувшинскому заводу, при р. Кувшнѣ, впадающей въ Туру: отъ Верхотурья въ 111 вер. (тамъ же, стр. 204, 208). Количество земли, пожалованной русскими царями Строгановымъ въ Пермской губерніи, равнялось приблизительно 10,382,047 дес.: съ теченіемъ времени оно сократилось, но еще въ 1715 году Строгановскія земли представляли собой огромную территорію въ 63897 кв. верстѣ, вдвое больше нынѣшней Голландіи (Д. Смышляевъ, Пермскій край, т. II, стр. 90, Пермь 1893). Тутъ см. карту Строгановскихъ вотчинъ 1734 г. съ обозначеніемъ всѣхъ заводовъ и селеній. О первоначальномъ и постепенномъ заселеніи земель Строгановыхъ въ Пермь Великой см. Памятную книжку Пермской губ. 1889 г. Списокъ селъ въ пермскихъ владѣніяхъ Строгановыхъ, числомъ 53, въ Орловскомъ и Чусовскомъ приходахъ въ 1715 г. см. Пермская Старина. А. Дмитриева. Вып. II, стр. 188—189.

скій, при р. Висимѣ, Мотовилихинскій, при р. Мотовилихѣ,—въ 3 верстахъ отъ него стоялъ Егояшнскій заводъ, при р. Егояшнѣ (гдѣ нынѣ г. Пермь), Нижній Юговскій, при р. Югѣ, впадающей въ Сылву, въ 2 вер. отъ него на той же рѣкѣ—Верхній Юговскій; — заводы *Акинѳія Демидова*: Юговскій по р. Югѣ, впадающей въ Каму, въ 7 вер. отъ устья, Бымовскій, при р. Бымѣ, впадающей въ Ирень, притокъ Сылвы, Ашановскій, при р. Ашанѣ, впадающей въ Ирень, Шаквинскій при р. Шаквѣ, притокъ Сылвы, Сокеунскій при р. Сокеунѣ, впадающей въ Сылву.—*Никиты Демидова*: Давыдовскій при р. Давыдовкѣ, притокъ Камы, въ 7 вер. отъ г. Осы, внизъ по Камѣ.—*Балахонскаго* посадскаго челоуѣка *Петра Осокина*—Иргинскій заводъ при р. Иргинѣ, притокъ Сылвы, Бизярскій при р. Бизяркѣ, притокъ Бабки, впадающей въ Сылву.—Балахонскаго купца *Гаврила Осокина*—Юговскій, при р. Югѣ, впадающей въ Бырму, — притокъ Ирени, Курашинскій, при р. Курашинѣ, впадающей въ Бабку. — Кунгурскаго посадскаго *Тимофея Шавкунова*—Тушевскій, при р. Тушѣ, притокъ Ирени (всѣ въ тогдашнемъ Кунгурскомъ уѣздѣ):—Соликамскаго посадскаго *Алексея Турчанинова*—Троицкій заводъ при р. Талицѣ, впадающей въ притокъ Камы Усолку ¹⁾, прикрытый постѣмъ переѣзда Турчанинова во вновь купленные въ 1758 г. Сысертскіе заводы. На мѣстѣ Троицкаго завода нынѣ маленькая деревня Зырянова, Соликамскаго уѣзда ²⁾.

По картѣ Екатеринбургскаго вѣдомства за 1734 г. можно заключать, что заводы стояли не одиноко. Въ ихъ

¹⁾ Ежемѣсячныя сочиненія. стр. 206—208; 211—214. Всѣ названные казенные и частные заводы указаны на картѣ Екатеринбургскаго вѣдомства 1734 г., приложенной ко второму тому „Пермскаго края“ Д. Смышляева. Пермь 1893 г. На этой картѣ, между прочимъ, обозначены границы Кунгурскаго уѣзда, вотчинъ Строгановыхъ, Соликамскаго и Чердынскаго. На карту нанесены не только заводы, села, деревни, но и монастыри въ названныхъ уѣздахъ, входившихъ въ составъ Пермской десятины Вятской и Великопермской епархіи.

²⁾ Труды Пермской Ученой Архивной Комиссіи, вып. IV, стр. 107. О Сысертскихъ заводахъ см. Словарь Семенова, IV, стр. 819—820.

окрестностях находилось много селъ и деревень съ русскимъ и инородческимъ населеніемъ. Значительными инородческими селами были пермяцкія села Кудымкорское, при р. Кувѣ, впадающей въ Инву, и Косинское, при впадении Лалого въ Косу. С. Кудымкоръ (Соликамск. у.) нынѣ главное майоратное село графовъ Строгановыхъ въ Инвенской дачѣ; с. Майкоръ на р. Инвѣ стояло тамъ, гдѣ пермяцкое населеніе сходилось съ русскимъ. Пермяцкія селенія встрѣчаются и тамъ, гдѣ нынѣ сохранились остатки охраннаго сторожевого пункта — Рождественскаго Городища надъ р. Обвой (нынѣ Соликамск. у.). Русское племя расселилось всюду, и одно прикамское русское с. Кривцы стояло даже въ глуши, среди лѣсовъ ¹⁾.

Составъ приказовъ *Пермской десятины*, носящихъ названіе по рѣкамъ и селамъ, довольно подробно опредѣляетъ территорію восточной половины Вятской епархіи.

Въ 1730 году въ *Пермской десятины* насчитывалось уже 16 приказовъ вмѣсто 14, бывшихъ въ 1728 г., а именно: Кайгородскій, Зудзійскій (Вотяцкое село по р. Камѣ, нынѣ Вятской губ.), Косинскій, Чердынскій, Усольскій, Пыскорскій, Зырянскій ²⁾, Чусовскій, Сылвенскій, Кунгурскій, Верхомулинскій (с. Верхомулинское Пермск. у.), Сергинскій, Майкорскій, Кудымкорскій, Кривяцкій и Обвейскаго Порѣчья Рождественскій ³⁾.

¹⁾ Труды Пермской Учен. Архив. Ком. вып. IV, стр. 114—115. П. Семеновъ. Географ. словарь... II, стр. 820 и Карта при изслѣдованіи Г. С. Лыткина: „Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ. Спб. 1889 г.“.

²⁾ Нынѣ—кромѣ извѣстной маленькой деревни Зырановой (Соликамск. у.) на мѣстѣ Троицкаго завода Турчанинова, есть еще село Зырянское, близъ Ленвенскаго (Соликамск. у.): тутъ нѣкогда были знаменитыя солянныя варницы Пыскорскаго монастыря: въ 1679 г. варницы отданы московскому Воскресенскому Новому Иерусалиму монастырю, а въ 1697 г. онѣ перешли къ Димитрію Строганову: въ 1772 г. варницы окончательно прикрыты вслѣдствіе скудости разсола и ветхости самихъ варницъ (Пермская старина, вып. II, стр. 190 П. Семеновъ, Географич. словарь, II, 295 стр.).

³⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Спн. XI, №№ 62 и 510.

Вятскую десятину составляли девять приказовъ, вмѣсто прежнихъ восьми, при чемъ одинъ изъ прежнихъ приказовъ успѣлъ переименоваться. Къ бывшимъ въ 1728 г. приказамъ: Слободскому, Орловскому, Котельничскому, Кырчанскому, Сезеневскому, Сырьянскому и Ошланскому (въ нынѣшнемъ Нолинскомъ у. ¹⁾) прибавился Вожгальскій приказъ, а Куринскій переименованъ въ Окатьевскій ²⁾. Вятка съ особымъ приказомъ, по прежнему, оставалась въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерейскихъ приказовъ.

Приведенныхъ географическихъ данныхъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, что вся нынѣшняя Вятская епархія, кромѣ части южной ея территоріи, входившей въ территорію Казанской епархіи, и Пермская по сую сторону Урала, кромѣ части Осинскаго уѣзда, составляли одну Вятскую и Великопермскую епархію. Къ половинѣ XVIII в. къ ней принадлежали города: кафедральный Вятка (Хлыновъ), Орловъ, Котельничъ, Слободской, Шестаковъ, Кайгородокъ, Кунгуръ, Соль-Камская, Чердынь и вотчинны Строгановыхъ ³⁾. Уралъ былъ естественной восточной границей Вятской и Великопермской епархіи; сѣверная ея граница проходила съ большимъ наклономъ съ сѣвера къ югу въ водораздѣлѣ притоковъ рѣкъ Камы и Вятки съ

¹⁾ Кырчанское село на р. Воѣ, притокъ Вятки, выше города Нолинска; село Сезеневское на р. Чепцѣ. Слобод. у. с. Сырьянское—Воскресенское, на р. Осетровкѣ, нынѣ Слободскаго уѣзда; на картѣ у Г. С. Лыткина с. Сырьянское обозначено на р. Камѣ: село Ошланское на р. Ошланкѣ и Мырникѣ, Нолинскаго уѣзда. Близъ села имѣется курганъ, въ которомъ находили старинныя желѣзные кольца и сбрую (П. Семеновъ, словарь III, 739). По р. Ошланкѣ стоитъ много селъ и деревень Нолинскаго уѣзда.

²⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Спн. XI, №№ 62 и 510. Вожгальское (Вожгала) при р. Быстрицѣ, нынѣ торговое село Вятскаго уѣзда въ 61 вер. отъ г. Вятки: есть дер. Вожгала въ Орловскомъ уѣздѣ и еще нѣсколько селъ и деревень въ другихъ уѣздахъ съ такими же или средними по корню названіями (Указатель населенныхъ мѣстъ Вятской губерніи). Село Куринское на р. Куринкѣ по которой назывался Куринскій приказъ, переименованный въ Окатьевскій. Котельничскаго уѣзда, находится недалеко отъ с. Акатьева или Окатьева, того же уѣзда.

³⁾ Ежемѣсячныя сочиненія. Спб. 1757 г. Мартъ, 304.

одной стороны, Сѣверной Двины и Печоры съ другой; западные предѣлы ея не доходили далѣе бассейна верховьевъ р. Ветуги, гдѣ сходились Казанская, Нижегородская и Вятская епархіи. Южная граница начиналась въ бассейнѣ р. Пижмы, затѣмъ шла къ востоку почти прямой линіей, пересѣкая р. Вятку сѣвернѣе устья р. Пижмы. Отдѣливъ г. Осу на р. Камѣ къ Казанской епархіи, она, уклоняясь къ югу, чрезъ верховья р. Уфы шла къ верховьямъ р. Чусовой, присоединяя Сергинскіе заводы къ Вятской епархіи.

На обширномъ пространствѣ Вятской и Великопермской епархій стояло сравнительно мало храмовъ. Количество ихъ даже въ половинѣ XVIII в. едва ли превышало 300, такъ какъ въ 1744 г. тамъ насчитывалось только 291 приходъ.

Что касается монастырей, то ихъ тамъ въ 1736 г. было 23, изъ нихъ степенныхъ мужскихъ 10, къ нимъ приписано 7, женскихъ 5 монастырей, а именно: *мужскіе*: 1,—Успенскій Трифоновъ въ Хлыновѣ, 2,—Богоявленскій въ г. Слободскомъ, къ нему приписной Верховятскій Екатерининскій, 3,—Спасскій Преображенскій Пыскорскій съ приписной Рождественской пустыню, 4,—Вознесенскій при г. Соликамскѣ съ приписной Воздвиженской пустыню, 5,—Богословскій въ Чердынѣ, 6.—Спасскій въ г. Орловѣ, 7,—Предтеченскій при г. Котельничѣ съ приписнымъ Введенскимъ м., 8,—Богословскій при г. Хлыновѣ съ приписными—Курипскимъ, Раюской пустыню, Троицкимъ и Холуницкимъ, 9,—Троицкій Плесинскій съ приписнымъ Троицкимъ Холуницкимъ, 10,—Одигтриевскій Шеринскій. *Женскіе*. Преображенскій въ Хлыновѣ, Спасскій въ Слободскомъ, Преображенскій въ г. Соликамскѣ, Успенскій Богородицкій въ Чердынѣ и Богородицкій—въ уѣздѣ Соли-Камскій ¹⁾.

Сибирское Зауралье нынѣшнихъ Пермской, Екатеринбургской, Уфимской и Оренбургской епархій входило въ составъ Tobольской (Сибирской) епархій.

¹⁾ Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Синод. VI, Прилож. II, стр. 7—14. XV, прил. XXXIV; XX, прил. X. Въ 1740 г. было 292 цер., въ 1741 г. — 286 цер., въ 1742 г.—тоже, въ 1743 г.—289 цер.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Предѣлы Сибирской епархій къ началу XVIII в. Колонизація Сибири со второй половины XVII в. до половины XVIII в. Постройка городовъ, крѣпостей, слободъ, заводовъ. Укрѣпленныя линіи Западной и Восточной Сибири. Колонизація Приморской области и Камчатки и укрѣпленіе ихъ за Русью съ постройкой городовъ. Административное дѣленіе Сибири въ половинѣ XVIII в. съ раздѣленіемъ на провинціи и дистрикты.

Христіанская миссія въ Сибири въ концѣ XVII и въ XVIII в. Даурская-Забайкальская миссія. Миссіонерскіе труды тобольскаго митроп. Филовея-схимонаха Осодора и его сотрудниковъ и продолжателей его дѣла—въ лицѣ Иркутскихъ архіереевъ къ половинѣ XVIII в. Камчатская миссія. Постройка храмовъ въ Сибири.

Составъ и предѣлы Tobольской епархій въ началѣ XVIII в. Иркутское викаріатство. Прикрытіе его и присоединеніе области Иркутскаго викарія къ Tobольской епархій. Трудность управления Сибирской епархіей одному архіерею.

Открытіе самостоятельной Иркутской епархій (1727 г.): ея составъ. Присоединеніе къ ней отъ Tobольской епархій Илимска и Якутска съ ихъ округами. Составъ и предѣлы Tobольской и Иркутской епархій къ половинѣ XVIII в. Ихъ постоянство. Неосуществившійся проектъ открытія Камчатской или Якутской епархій въ половинѣ XVIII в.

XX.

Сибирская епархія (Тобольская митрополія) къ началу XVIII вѣка представляла собой громадное пространство. Въ теченіе XVII в. въ своихъ крайнихъ предѣлахъ она успѣла подойти къ естественнымъ границамъ на сѣверъ—къ Ледовитому океану, на *востокъ* приблизилась къ Великому океану, на югъ она сомкнулась съ землями, подвластными Китайской Имперіи—въ, такъ называемой, Дау-